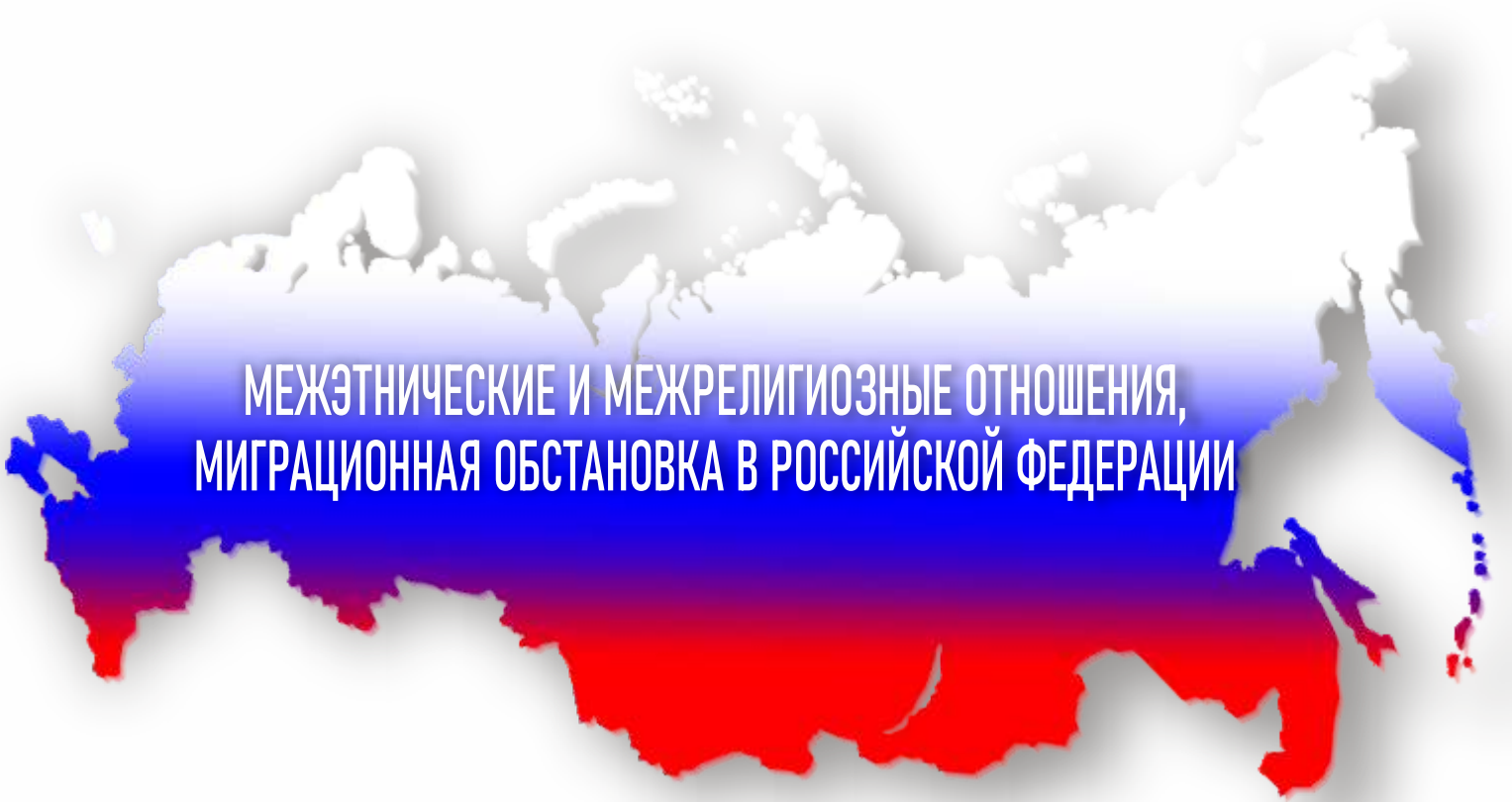

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

A map of Russia is centered on the page, filled with the colors of the Russian flag: white at the top, blue in the middle, and red at the bottom. The text of the title is overlaid on the blue band of the flag.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экспертно-аналитическая отчет
декабрь - 2024 года

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
«Межэтнические и межрелигиозные отношения,
миграционная обстановка в Российской Федерации
(ДЕКАБРЬ 2024 года)»

Резюме

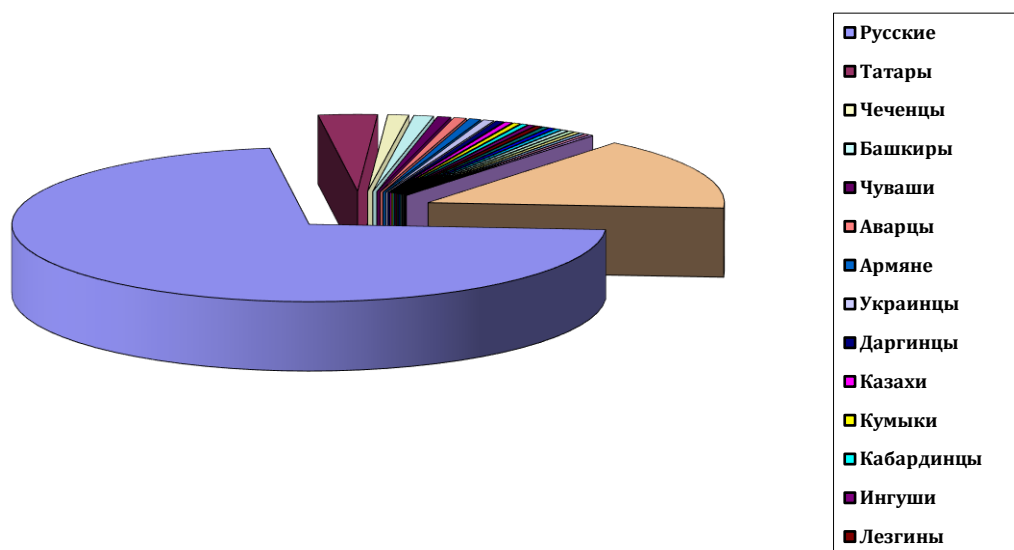
В настоящем экспертно-аналитическом материале на основе мониторинга, сбора, обработки и анализа сведений и информации из открытых источников¹ проведено комплексное исследование социально взрывоопасных резонансных событий, имевших как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и исключительно миграционное основание (т.е. «антимиграционную» риторику), и в числе прочих последствий получивших крайне негативную реакцию в отечественном информационном пространстве в декабре 2024 г. с анализом ситуации в течение всего 2024 года. Диагностировано текущее состояние в области межнациональных и межрелигиозных отношений и процессов, описаны наблюдаемые тенденции в рассматриваемой сфере, на основе которых спрогнозированы основные вызовы и угрозы.

Текущая ситуация

По [итогам](#) Всероссийской переписи населения 2020 г. (далее – ВПН–2020) в России проживают **свыше 200 представителей** различных национальностей – этнических сообществ (при общей численности населения России в 147,1 млн человек). Национальный состав населения России представлен на диаграмме.

¹ *Справочно.* Источники информации: открытые электронные (цифровые) и сетевые ресурсы органов государственной власти; информационные агентства; сетевые СМИ; интернет-ресурсы (сайты) традиционных СМИ; электронные справочные системы (словари, энциклопедии); социальные медиа (социальные сети – коммуникационные сети, блоги, видео-хостинги, форумы (тематические форумы, региональные и/или городские форумы), электронные неофициальные СМИ).

Национальный состав России

Как свидетельствуют итоги ВПН–2020, в части национального состава страны – Россия, являясь самым крупным государством в мире, сосредотачивая в своих ресурсах значительные богатства в виде запасов природных ископаемых, находится в авангарде этнического, культурного и религиозно-конфессионального многообразия, сформированного и скрепленного в условиях поступательного исторического развития Российского государства.

В результате формирования многосоставного и уникального общества в России были выработаны эффективные механизмы межнационального согласия и сосуществования значительного числа самобытных этнокультурных общностей. Государствообразующим и наиболее многочисленным народом России являются русские (свыше 70% от всего населения, или 105,5 млн человек от общей численности 147,2 млн человек), другие крупные этнические сообщества России – татары (свыше 4,7 млн человек), украинцы (свыше 880 тыс. человек), башкиры (свыше 1,5 млн человек), чувашаи (свыше 1 млн человек), чеченцы (свыше 1,6 млн человек) и т.д.

Крах социализма сформировал новую социально-политическую реальность, центральное место в которой предсказуемо заняли процессы в сфере межнациональных и межрелигиозных (межконфессиональных) отношений. Системообразующие принципы и ориентиры современной государственной национальной политики заявлены в фундаментальных положениях Конституции РФ, принятый в декабре 1993 г., чьи нормы закладывают базу для совершенствования правового регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений.

В преамбуле к Конституции России содержится коннотация современной российской социально-политической действительности («Мы, многонациональный народ, соединенный общей судьбой на своей земле»), базовые целевые ориентиры российского полиэтнического социума («...обеспечить благополучие и процветание России»), а также преобладающего мотива,

обуславливающего модель поведения («... ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями»).

В целом, можно говорить, что именно положения Основного закона России закрепили ряд важнейших принципов и механизмов в рассматриваемой сфере:

- многонациональный российский народ как прямой источник и носитель государственного суверенитета (п. 1 ст. 3) (*консолидирующий характер*);

- политический и правовой паритет субъектов Российской Федерации (п. 1 ст. 5) (*характер равноправия*);

- абийентность алгоритма выхода субъектов из состава федерации (п. 3 ст. 5) (*императивность выхода из состава федерации как противодействие сепаратизму*);

- основы внутреннего самоопределения народов России (п. 3 ст. 5) и неотъемлемое право на сохранение и развитие национальной культуры и языка (п. 1–4 ст. 68) (*защита и поддержка этнокультурной идентичности народов России*);

- свободу личности в самоидентификации этническим и религиозным основаниям (п. 1–2 ст. 26);

- права коренных малочисленных народов России и особенности их реализации (п. 1 ст. 69);

- запрет на пропаганду всякого рода превосходства, ненависти, вражды и неприязни по любым основаниям (п. 2 ст. 29).

Кроме того, одной из новелл, которая закреплена в статье 26 Конституции, стала возможность гражданина свободно указывать свою национальную принадлежность, параллельно исключается всякое принуждение при ее определении. Это важно, поскольку этнокультурное, конфессиональное и религиозное самоопределение – социальные маркеры, имеющие отношение к характеру и формату участия граждан и других лиц в определении социально-политической повестки государства.

Современная концепция российской национальной политики базируется на дуализме административно-территориального и этнотерриториального принципов формирования государства. В данном случае особое внимание государственно-управленческого аппарата фиксируется в формулах функционирования этнического плюрализма, межнационального диалога и равной политической субъектности. Модель российского федерализма ориентирована на сохранение управления страной и сдерживания сепаратистских устремлений регионов, территориально или этнически недостаточно интегрированных в единое общероссийское политическое и социокультурное пространство. Следует понимать, что именно этнокультурное и религиозно-конфессиональное многообразие является целью деструктивного внешнего воздействия, направленного на попытку разобщения единого российского общенационального организма по различным социально-политическим идентификациям, а также атомизацию российского социума.

Современная российская национальная политика представляется целостной, крайне паритетной системой регулирования межэтнических (межнациональных) и

межрелигиозных (межконфессиональных) отношений. Вместе с тем контент-анализ официальных документов стратегического планирования позволяет заключить, что в доктринальных и стратегических актах слабо разработаны действенные и «работающие» механизмы поддержания конструктивной связи между общероссийским гражданским самосознанием и этнокультурным разнообразием. Недостаточная глубокая имплицативность общероссийского гражданского самосознания и этнокультурного многообразия требует совершенствования уже существующих механизмов. И основной целью государственной национальной политики в данном векторе должна определенно быть ориентация на выведение этничности из политической орбиты путем запуска специальных социальных алгоритмов деполитизации и концентрации этнического в исключительно социально-культурной сфере, а при сложившихся российских традициях «понимания» феномена этничности и его корреляции с политическим контуром вероятнее всего понадобится создание эффективной платформы межнационального и межкультурного диалога нового типа.

В настоящий момент времени базовым документом в сфере регулирования межнациональных отношений, профилактики и разрешения этнополитических противоречий в Российской Федерации является принятая Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года». Одно из назначений данного документа стратегического планирования – предотвращение межэтнического противостояния, профилактика этнополитических конфликтов, их эффективное урегулирование и постконфликтная реконструкция. Представляется очевидным, что в тексте документа очерчены основные положения российской модели регулирования этнополитических конфликтов, основной инструментарий которой раскрывается в призме *нациестроительства*, формировании общегражданской идентичности – российской нации, где этничность скорее выведена из политической орбиты и развивается в контурах национально-культурных (этнокультурных) автономий.

Однако открыт вопрос о содержании основных концептуальных понятий нациестроительства, в частности, в том, какие конкретно компоненты и, главное, почему, составляют гражданско-политическую идентичность, и какие механизмы и инструменты должны быть использованы для формирования идентичности.

Безусловно, наряду с необходимостью формирования общегражданской нации приоритет отводится поддержанию конституционного строя, базовых прав и свобод личности, этнического плюрализма, толерантности и терпимости.

Вместе с тем, учитывая широкий контраст охватываемых в Стратегии вопросов, нельзя не обратить внимание на некоторые нюансы. Так, содержание документа не проясняет смысл, вложенный авторами в понятие «национальные отношения», не вполне ясно, является ли первостепенным компонентом «национально-государственная» составляющая или «этническая»; отождествляются «этническая общность» и «национальность» в интегральное понятие «народы», которые в свою очередь формируют «российскую нацию».

Соответственно, складывается весьма устойчивое представление о применении примордиалистской парадигмы этничности в отношении толкования «народов», в то время как по отношению к структуре, сущности и специфике современных национальных отношений и процессов персональной самоидентификации и самоопределения в основе, вероятнее всего, лежит противоположенная, конструктивистская теория.

Важно отметить, что безапелляционность ключевых положений Стратегии о «единственно верном» пути упрочнения общегражданского самосознания, духовно-ценностной общности полиэтничного российского социума и сохранения богатого этнокультурного российского ландшафта по формальным признакам является знаменателем наиболее оптимальной формулы межнационального согласия и мира, но требующей точечных мер государственной поддержки в своем числителе. И надо отметить, что конкретная работа находится в компетенции профильного ведомства – Федерального агентства по делам национальностей.

В целом можно согласиться с мнением о том, что ценность Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. заключается в «гуманитарном и стержневом стандарте этнополитики», при этом оговорившись, что принципы, механизмы и положения, регулирующие межнациональные и межконфессиональные отношения в России, установлены в первую очередь в Конституции, настоящей Стратегии, а также в ряде отраслевых нормативных правовых актов и документов стратегического планирования, прямо или косвенно затрагивающих сферу межнациональных отношений и процессов.

В результате длительного исторического развития и формирования такого сложносоставного общества были выработаны традиционные меры и механизмы поддержания межнационального согласия и сосуществования разных социальных общностей. Данный тезис косвенно подтверждается богатой языковой палитрой народов России и корреляции данного обстоятельства с форматом межэтнических (межнациональных) отношений и процессов, а также некоторых определяющих функций государственного языка, а именно:

функция мирового языка;

функция регионального культурного языка;

функция контактного языка (т.е. языка межнационального общения);

функция языка диаспоральных институтов.

В соответствии с результатами, полученными Институтом языкознания РАН в рамках проведенного комплексного анализа материалов ВПН-2020 с учетом научного исследования «Список языков России и статусы их витальности» ([«Список языков России в итогах Всероссийской переписи населения»](#) № 14405-01-358 от 28 декабря 2023 г.), для использования в целях обеспечения научно обоснованного единообразия в оценке языковой картины современной России установлено, что в России >150 используемых языков. Все языки², информация о которых получена в ходе ВПН-2020, согласно результатам

² Языками России считаются те языки, которые удовлетворяет хотя бы одному из следующих критериев:

последних исследований, в лингвистической сфере подразделяются на *живые языки России — 155 языков*; *заснувшие языки России — 2 языка*; *исчезнувшие языки России — 13 языков*.

В [официальной декларативной части](#) по отношению к языковой политике, в соответствии с установленной Конституцией Российской Федерации принципами, а также исходя из исторически сложившегося государственного единства и в целях решения общегосударственных задач в России как многонациональной стране, *государственная языковая политика основывается на признании государственным языком Российской Федерации на всей ее территории русского языка как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов России, а также защите, сохранении и равноправном развитии языков народов России.*

В целом, система взглядов на современное состояние, принципы, цели и задачи государственной языковой политики Российской Федерации, а также на инструменты и механизмы ее реализации нашла свое отражение в [Концепции государственной языковой политики Российской Федерации](#), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р. Правовая основа языковой политики Российской Федерации, состоящая из Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «О государственном языке Российской Федерации», «О безопасности», «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и других нормативных правовых актов и официальных документов подчеркивает *важность таких направлений российской государственной национальной политики как:*

– укрепление гражданского единства многонационального народа Российской Федерации, сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации: <...> повышение интереса к изучению истории, культуры и языков народов Российской Федерации, значимых исторических событий, ставших основой государственных праздников и памятных дат, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации;

– обеспечение условий для сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, языков народов Российской Федерации: создание оптимальных условий для использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения и одного из

а) языки, носители которых проживают в компактных поселениях (т.е. таких, где процент говорящих на данном языке составляет более 20%); б) языки, носители которых проживали в недавнем прошлом (100–150 последних лет) в компактных поселениях, а их потомки всё ещё продолжают проживать в России; в) языки, не менее половины (от численности в мире) носителей которых проживают на территории России.

официальных языков международных организаций, а также для сохранения и развития языков народов Российской Федерации; обеспечение прав граждан на изучение родного языка и других языков народов Российской Федерации.

В документе подтверждаются усилия государства, прилагаемые в политике сохранения, развития и поддержания существующего языкового многообразия, которая предполагает функционирование русского языка как государственного, государственных языков национальных республик (субъектов) России, языков официального общения населения в местностях его компактного проживания и языков народов России.

Актуальные проблемы межконфессиональных отношений в различных регионах России проявляются в разных формах и имеют различные масштабы социального значения. Вне всякого сомнения, квинтэссенцией современного «религиозного ренессанса» является вовлеченность широких слоев общества, особенно молодежи, в клерикализационных процессах. Разнообразные религии и конфессии, как традиционные, так и нетрадиционные для России, стремятся укрепить свое влияние в социуме, руководствуясь стратегическими интересами расширения ареала своего влияния. Молодое поколение, в отличие от других возрастных групп, в наибольшей степени подвержено влиянию религиозных идеологий и течений, особенно с радикальным, экстремистским или крайнем фундаменталистским содержанием. Противоречия могут находить отражение в межрелигиозных конфликтах и представляют одну из наиболее существенных проблем эффективного межконфессионального диалога и взаимодействия. От того, как будут выстраиваться отношения между конфессиями и каким образом верующие разных традиций будут воспринимать друг друга – позитивно или негативно – во многом зависит устойчивость и перспективы социального развития, а также состояние межэтнического согласия и межрелигиозного мира в России на современном этапе.

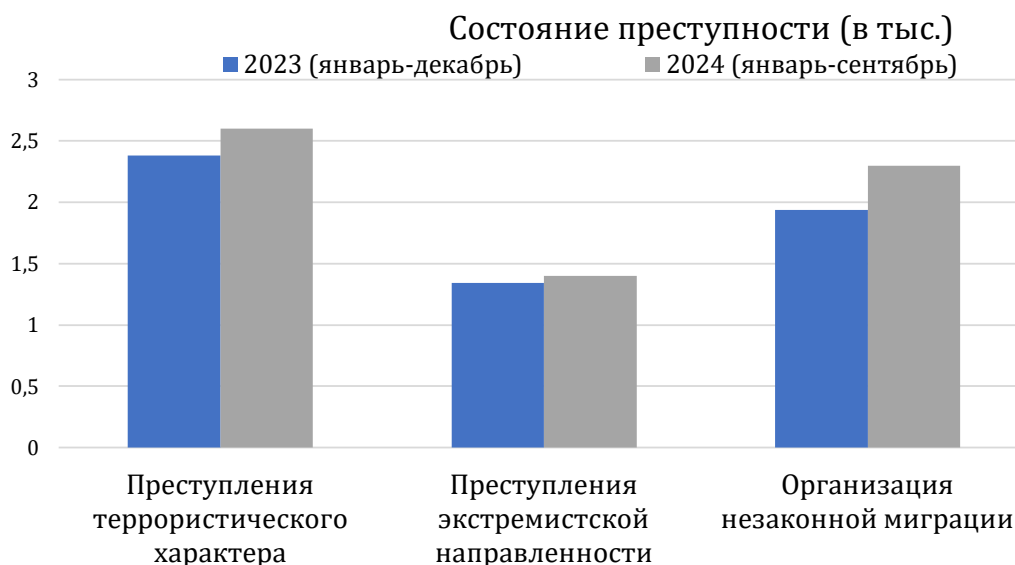
В настоящее время об отношении россиян к религии или их религиозной (конфессиональной) идентификации судить крайне затруднительно, поскольку официальной статистики, вытекающей из данных о членстве в религиозных организациях, не существует, а во Всероссийских переписях населения (в т.ч. ВПН–2020) не предусмотрено отражение вероисповедания и/или религиозных убеждений человека. Следует заметить, что в действующее законодательство включены положения по поддержанию гарантий охраны и защиты религиозной тайны, соответственно судить о религиозной идентификации россиян можно только по результатам социологических опросов. Например, [согласно социологическому опросу](#) Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), проведенного в июле 2023 г. и приуроченного ко Дню Крещения Руси, 57 % россиян идентифицировали себя православными, 5 % – мусульманами, по менее чем 1 % – католиками, протестантами и буддистами, другого вероисповедания – 5 %, неверующими – 19 %. Примечательно, что по [результатам](#) Всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и

некоммерческого сектора Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики НИУ ВШЭ в 2024 г., большинство россиян *считают себя верующими*: принадлежность к той или иной религии декларируют 66% опрошенных, 56 % респондентов связали себя с православием, 1% – к прочим конфессиям христианства, 6 % – к мусульманам, а буддистского или иудейского вероисповедания придерживается около 1 % опрошенных.

Таким образом, в последние несколько десятилетий в России протекает период «религиозного возрождения», возвращения населения к традиционным религиозным ценностям. Значительная часть российского населения осталась верной своим религиозным убеждениям, о чем, в частности, свидетельствуют большинство проведенных в последнее время опросов общественного мнения, а также стремление россиян совершать важнейшие религиозные таинства и обряды. Вместе с тем, глубокое приобщение к религиозным ценностям способно «сыграть на руку» деструктивным силам радикальной и/или экстремистской направленности, что в целом содержит серьезные вызовы и угрозы эскалации конфликтов по этнонациональным и религиозно-конфессиональным мотивам.

Примечательно, что по состоянию на 22 декабря 2024 г. в России зарегистрировано 33488 религиозных организаций, а в Перечне общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» *находится 117 разнообразных объединений*. По состоянию на 21 ноября 2024 г. в Едином федеральном списке организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством российской федерации террористическими находятся 59 организаций.

Весьма симптоматично текущее состояние в области межэтнических и межрелигиозных отношений и процессов иллюстрируют данные о состоянии преступности: преступлений террористического характера и экстремистской направленности, организации незаконной миграции и другое. Так, с января по

декабрь 2023 г. [было зарегистрировано](#) 2382 преступления террористического характера, а также 1340 преступлений экстремистской направленности и 1941 преступление, связанное с организацией незаконной миграции. С января по сентябрь 2024 г. [зарегистрировано](#) 2,6 тыс. преступлений террористического характера и свыше 1,4 тыс. преступлений экстремистской направленности, а также 2302 преступления – организации незаконной миграции.

Как следует из представленной диаграммы, наблюдается существенный прирост в 2024 г. рассматриваемых типов преступлений, особенно учитывая то, что выборка по 2024 г. охватывает ограниченный временной диапазон с января по сентябрь, т.е. неполный календарный год. Следует отметить, что состояние преступности весьма точно коррелирует с динамикой резонансных событий в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений.

Таким образом, этнонациональное и религиозное многообразие России при всей своей преобладающей положительной роли имеет и некоторые издержки.

Очевидно, к плюсам российского этнического и религиозного разнообразия следует относить следующее:

- *культурное обогащение*: разнообразие традиций, языков и обычаев и искусства обогащает культурную и духовную жизнь многосоставного общества, что способствует укреплению толерантности и принятию различных точек зрения и мировоззренческих позиций, не противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям;

- *новые экономические возможности*: привлечение талантов, принадлежащих разным народам и национальным культурам, может стимулировать инновации, а миграция – способствовать росту рабочей силы и разнообразию профессиональных навыков;

- *социальная устойчивость*: разнообразные сообщества имеют существенный потенциал к адаптации и устойчивости в условиях глобальных изменений, межнациональной консолидации вокруг защиты и сохранения своей этнокультурной идентичности и аутентичности. В целом развитие диалога между различными этнонациональными сообществами способствует формированию более инклюзивных сообществ;

- *политическая сторона*: демократические институты могут выступить примером успешного сосуществования разных культур, укреплять международный авторитет России.

Минусы этнического и религиозного многообразия, вероятнее всего, могут быть сосредоточены в следующем:

- *социальное напряжение*: высокие риски эскалации этнических и религиозных конфликтов, катализированных различиями в культуре, языке, социальными, политическими и религиозными убеждениями и предпочтениями, а также обострение проблемы адаптации и интеграции в инокультурную среду;

- *издержки принятия политических решений в сфере управления*: необходимость учета интересов значительного множества групп усложняет

принятие политических решений, а в результате – крайне высокие риски и угрозы политической фрагментации и этнического лоббизма;

- *риски экономического неравенства*, когда некоторые этнические и религиозные сообщества могут сталкиваться с дискриминацией на рынке труда или в доступе к тем или иным ресурсам в силу сформированных в социуме стигм, фобий, негативных предрассудков и/или стереотипов в отношении части этнорелигиозных сообществ;

- *значительные трудности на пути формирования и укрепления общенациональной идентичности*, а также с сохранением общей национальной культуры и языка в условиях сохранения этнического плюрализма с выраженными формами этнической или религиозной идентификации. А в результате – риски популяризации сепаратистских настроений среди этнических сообществ и угрозы роста противоправных действий экстремистской направленности;

- *риски религиозной радикализации*, когда разногласия на почве различий в религиозных убеждениях могут стать причиной проявления форм экстремизма и терроризма;

- *этническое и религиозное разнообразие российского общества систематически становятся предметом нападков, спекуляций и спланированных акций* в дискредитации российской власти и общества деструктивными силами (внешнего контура), ориентированных на формирование и усиление социально-культурного разрыва между народами, проживающими в России, форсирование процессов атомизации общества, создание «социального климата» тотального межэтнического недоверия.

Так, этнонациональное и конфессионально-религиозное многообразие, с одной стороны, выступает колоссальным ресурсом для поступательного развития России, при условии, что управление осуществляется с учетом прав и интересов всех групп, а также с акцентом на интеграцию и равенство, с другой стороны, без должного подхода и учета текущей разносторонней социально-политической конъюнктуры разнообразие способно выступить источником разногласий и острой конфронтации.

Оценка состояния межэтнических (межнациональных) и межрелигиозных (межконфессиональных) отношений и процессов находится в неразрывной связи с анализом обстановки в сфере миграции и миграционной повестки в стране.

Россия остается крупнейшим мировым центром притяжения трудовой миграции, где основными странами-донорами выступают Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, а также, частично, Казахстан и Беларусь. В частности, продолжается отток населения из сельской местности в крупные мегаполисы и регионы с более высоким уровнем экономического развития (например, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская область и т.д.). Так, международные события и экономические санкции оказывают существенное воздействие на миграционные потоки, что проявляется в большом увеличении числа беженцев и вынужденных переселенцев из государств, испытывающих те или иные сложности.

Несмотря на формирующиеся вокруг России внешнеполитический контекст и военно-политическую обстановку, в 2024 г. наблюдается явный прирост числа мигрантов, традиционно из стран Центральной Азии, обусловленный прежде всего экономическими потребностями российского рынка труда и ухудшением социально-экономической ситуации в странах-донорах. Вероятнее всего, в условиях демографического спада трудовые мигранты продолжают играть важную роль в строительстве, ЖКХ и других отраслях.

Крайне актуальной и по общему признанию специалистов злободневной остается проблема адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, отражающейся в вопросах освоения русского языка, российского законодательства, приобщения к принятым в России нормам поведения и традициям, адаптации детей мигрантов в школах и социального взаимодействия с местным населением.

Одной из тенденций остается нелегальная миграция, что приводит к росту правонарушений и конфликтов на национальной и религиозной почве.

За последние десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Согласно [расчету Федеральной службы государственной статистики](#) о перспективной численности населения до 2030 года (высокий и средний варианты), на основе результатов Всероссийской переписи населения и динамики демографических процессов последних лет, численность населения страны на начало 2025 г. должно составить 142,8 – 145,6 млн человек, а натурализация в Российской Федерации иностранных граждан становится одним из источников прироста численности населения страны в целом и ее регионов. Привлечение по приоритетным профессионально-квалификационным группам иностранных граждан на основе потребностей отечественной экономики, скорее, необходимость для социально-экономического развития, чем просто политическое решение.

Сегодня миграционная привлекательность России по сравнению с другими странами, принимающими мигрантов, невысока и распространяется в большей мере на граждан государств – участников СНГ. Однако при декларируемых положительных эффектах миграции в ней сосредоточен существенный и опасный конфликтный потенциал. Осложнение ситуации в сфере миграции в последние пару лет прямо связано с ростом числа резонансных преступлений, совершенных иностранными гражданами, и растущим, соответственно, недовольством местного населения России. Резонансные и громкие события в миграционной сфере практически постоянно находятся в центре внимания информационных агентств, мониторинговых и экспертно-аналитических исследований.

Часть чиновничьего аппарата и представители различных бизнес-структур традиционно рассматривают миграцию как положительный явление и полезный элемент социально-экономического и демографического развития, понимают под миграционными процессами позитивное «движение», определяют их содержание как естественное пополнение и воспроизводство населения, привлечение как высококвалифицированных специалистов, так и недорогой рабочей силы. Однако миграция опционально, или «a priori», содержит значительные вызовы и угрозы для

национальной безопасности, обусловленные этнокультурными особенностями и религиозными признаками идентификации мигрантов.

Миграция, неизбежно, в тех или иных масштабах преподносит такие опасности, как преступность, геттоизация (формирование стихийных этнических анклавов), значительные сложности, а порой и вовсе невозможность интеграции (адаптации) в российское социокультурное пространство трудовых мигрантов.

Беспрецедентный рост преступности среди мигрантов является ключевой проблемой в контексте регулирования миграционных процессов. Так, в марте 2024 г. Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов [отмечал](#), что в 2023 г. наблюдался резкий рост преступности среди мигрантов: число совершенных ими в России преступлений выросло на 75%, до 21,8 тыс.

Вопросы социокультурной адаптации мигрантов в России являются предметом [комментариев](#) высокопоставленных представителей органов государственной власти России. Примечательны результаты опроса ФАДН, специалисты которого выяснили, что более четверти мигрантов, пребывающих в России, не хотят жить по светским законам, предпочитая нормы шариата. Согласно [данным анонимного](#) опроса в 2023 г., более 35% респондентов-мигрантов отдают предпочтение закону шариата, т.е. религиозному праву, а не установленным на территории России светским законам. Крайне примечательно, что в 2022 г. 43 % опрошенных мигрантов отдавали свое предпочтение шариату, желая жить согласно порядкам, принятым в стране их исхода, игнорируя сложившиеся в России нормы общественного поведения и устои. Так, значительная часть опрошенных мигрантов «ощущает очевидные потребности в таком поведении». 16 ноября с.г. спикер Госдумы России В. Володин в своем Telegram-канале [провел опрос](#) о персональном отношении к законопроекту, ограничивающему прием в школы России детей мигрантов, не знающих русского языка. По состоянию на 22 декабря 2024 г. с этой публикацией –опросом ознакомилось свыше 2,4 млн человек, а из более 601 тыс. проголосовавших 96 % поддержало эту инициативу. По [данным](#) МВД России, на 1 октября 2024 г. в России находилось более 6,5 млн иностранных граждан, из которых 740 тыс. без законных оснований для пребывания на ее территории, а в целом число нелегальных мигрантов с начала года возросло почти на 40%.

Современные межэтнические и межрелигиозные отношения и процессы в России остаются преимущественно стабильными, однако подвержены влиянию миграционных процессов. В миграционной политике государство продолжает уделять внимание как контролю миграционных потоков, ужесточению миграции. Так, 9 ноября 2024 г. Президент России В. Путин подписал федеральные законы об ужесточении миграционной политики: [о конфискации денег](#), ценностей и имущества, полученных при организации незаконной миграции; [об отнесении организации незаконной миграции](#), совершенной организованной группой или в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, к особо тяжким преступлениям; [о признании отягчающим обстоятельством](#) совершение преступления лицом, незаконно находящимся в России; [о внесудебной блокировке](#)

[сайтов](#) с незаконными услугами для мигрантов; [о запрете посредническим организациям](#) принимать экзамены у мигрантов. Пакет из пяти законодательных инициатив по борьбе с нелегальной миграцией разработала комиссия под руководством вице-спикера, депутата И. Яровой («Единая Россия»). Госдума поддержала законы единогласно. Совет Федерации [одобрил](#) 6 ноября 2024 г. пакет законов о борьбе с нелегальной миграцией, что необходимо для поддержания устойчивого миграционного баланса, межнационального мира и социальной стабильности.

Наряду с явным ростом патриотического самосознания многонационального народа России, или его консолидацией вокруг социально-политического курса руководства страны фиксируется и серьезные проблемы в виде вызовов и угроз национальной безопасности России, имеющие межнациональное (межэтническое) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение.

В соответствии с пунктом 14 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, наряду с положительными процессами в сфере межнациональных (межэтнических) межрелигиозных отношений имеются ряд существенных проблем, детерминированных появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. К таким проблемам отнесены:

- распространение международного терроризма и экстремизма, идей радикального толка, основанных, как правило, на национальной и религиозной исключительности;

- возникновение острых очагов межнациональной и религиозной розни в результате попыток пропаганды экстремистской идеологии, являющейся в т.ч. причиной зарубежных региональных конфликтов;

- гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, развивающиеся в т.ч. вследствие целенаправленного вмешательства из-за рубежа и угрожающие государственной целостности;

- незаконная (нелегальная) миграция, несовершенство функционирующей системы социокультурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российский социум, формирование замкнутых этнических анклавов;

- социальное и имущественное неравенство населения, сложности в обеспечении равных возможностей для социального продвижения и доступа к важнейшим общественным благам, региональная экономическая дифференциация;

- частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в т.ч. вследствие глобализации;

- непреодоленные последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов и противоречий в отдельных субъектах Российской Федерации;

- отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Результаты периодических комплексных мониторинговых исследований, аналитики, экспертизы и анализа ситуации в межнациональной (межэтнических)

и межрелигиозной (межконфессиональной) областях в 2024 г. подтверждают заявленные в вышеотмеченном документе стратегического планирования, проблемы.

Факторный анализ резонансных событий

Сепаратистский фактор

Как известно, существенный атрибутивный признак любого государства – его территория, а территориальная целостность России – базовое направление обеспечения ее национальной безопасности. Риски и угрозы территориальной целостности российского государства наряду с прочим состоят в проявлениях сепаратизма, имеющего этнические, территориальные и религиозные основания. Сепаратизм – глобальная тенденция, сопряженная, как правило, с явлениями такого порядка как: истощение государства; кризис общенациональной (интеграционной) идентичности; активизация противоборства на глобальной геополитической арене.

В условиях проведения специальной военной операции существенно возросли вызовы и угрозы в российской межнациональной сфере, имеющие высокий деструктивный потенциал в части дестабилизации внутренней социально-политической обстановки, разобщении российского социума по разным основаниям и идентификациям, включая религиозно-конфессиональную и этническую. Основные усилия «внешних деструктивных сил» сосредоточены на форсировании таких тем, как «внешнее национальное самоопределение» республик – субъектов Российской Федерации, прямая поддержка этнократических тенденций и этноцентризма в национальных республиках Российской Федерации, где, соответственно, релевантная задача – активизация сепаратистских настроений внутри России и ретрансляция сепаратистской повестки зарубежных диаспор, объединяющих выходцев из национальных республик России, на российское информационное пространство, ставя под угрозу территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй России.

Как показывают результаты мониторинговых исследований, спонсорами стимуляции сепаратистских настроений в России могут быть как глобальные элитарные транснациональные группы, так и отдельные «центры силы» в лице, как формальных политических, так и полужформальных структур коллективного Запада. Ожидаемый результат инспирируемых действий – маргинализация государства, а также девальвация государственно-национального суверенитета страны. Россия представляет разнообразную этнокультурную и религиозную палитру с глубокой историей формирования и консолидации элементов единого социокультурного пространства. В то же время она является «удобным» объектом для инициирования внешними деструктивными силами социально-политических эксцессов в попытке этнотерриториального дробления либо ликвидации многовекового суверенитета по мотивам социокультурной дифференциации.

Как правило, потенциально уязвимыми и подверженными информационно-психологическому воздействию социальными категориями населения является этнические сообщества или национальные меньшинства, по отношению к которым внешними силами проводится работа по точечной корректировке традиционных ценностей, социокультурного уклада, побуждению к экстремизму и этнорелигиозному сепаратизму.

Поэтому проявления сепаратизма у различных деструктивных «групп интересов» (т.е. некоторых представителей российских коренных народов), имеющих какую бы то ни было историческую, социальную и иную связь с Россией, находят благосклонный отклик у мировых правозащитников, международных НПО, зарубежных (преимущественно западноевропейских) СМИ, деятельность которых не испытывает трудностей с финансированием при оказании помощи в организации и проведении их мероприятий, наполняя подобного рода события сепаратистским содержанием.

Вместе с тем, идеи сепаратизма находят отклик в рядах т.н. представителей несистемной российской оппозиции, которая открыто декларируя «демократизацию» России как свою базовую цель, сопрягает ее с децентрализацией государственной власти – т.е. формой т.н. «подлинной» федерации. Логика этих идеологических концептов и прокламаций прямо увязывается с конструкциями и основной риторикой, которой оперируют сепаратисты. Этот тезис подтверждается деструктивной деятельностью т.н. «Съезда народных депутатов». Векторы действия подобных сепаратистских институций обращены на попытки:

- воздействия на массовую аудиторию «национальных» регионов России, для порождения различных измышлений о возможностях и пределах «борьбы на свой национальный суверенитет» или «независимость»;
- спровоцировать эффект раздражения, ответную реакцию у официальных властей, создав иллюзию высокой «злободневности» и актуальности вопросов, выносимых на обсуждение на зарубежных площадках;
- фрагментировать (поляризовать) очаги сепаратизма по регионам.

Следует отметить, что, если ранее активность форума и иных сепаратистских организаций фиксировалась, преимущественно, на территории Европы и в основном по лекалам северокавказского этносепаратизма, то теперь одним из региональных центров сепаратизма становится Япония с собственной «зоной ответственности» (или кураторством) «движений по отделению» Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Отмечая преимущественную долю внешнего влияния на возникновение очагов сепаратизма в России, некоторые проявления этого феномена имеют в основном внутреннее происхождение. По итогам 2024 г. сепаратизм как феномен проявлялся в следующих событиях, явлениях и резонансных информационных поводах.

Январь

1. Выход [неправительственной организации](#) «Кайсери Хасэ» в Турции из

состава Федерации кавказских ассоциаций (KAFFED) в связи с «идейными» разногласиями.

2. Издание 22 января с.г. В. Зеленским [указа](#) «Об исторически населенных украинцами территориях Российской Федерации», цель которого – создание и осуществление плана действий по недопущению и пресечению политики России, направленной якобы на «уничтожение национальной идентичности, угнетение украинцев, нарушение их прав и свобод» на ее территории.

3. Провокация киевского режима, связанная с [показом документального фильма](#) «Крымские Аскеры», рассказывающая о мотивах и быте крымских татар, воюющих в составе ВСУ.

4. Разногласия [между «Комитетом ингушской независимости»](#) (базируется в Турции, признан в России иноагентом) и закаевскими «ичкерийцами».

Февраль

1. Усиление пропаганды сепаратизма среди калмыков и казахов российского Прикаспия. 20 февраля с.г. в Сети появился [сайт](#) Северо-Каспийского института (North Caspian Institute), имеющий русскую и английскую версии. Северо-Каспийский институт был основан 28 января 2024 г. с целью изучения региона, который, как заявлено, имеет огромное стратегическое значение в «период неопределенности, созданный российским вторжением в Украину» и его последствиями для этнического активизма и сецессионизма в России, для новых миграционных потоков и изменений в политике государств Центральной Азии. Институт призван активизировать т.н. информационно-психологическую обработку населения Калмыкии, Дагестана и Астраханской области в антироссийском и русофобском ключе путем тенденциозного освещения проблем казахской диаспоры Астраханской области, положения калмыцкого меньшинства в Дагестане, обоснования территориальных претензий ойрат-калмыцких националистов к соседям, вплоть до дельты Волги и самой Астрахани.

2. Активизация Киевом отношения с черкесскими организациями. 27 февраля 2024 г. в г. Киеве [состоялась](#) встреча членов Временной специальной комиссии Верховной Рады Украины по взаимодействию с национальными движениями малых и коренных народов России с лидерами черкесского национального движения из ряда государств. Вместе с народными депутатами Украину представляли эксперты по «коренным поработленным народам». Налаживание отношений черкесов из разных стран с киевским режимом идет на фоне выхода ряда черкесских общественных организаций из Федерации Кавказских обществ Турции (KAFFED) под предлогом его работы на российские интересы (через участие в Международной черкесской ассоциации).

Март–август

1. Деятельность [Европейского парламента](#) (Статья 22 Резолюции от 29 февраля 2024 г. № 2024/2579(RSP) «Об убийстве Алексея Навального и необходимости действий ЕС в поддержку политзаключенных и угнетенного гражданского общества в России») по поиску сепаратистов-активистов из России для участия в группе по взаимодействию со сторонниками «деколонизации»

России – «региональными активистами и национально-освободительными движениями».

Так, статья 22 Резолюции от 29 февраля 2024 г. № 2024/2579(RSP) гласит: Европейский парламент «выражает сожаление по поводу империалистической политики российского режима и решительно осуждает продолжающуюся агрессивную войну России против Украины <...> решающая победа Украины может привести к подлинным изменениям в системе в Российской Федерации, в частности к деимпериализации, деколонизации и рефедерализации, все из которых необходимые условия для установления демократии в России».

Несмотря на то, что резолюции ЕП имеют рекомендательный характер и не обязательны к исполнению, за пункт документа, касающегося «деколонизации» России, проголосовали 278 депутатов при 175 «против», в то время как по другим пунктам: «за» – от 474 до 506, «против» – не более 38 парламентариев. Такой скептицизм среди евродепутатов, а также сам факт анонсирования поиска в России пособников по ее «деколонизации» указывает на то, что ЕП, проведя встречи с представителями сепаратистских национальных и «освободительных» движений в эмиграции, вероятнее всего, осознал, что они, как минимум, не обладают реальной и достаточно широкой базой ресурсной поддержки в России даже среди «земляков», и для ведения подрывной сепаратистской деятельности изнутри необходим набор новых сил, возможно, имеющих достаточную аудиторию, поддержку масс в регионах их исхода. В целом статья 22 рассматриваемой резолюции укладывается в общую концепцию и тактику политических действий коллективного Запада в отношении России, выраженную в поддержке и развитии сети сепаратистских структур.

Здесь же следует обратить внимание на заявление «Альянса Свободных народов» (создана в мае 2023 г. в г. Стамбуле для «демонтажа России и возрождения национальных государств на исконных территориях», дислоцируется в г. Киеве) о формировании коалиции сепаратистских организаций россиян в эмиграции, а в ее состав могут войти запрещенные, экстремистские и террористические структуры: «Альянс», «Кавказский Союз», «Ассамблея Национального Возрождения», «Солдаты Великой Финляндии», «Лига Свободных Наций», «АнтиИмперский Блок народов», «Форум Свободных Государств пост-России» (22 ноября 2024 года признан Верховным Судом РФ террористической организацией). Цель формируемой «коалиции» – объединение потенциала движений, прилагающих различные усилия по дезинтеграции России, предоставив им нужный инструментарий и поддержку для «борьбы».

Проявление сепаратизма среди уроженцев России и представителей коренных народов России, проживающих за рубежом, широкое медийное и информационное сопровождение организуемых ими мероприятий, есть следствие деструктивной и целенаправленной деятельности специальных структур коллективного Запада, оказывающих помощь в их организации и проведении, как прямо, так и косвенно участвуя в наполнении этих событий сепаратистской фабулой. Логика этих идеологических концептов и прокламаций

прямо увязывается с конструкциями и основной риторикой, которой оперируют сепаратисты. Резюмируя, следует отметить, что в настоящее время фиксируется широкая поляризация источников сепаратизма по периметру России, что содержит высокие риски развития как внутривнутриполитических, так и социальных конфликтов на территории России.

2. Сепаратистская и диаспоральная повестка (внесение Росфинмониторингом в список экстремистских и террористических организаций т.н. «Антироссийского сепаратистского движения» и свыше 50 аффилированных с ним структур; фокус внимания экспертного сообщества о влиянии этнических диаспор на органы государственной власти в России, а также лоббирование представителей диаспор в силовые структуры).

Росфинмониторинг включил в список экстремистских и террористических организаций так называемое «Антироссийское сепаратистское движение» и свыше 50 связанных с ним структур. Эти организации обвиняются в деятельности, направленной на подрыв территориальной целостности и стабильности России, поскольку само существование подобных организаций связывается с попытками подрыва государственной власти и дестабилизации внутренней политики. Включение их в список экстремистских организаций подчеркивает масштаб угрозы, которую они представляют для национальной безопасности. В последнее время наблюдается рост обеспокоенности среди российских экспертов относительно влияния этнических диаспор на органы государственной власти в России. Вопросы, касающиеся того, насколько диаспоры могут воздействовать на принятие решений, привлекают внимание как политических аналитиков, так и общественности. Обсуждаются возможные случаи, когда интересы этнических групп могут вносить искажения и деформации в политику и управление. Эти обсуждения подчеркивают важность прозрачности и равенства в государственном управлении.

Периодически в информационном поле появляются сообщения о том, что представители этнических диаспор активно лоббируют свои интересы в силовых структурах и разнообразных органах государственной власти: полиции, судах, прокуратуре и т.д. Это вполне закономерно формирует опасения в отношении того, что интересы отдельных групп могут доминировать над общественными интересами и приоритетами, а также сомнения относительно объективности и непредвзятости правоохранительных органов и судебной системы.

В ответ на угрозу сепаратизма и возможное влияние диаспор российские власти усиливают контроль над деятельностью этнических групп и их организациями. Включение организаций в список экстремистских групп и усиление мониторинга направлены на предотвращение противозаконной деятельности. Вместе с тем внедрение новых правовых и административных мер для управления рисками, связанными с сепаратизмом и вмешательством в государственные структуры, требует отдельного внимания, равно как и работа над улучшением прозрачности деятельности государственных и силовых структур для предотвращения лоббирования и влияния отдельных групп. Программы,

направленные на улучшение интеграции этнических групп и укрепление общественного доверия, могут способствовать снижению социальных распрей и противоречий.

Представляется, что экспертное сообщество способно играть важную роль в анализе и экспертном обсуждении влияния этнических диаспор на органы власти. Публикации и исследования могут способствовать более глубокому пониманию проблем и выработке эффективных решений, а дискуссии в научных и экспертных кругах помогут выявить и обсудить существующие проблемы для более сбалансированных и обоснованных политических решений.

3. Инспирирование западными структурами вопросов крымско-татарского «самоопределения», т.е. сепаратизма, путем активного использования крымско-татарского этнического мобилизационного ресурса в интересах Украины.

Анализ возможных причин, а также вкладываемых замыслов в развитие крымско-татарского сепаратизма, который время от времени обретает форму и содержание резонансного информационного повода, инициируемого украинскими и западными (в т.ч. турецкими) структурами, усматривается очевидная цель – оказать политико-идеологическое воздействие на крымских татар, проживающих в Крыму, для формирования в их массовом сознании альтернативных представлений о характере и содержании их национального самоопределения, национальной идеи и политического будущего вне России.

Вероятна и иная причина. Спекуляция, тиражирование и «раскрутка» тем, связанных с крымскими татарами, может явиться информационной фикцией, а ее целью – провоцирование официальных российских властей на применение превентивных мер по нейтрализации потенциальных очагов этнического сепаратизма и экстремизма в Крыму, а в последующем – обвинение России в нарушении законных прав и интересов этнических меньшинств.

Целесообразно усилить пропаганду межнационального единства в Крыму, не умаляя роли крымских татар в возвращении Крыма в состав России и в развитии многонациональной республики. Вместе с тем крайне важно укрепить работу по популяризации героев СВО среди крымских татар, защищающих национальные интересы России и ее суверенитет.

Поддержка «Меджлиса крымско-татарского народа» (экстремистская организация, запрещена на территории России) крымскотатарских «активистов», действующих под непосредственным патронажем сторонников международной панисламистской политпартии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (террористическая организация, запрещена на территории России) в Крыму.

Очевидно, что противодействие религиозному экстремизму на территории Крыма «Меджлис крымскотатарского народа» систематически пытается выставить как нарушение прав человека и репрессии по этническому признаку, пытаясь нанести имиджевый урон многонациональной Российской Федерации. Следует отметить, что после воссоединения Крыма с Россией на территории полуострова периодически выявляются и в последующем нейтрализуются террористические ячейки «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Деятельность по пресечению радикальных и экстремистских организаций ведется специальными службами на постоянной основе. Однако, в общем и целом, это деятельность по выявлению, сопровождению, аресту и передаче экстремистов суду, а с медийной точки зрения подобная работа освещается как факт задержания экстремистов – лаконично, с упоминанием причин задержания и статей УК РФ, которые им предъявлены. Подобная практика представления «сухой» фактологической информация интерпретируется «Меджлисом» как репрессии в отношении их соотечественников – крымских татар. Так, «Меджлис» пытается представить борьбу с религиозным экстремизмом и радикализмом как целенаправленные репрессии, активно подменяя понятия и вводя в заблуждение международное сообщество, общественность как в России, так и в сопредельных странах.

Кроме того, исследователи отмечают, что «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» «использует националистические чувства мусульман, чтобы вовлечь их в свои ряды. Многие мусульманские организации и группы ориентированы на свою интерпретацию ислама или сконцентрированы на локальных проблемах, например, противостоянии с Израилем или конфликте в Кашмире. Партия Освобождения, привлекая массы под свои знамена, оперирует общими лозунгами, например, такими, как упадок и растление Запада, социальная несправедливость, нищета, страдания мусульман во всем мире». «Меджлис» еще в период нахождения в составе Украины пользовался организационным и идеологическим ресурсом «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» для проведения различных протестных акций различного формата в публичном пространстве.

По мнению некоторых исследователей, в мусульманском сообществе Крыма сформировались несколько идеологически разных конкурирующих религиозных структур: традиционный «крымский ислам», канонический фундаментальный ислам и ислам религиозно-политического толка, а именно: представители религиозно-политической партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», ориентированной в большой мере на строительство исламской модели общества. Между представителями религиозных организаций отсутствовала прямая коммуникация, а отношения можно было охарактеризовать как конфронтационные. Каждая институция отвергала все идеологии, обозначенные ими как «нетрадиционные» для Крыма. По мнению мусульманских лидеров, это привело к радикализации некоторой части мусульман и к отходу от традиций толерантного суннитского ислама. Созданные оппонентами параллельные духовные управления и центры составили серьезную конкуренцию существующим руководящим структурам крымской уммы.

Все экстремистские и радикальные проекты – это идеологическое оружие, мягкая сила, которую использует Запад против России. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» отрицает российскую и общегражданскую идентичность. Построена она по принципу военно-территориальной организации. «Меджлис» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» вероятнее всего объединяет общность финансовых потоков, так при участии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» создана сеть общественных

организаций «Право на проведение протестных акций», в которых проходило обучение таким акциям. Уголовное преследование против членов рассматриваемой запрещенной организации выгодно «Меджлису» не меньше, чем деятельность организации по вербовке адептов, расширению собственной сети и др. Адвокаты задержанных могут добиваться максимальных сроков, что должно создавать образ «мучеников» и подтверждать угнетение по религиозному или этническому признаку.

4. Активность черкесских националистов – сепаратистов в Турции.

Первые очертания черкесского сепаратистского ландшафта начинаются со времен перестройки СССР. Первое и наиболее значительное оппонирование российской власти (или т.н. черкесский националистический ренессанс) было проявлено черкесскими организациями (диаспорой) в преддверии и в канун проведения зимней олимпиады в г. Сочи. Так, протестная и критическая риторика строилась вокруг тезиса-постулата об умышленном игнорировании как организаторами олимпиады, так и упоминания официальными властями исторической принадлежности территории проведения олимпийской программы, горнолыжного курорта «Красная поляна», а главное – отсутствие какой-либо ремарки по результатам заключительного этапа Кавказской войны – депортации черкесских (адыгский) народов с территории их исконного проживания³.

Сепаратистские и экстремистские движения в эмиграции полагают, что некоторые республики Северного Кавказа «в теории» имеют высокие шансы на обретение суверенитета, в частности, в силу относительно невысокой доли русского и русскоязычного населения, но северокавказский «авторитаризм» и сложная ситуация внутри автохтонных народов в полиэтничных республиках Северного Кавказа (имеются ввиду Чечня и Дагестан) являются препятствием, как для проведения масштабной агитационно-пропагандистской работы с населением этих республик, так и для общественной консолидации вокруг идеи выхода из состава России. В силу названных обстоятельств диаспоры за рубежом весьма активны в разворачивании сепаратистско-националистической повестки в наиболее перспективном проекте – «черкесском треке», на широкое медийное освещение и политизацию которого рассчитаны многие прошедшие мероприятия по роду конференций и форумов в Турции. Следует отметить и высокую степень политизации черкесской этничности.

На основе анализа различных источников информации выявляются очевидные очертания турецкого влияния на развитие черкесского и крымско-татарского сепаратизма, непосредственной созидательной роли в этом лобби

³ *Справочно.* Черкесский вопрос связан с сочинской Олимпиадой несколькими символическими моментами. Олимпийские игры в 2014 г. Пришлись на 150-й годовщину поражения черкесов в 1864 г., когда после столетней войны царь Александр II провозгласил победу России. Ежегодно 21 мая черкесы во всем мире зажигают свечи и проводят минуту молчания в память о войне. Город Сочи стал военной ареной заключительных боев Кавказской войны. Сочинский порт – место, откуда черкесы были депортированы в Османскую империю. Парад русских войск в связи с победой над черкесами прошел 21 мая 1864 г. на Красной Поляне, ставшей центром проведения Олимпийских игр.

Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию (ТИКА). Так, практика поощрения турецкой стороной проведения на своей территории мероприятий, имеющих сепаратистскую и экстремистскую форму или направленность, сосредотачивает в себе высокий конфликтный потенциал, но, несмотря на это, имеет понятное смыслообразующие и идеологическое наполнение. Турецкая политика «мягкой силы» является проводником идеи «неоосманизма» как концепции внешнеполитического курса Турции, где межгосударственные границы государств во внешней политике имеют гораздо меньшее значение, нежели глубокие культурно-исторические корни Турции в различных регионах мира, включая российский Кавказ. Соответственно, турецкие стратегические подходы обуславливают ее протекцию над структурами, исповедующими сепаратистские по отношению к России цели⁴.

Отечественные исследователи справедливо выделяют две центральные «сюжетные линии» деятельности северокавказских диаспор в Турции: первая, несмотря на коррекцию форм общественной активности и целевых установок на протяжении последних нескольких десятилетий, фокус внимания сосредотачивает на сохранении и развитии этнокультурной самобытной черкесского народа, культурных контактах диаспоры с исторической родиной – источником поддержания и укрепления этнокультурной (этнической) идентичности; вторая выглядит, скорее, как внешний этнический фасад, под обликом которого распространяются идеи «освобождения» от русского/советского «гнета». Именно реализация сценария последней сюжетной линии отведена НПО «Совет объединённой Черкессии».

В качестве противодействия деструктивным процессам сепаратистской направленности среди черкесской диаспоры в Турции, помимо «стратегического» сотрудничества и оказания содействия лояльной России Федерации кавказских ассоциаций, возможна программа «реанимации» в умеренных масштабах репатриации черкесов на Северный Кавказ.

В противовес формирующейся негативной информационной повестке вокруг тлеющего «черкесского вопроса» представляется важным проведение научно-экспертных и общественных мероприятий (слушаний) в России по проблемам соотечественников за рубежом, в т.ч. черкесов, проживающих в Турции. Тем самым «перенаправить» и «переосмыслить» проблемы черкесов, выводя «черкесский вопрос» из спектра внешней политики (т.е. обсуждение «независимости Черкессии») в сферу проблем их положения, благосостояния и статуса в стране проживания.

5. Деятельность т.н. «Форума Свободных Народов ПостРоссии», в рамках которой имели место такие события как: программа создания независимой Мокшанской Республики; «раскачка» темы украинцев на Дальнем Востоке России; «Декларации о независимости Республики Саха» и др. В ноябре 2024 г. Верховный суд Российской Федерации по иску Генерального прокурора

⁴ См. подробно: Гайфутдинов Р.И. Политика Турецкой Республики в отношении Российской Федерации на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук. Специальность: 5.5.4, М., 2022. 209 с.

Российской Федерации И. Краснова [признал](#) террористической международную организацию «Форум свободных государств постРоссии» и 172 его структурных подразделения. «Форум» был создан в форме общественного движения в Польше в 2022 г. Он состоит из 172 структурных подразделений, организованных по национальному и региональному признаку. Среди них, например, действует «Балтийская республиканская партия» (признана террористической и запрещена в России), движение «Ингрия», Конгресс народов Северного Кавказа, признанный иноагентом в России Фонд «Свободная Якутия», «Дальневосточная конфедерация» и другие антироссийские организации. Руководят организацией скрывшиеся за границей так называемые лидеры национал-сепаратистских движений. Своей задачей они видят разделение Российской Федерации на отдельные государства, подчиненные влиянию недружественных стран, а в качестве методов достижения целей Форум использует призывы к участию в боевых действиях на стороне вооруженных сил Украины, совершению терактов и диверсий, содействию террористической деятельности.

6. Башкирский сепаратизм и деятельность «Башкорт». Информационная активность рупоров башкирского сепаратизма содержит определенные риски эскалации межнациональной напряженности в Поволжском регионе. Вместе с тем нельзя не отметить, что башкирский сепаратизм продолжает приобретать окраску и явное радикально-экстремистское содержание, что подтверждается созданием этнического (башкирского) вооруженного подразделения в составе ВСУ. Очевидно, сформированные по этническому признаку подразделения в составе ВСУ предназначены в большей мере не столько для укрепления боевого потенциала украинского военного контингента, сколько для пропагандистко-агитационной деятельности, направленной как на внутрироссийских социально-политический контур (национальные республики – субъекты России), так и на представителей народов России, участвующих в СВО в составе вооруженных сил России (т.е. оказать на них воздействия для склонения к коллаборационизму). Наибольшую угрозу эти формирования, получающие в военных действиях реальный боевой опыт, будут представлять в составе латентных сетей националистического и экстремистского толка, ориентированных, преимущественно, на подпольную, подрывную, диверсионно-террористическую деятельность, в случае их возвращения в Россию.

Нельзя не отметить влияние пантюркистской идеологии на социально-политическую обстановку в Башкирии. Так, БОО «Башкорт», весьма широко рекламировала свою связь с Турцией и с Казахстаном. С началом проведения СВО экс-идеолог БОО «Башкорт» Р. Габбасов эмигрировал в Литву, развернув активную информационную деятельность через т.н. Башкирский национальный политический центр и от его имени став участником нескольких «Форумов свободных народов России». Если рассматривать националистические организации Башкортостана в контексте пантюркизма, то попытки его проявления можно охарактеризовать как имитацию, используемую местными субъектами фрагментарно и ситуативно, без структурной привязки к

зарубежному образцу, что никак не влияет на снижение либо рост потенциальной конфликтности, которая развивается по собственной экспоненте.

Наиболее резонансное и широкое освещение в СМИ и социальных медиа получили события в Башкирии в середине января – протесты в г. Баймак. Поводом возбуждения уголовного дела стала произнесенная Ф. Алсынова речь во время согласованного митинга за охрану природы Зауралья и горного хребта Ирандык. Следствие и суд сочли, что он негативно высказался о трудовых мигрантах. По мнению самого Ф. Алсынова, его слова намеренно исказили при переводе на русский. Часть жителей г. Баймак поддержали обвиняемого, и 17 января они явились на оглашение приговора. По разным оценкам их количество составило от одной до пяти тысяч человек. Впоследствии некоторые из них приняли участие в массовых беспорядках, дело дошло до столкновений с полицией. Протестующие скандировали «Свободу!», а также требовали, чтобы глава Башкирии Р. Хабиров ушел в отставку.

Исторический опыт показывает, что национальные движения в условиях сопротивления трансформируются. Кто-то может эмигрировать, кто-то – пойти по пути экстремизма и оказаться за «чертой закона», но большинство формально отойдет от политики, не отказавшись при этом от своих взглядов. Вероятнее всего, контекст внутренней социально-политической ситуации в Башкирии развивается именно по названному сценарию. В августе 2020 г. на шихане Куштау в Башкирии прошли протесты против разработки месторождения известняка, которым хотела заниматься Башкирская содовая компания. В результате проект был свернут, а компания, чьи действия стали причиной общественного недовольства, национализирована. Прошло менее трех лет, и в апреле 2023-го в Башкирии протестовали уже против геологоразведочных работ в районе села Ишмурзино на горном хребте Ирендык. В данном случае, последствия были уже существенными для основных активистов. Против лидера протестов Ф. Алсынова было возбуждено уголовное дело по заявлению, написанному лично главой республики Р. Хабировым.

Большинство деструктивных, националистических проявлений имеют в Поволжье местную природу, внешнее влияние служит чаще имитационным оформлением либо прикрытием (зачастую ложным), либо же катализатором объективно существующего локального конфликта интересов. Пантюркизм проявляется слабо и незначительно даже в ключевых для него регионах, но именно как классическая политическая доктрина. Если рассматривать националистические организации Башкортостана в контексте пантюркизма, то попытки его проявления можно охарактеризовать как имитацию, используемую местными субъектами фрагментарно и ситуативно, без структурной привязки к зарубежному образцу, что никак не влияет на снижение либо рост потенциальной конфликтности, которая развивается по собственной экспоненте. Анализировать данную логику функционирования местных националистических групп целесообразно исходя из вполне сформированных этнонациональных либо мировых (например, национал-либерализм) нарративов. Если же посмотреть с

цивилизационной точки зрения, то интерпретация возможна иная, и оценивать ее возможно лишь в комплексе, в частности, усилив анализ исследованием религиозной составляющей данной проблемы. Преодоление негативного воздействия внешних деструктивных сил целесообразно «встречным» движением, собственными отечественными идеями и привлекательными социальными практиками, только собственными, успешными стратегиями и моделями интеграции и солидарности народов России, в т.ч. тюркоязычных, которая является их одной и единственной Родиной. По мнению экспертов, моделями, основанными на развитии важного цивилизационного преимущества: равноправия всех народов, когда каждый из них (башкиры, татары, сибирские татары, ногайцы и т.д.) наравне апеллируют не к альтернативному общетюркскому центру, будь то Турция или более локальные, посреднические варианты, как Казахстан или Татарстан, а к России, полноправной частью которой эти народы являются, как и весь тюркский мир Российской Федерации.

7. Татарский национализм. Результаты анализа российских и зарубежных СМИ иллюстрирует виток раскрутки извне темы татарского национализма на территории России. Основное содержание деструктивной информационной кампании вокруг заявленной темы было построено на вопросе, имеющим прямую сепаратистскую подоплеку, а именно – на возможности «разрыва» связи с Москвой и приобщение к единству с родственными казахами, где, возможно, центральной спланирующим элементом выступило бы строительство т.н. «Великого Турана», на идеях пантюранизма. Тематика пантюранизма и пантюранизма нередко находилась в фокусе анализа, что указывает на существенные риски заявленной проблематики, требующей изрядного внимания со стороны специальных органов и экспертного сообщества для всесторонней оценки потенциальных вызовов и угроз, а также последующей возможности эффективного противодействия им.

8. Ингушский сепаратизм за рубежом. Фиксируется беспрецедентный рост внимания к «ингушскому кейсу» со стороны западных структур. Вероятнее всего, в текущий момент, проходит оценка возможностей и ресурсов ингушских сепаратистских структур за рубежом по влиянию на ингушское население в России, в т.ч. потенциала этнической мобилизации, основываясь на опыте событий крупных протестных акций в 2018–2019 гг. против Соглашения о границе с Чеченской республикой. Очевидно, что внешними деструктивными силами реанимируется «ингушское направление», имеющие определенный идеологическую базу. Примечательно, что 23 февраля 2024 г. Верховная Рада Украины приняла постановление «О признании права ингушского народа на создание независимого суверенного национального государства, осуждение преступлений России против ингушей и восстановление территориальной целостности Ингушетии».

В тексте постановления обосновывается необходимость его принятия, дается ссылка на референдум «О создании Ингушской республики в составе РСФСР с возвращением незаконно отчужденных ингушских земель со столицей в

городе Владикавказ» от 30 ноября 1991 г., где большинство высказались за восстановление территориальной целостности, однако Москва до сих пор «не считается с его результатами». Подчеркивается, в частности, что Россия уже упразднила и продолжает ликвидировать государствообразующие институты ингушей: в частности, упразднены должность президента РИ, Конституционный суд, муфтият и Совет тейпов, отменены всенародные выборы. Кроме того, Кремль «продолжает урезать территорию республики, усиливает репрессии и уничтожение национальной идентичности ингушей».

Вероятно, ингушские сепаратисты за рубежом активно используют геополитическую обстановку и набирают нормативные правовые источники, которые в перспективе будут использовать для «обоснования претензий на признание государственного суверенитета», пытаясь добиться международной институционализации и права выступать от имени всего ингушского народа.

Миграционный фактор

Миграционная проблематика систематически находится в центре внимания анализа состояния межнациональных, межрелигиозных, межконфессиональных отношений. Большая часть резонансных информационных поводов, связанных с мигрантами, конфликтами с их участием, или преступлениями, совершенными ими, отраженных в СМИ и соцмедиа за прошедшее время, укладываются в общую логику установленных тенденций и закономерностей в искомой сфере.

Результаты наблюдений позволяют выявить несколько тенденций и закономерностей. Миграционные потоки приносят особые «стимулы» в социально-политическую жизнь для принимающего общества и рассматриваются как трудовой и демографический ресурс и, одновременно, как вызов для социально-политической системы страны. Поэтому всякие эксцессы и резонансы, в той или иной степени соприкасающиеся с вопросами миграции, политизируются и распространяются по информационным каналам.

Миграционные проблемы, оказывающие воздействие на российскую социальную среду, задевают либо пересекаются с интересами многих социальных групп, являясь причиной конфликтов и противоречий, отражают суть их влияния на политический процесс и политическую систему общества. Миграционные риски напрямую увязаны с территорией, на которой существует социальное пространство – совокупность разных социальных субъектов, их контактов, действующих в конкретных, как правило, устоявшихся ценностно-нормативных условиях. В качестве подобной территории могут выступать населенный пункт, агломерация, регион, какая-либо другая локация, где реализуются социальные связи между социальными субъектами. Социальные пространства, формирующиеся на различных территориях, имеют как общие черты, так и отличительные, характеризующие уникальные условия реализации социальных связей. Миграционные риски формируются в особом социальном поле социального пространства – миграционном пространстве. Оно возникает в

результате прибытия на территорию инокультурных мигрантов, которые вступают в отношения с принимающим обществом. Прибытие мигрантов создает особое социальное поле в социальном пространстве.

Специфика этого процесса детерминирована рядом обстоятельств:

1) инокультурные мигранты обладают собственной этнокультурной идентичностью, которая проявляется в их мировоззрении, образе жизни, социальном поведении;

2) мигранты формируют этносоциальные общности в принимающем социуме в виде диаспор, национально-культурных автономий, в которых воспроизводят и поддерживают собственную культуру или ее элементы;

3) иностранные мигранты на территории прибытия приобретают особый правовой статус, а их положение – объект государственного регулирования.

Названные риски, как показывает практика исследований миграционных процессов и межнациональных отношений, способствуют появлению таких специфичных деформаций, как:

1. Повышение уровня конкурентных отношений в части дефицитных ресурсов между мигрантами и группами принимающего общества. Объем ресурсов, размещенных на территории, может быть недостаточен для обеспечения основных потребностей прибывающих мигрантов ввиду значительного количества приезжих. Мигранты нуждаются в обеспечении жильем, медицинскими, социальными, юридическими услугами.

В условиях ограниченности объема этих ресурсов на территории, конкуренция за них способна катализировать рост уровня конфликтности в отношениях между мигрантами и принимающим социумом.

2. Формирование «гетто» и этнических анклавов, что способно привести к формированию социально и культурно замкнутых общностей, в которых формируются особые ценностно-нормативные условия, воспроизводятся социальные институты и модели поведения, характерные сугубо для национальных культур мигрантов. Такие общности нередко становятся закрытыми для взаимодействия с принимающим обществом, в том числе для органов власти, ориентированных на взаимодействие с мигрантами.

Это может выступить благоприятной почвой для распространения различного рода девиаций в сообществах мигрантов, в том числе связанных с продвижением радикальных религиозных идей и установок, прежде всего – экстремизма, что увеличивает социальную дистанцию между принимающим обществом и мигрантами. Крайне высоки риски формирования мигрантских (этнических) анклавов в мегаполисах России: районах Санкт-Петербурга, Новосибирска, Москвы, Московской области, Челябинской области и др., а также сопутствующим ростом преступности в районах высокого сосредоточения трудовых мигрантов. Наблюдается резкое усиление протестных настроений части россиян против активного притока мигрантов из Средней Азии как социальная рефлексия на события в «Крокус Сити Холл» в очагах социального недовольства/напряженности, например, обстановка вокруг «Хилокского

жилмассива» г. Новосибирска. Как отмечает [информационный ресурс «Царьград»](#): «этнические анклавные уже начали «поглощение» русских городов – прежде всего крупнейших мегаполисов страны. Этому явлению сопутствует рост преступлений, совершаемых гастарбайтерами, неприятие ими нашей культуры и насаждение своих обычаев и порядков, экспансия на школы и здравоохранение и так далее <...> Вне всяких сомнений, с анклавиризацией русских городов, в первую очередь крупнейших мегаполисов, надо что-то делать. Причём – безотлагательно. Идея создания «компактных мест проживания мигрантов» в виде общаг при предприятиях, где они работают, конечно, имеет право на существование. Однако нужны дополнительные ограничения — в частности, по перевозу ими сюда членов своих семей и миграции уже непосредственно по стране по принципу: не понравилась эта работа, поеду искать другую».

В настоящее время, анклавные становятся определяющим маркером негативных последствий миграции. Формирование анклавов не является результатом скоординированной политики властей, происходит, преимущественно, стихийно и спонтанно, не имеет никакой протекции со стороны органов местного самоуправления, что формирует почву для социального напряжения, ксенофобии и антимигрантских протестов, в т.ч. как прямого (силового), так и косвенного (информационно-медийного) столкновения коренного населения и иностранных граждан. Этнические и религиозные анклавные встраиваются в одну цепь с главными отрицательными современными трендами миграции в России. Активное противодействие формированию подобным явлением должно, как представляется, быть закреплено в системообразующих нормативных правовых актах, документах стратегического планирования и других официальных документах, затрагивающих вопросы российской государственной национальной политики, защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, противодействию терроризму и экстремизму.

В Москве как таковые этнорелигиозные гетто формально отсутствуют, но выявляются формы компактного проживания по этническим и религиозным признакам: сообщество малообеспеченных и этнических слоев населения начинает формировать отдельные локации, по косвенным признакам напоминающие гетто. В крупных российских городах процесс геттоизации, формирования этнорелигиозных анклавов находится на своем первоначальном этапе, что создает определенные риски и угрозы повторения негативного опыта европейских стран, где тенденция к формированию этнических анклавов на территории городских агломераций – норма, несмотря на активные меры правительств этих стран по противодействию подобным явлениям.

3. Низкий уровень профессиональной квалификации, социальных и личностных компетенций части мигрантов, прибывающих в регионы. Этот фактор способен стимулировать рост противоречий во взаимодействии мигрантов и принимающего общества, стать платформой распространения напряженности в межэтнических и межрелигиозных отношениях.

Ключевая компетенций, необходимая для профессиональной, так и в принципе социокультурной адаптации мигрантов в России – знание русского языка. Различные исследования свидетельствуют, что отсутствие или слабое владение русским языком входит в перечень злободневных и актуальных проблем, с которыми сталкиваются иностранные трудовые мигранты, преимущественно из Центральной Азии. В особенности это весьма актуально для категории трудовых мигрантов в возрасте до 35 лет, получивших образование в республиках постсоветского пространства, где русский язык либо не входит в обязательную программу обучения, либо преподается как «иностраннй».

4. Фактор диаспор, объединяющих выходцев из стран исхода. С одной стороны, наличие крупной диаспоры – это средство стимулирования притока соотечественников, связанный с минимизацией издержек для вновь прибывающих мигрантов, которые получают помощь и поддержку со стороны соотечественников, объединенных в диаспору. Особенно это касается представителей мигрантов со слабым знанием русского языка или дефицитом других личностных, социальных или профессиональных компетенций. Увеличение диаспоры может способствовать увеличению социальной дистанции между мигрантами и принимающим обществом, снижению эффективности процессов адаптации и интеграции мигрантов в регионе.

Чем сильнее межкультурные и межэтнические различия, тем больше социальная дистанция между мигрантами и принимающим обществом.

Часть миграционных рисков приобретают особую актуальность в современном информационном обществе, поскольку связаны с образами «другого» в представлении сообществ мигрантов и принимающего общества. Данные образы, как правило, сопряжены с восприятием мигрантов и принимающего общества сквозь призму отношения к их этническим характеристикам. Сегодня явление полиэтничности скорее норма, нежели исключение. Очевидно, что ни одна этническая общность не может существовать в абсолютной изоляции от других этнических групп. При этом социальные общности вступают во взаимодействие при различных обстоятельствах и на различных уровнях функционирования общества. В современном мире информационная среда в силу плотности и делает возможным перенос любых символических объектов практически мгновенным в любую точку культуры. К таким знаковым объектам можно отнести образ «другого», формирующийся в культуре и отражающий групповую идентичность.

20 мая 2024 г. зампред Комитета по делам национальностей Госдумы России И. Гильмутдинов [выступил](#) с критикой законодательной инициативы депутата от КПРФ М. Матвеева о полном запрете иностранного финансирования этнических объединений внутри России под угрозой включения их в реестр иноагентов. И. Гильмутдинов отметил, что вопросом межнациональных отношений должны заниматься коллеги, владеющие нормами российского законодательства, знающие специфику государственной национальной

политики и не смешивающие такие понятия, как диаспоры, мигранты, объединения, автономии и т.п.

Вместе с тем он предложил обратить внимание на работу национально-культурных объединений, фондов, организаций, которые декларируют, что занимаются межнациональными отношениями и национальной тематикой. По его словам, у некоторых представителей, родина которых находится за пределами России, сейчас имеется по 100-200 организаций. Причем часть из них не имеет регистрации. В новой редакции федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74 «О национально-культурной автономии», предложенной М. Матвеевым 19 мая 2024 г., все автономии предполагается преобразовать в национально-культурные объединения, занимающиеся исключительно сферой национальной культуры, языка, народных промыслов и т.п. Предполагается, что они не будут заниматься содействием мигрантам, экономической деятельностью, оказанием того или иного влияния на органы государственной власти и местного самоуправления, а на процесс их юридической перерегистрации дается один год.

Национально-культурная автономия – довольно сложный формат общественной активности граждан, живущих на территории современной России и относящих себя к конкретным народам (национальностям, этническим общностям), где проблема кроется не в самой идее, а в характере ее реализации. С одной стороны, роль подобных объединений в стране со сложным этническим составом, какой безусловно является Российская Федерация, трудно подвергать сомнению. Существует, как минимум, три основания, актуализирующие проблемы сохранения социально-культурного потенциала в современной России. Во-первых, естественное стремление народов и этнических групп к самоидентификации, особенно в сфере культуры – языка, литературы, народного творчества, и поиск форм и способов сохранения идентичности. Во-вторых, в соответствии со сложившимся административно-территориальным устройством далеко не все населяющие Россию коренные народы имеют национально-территориальные образования. В связи с намечающейся тенденцией укрупнения субъектов Федерации их число будет сокращаться. При этом значительное количество представителей так называемых «титульных наций» проживает за пределами территориальных автономий, вне границ своих национальных республик. В-третьих, история создания советского и российского государства, формирование его внешних границ, союзническая политика оказали большое воздействие на этнический состав населения, породив целый комплекс острых и сложно разрешимых противоречий.

Представители различных социальных групп нуждаются в объединении конструктивных усилий для создания благоприятных условий существования и отстаивания собственных прав и интересов в условиях многонационального государства. Ряд нормативных правовых и организационно-экономических сложностей, возникающих на пути создания и работы национально-культурных автономий, актуализирует проблему их роли и эффективности в деле

сохранения идентичности этнических групп и укрепления межнационального диалога.

Правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации закрепляет упомянутый выше федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», который формирует четкие институциональные условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития. В тексте закона НКА истолковывается формой национально-культурного самоопределения, в качестве объединения граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов.

В данной трактовке термина «национально-культурная автономия» интерес вызывают: во-первых, критерии отнесения к категории «национальные меньшинства», во-вторых, востребованность НКА как формы решения актуальных задач национальных общин в России; в-третьих, степень согласованности столь широкого набора потенциальных видов деятельности, начиная от сохранения примет самобытности и заканчивая помощью мигрантам. В тексте Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 года № 703) национально-культурные автономии упоминаются всего дважды: в разделе «21-1. Основные направления государственной национальной политики РФ», где говорится о необходимости создания условий для их активного участия и привлечения их потенциала в решении задач государственной национальной политики и в деятельности по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, а также по профилактике экстремизма и предупреждению конфликтов на национальной и религиозной почве. Нужно сказать, что в обоих случаях НКА представлены как один из институтов гражданского общества, причем, в ряду перечислений они упоминаются после межнациональных общественных объединений, которым, судя из контекста, в решении указанных задач государственной национальной политики отдается приоритет.

К четкому выделению целевой группы закона «О национально-культурной автономии» призывает Т.Я. Хабриева. Она утверждает, что, несмотря на очевидные недоработки закона, главные слова в нем все же сказаны: «этническая общность, находящаяся в ситуации национального меньшинства». Рассеянность представителей этнической общности в определенной местности является

базовым признаком включения ее в «группу интересов» закона «О национальной автономии». По этой причине НКА, ошибочно ассоциируясь с потребностями малочисленных народов и даже так называемых «титульных» наций (пусть и в половине национально-территориальных образований «титульный» народ представляет меньшинство населения).

Большинство экспертов, и последние редакции закона «О национально-культурной автономии» вполне соответствуют этому мнению, признают, что НКА могут создавать исключительно территориально рассеянные этнические группы. Вместе с тем нет никаких, в том числе и озвученных с позиций сложности трактовки базовых понятий, формальных ограничений к тому, чтобы НКА учреждались не только представителями национальных республик, живущих вне их границ, и лицами других национальностей, но и представителями малочисленных народов России. Действительно, фактический состав НКА свидетельствует об этом. С другой стороны, далеко не все из перечисленных групп активно прибегают к этой форме национально-культурного самоопределения.

Общие формулировки «содействие формированию толерантности», «развитие межнационального диалога» и «укрепление национальной общины», часто употребляемые в уставах НКА, не свидетельствуют ни о чем, кроме благих намерений. Косвенно о недостаточной эффективности НКА говорит узкое представительство народов России в составе НКА, а также высокий уровень ликвидации НКА, особенно местного уровня. Решение важных социальных проблем общины требует средств и специальных знаний. Задача сохранения и приумножения традиций и обычаев народов по линии сохранения культурного многообразия страны подменяются формализмом. Необходимо сказать и о том, что нецелесообразно искать в деятельности НКА экономическую подоплеку. Задача их – исключительно гуманитарная, стоящая отдельно от соображений экономической целесообразности, хотя и верно то, что НКА являются полноправными субъектами экономической жизни.

5. Преступность среди мигрантов. Прирост преступности и противоправных действий среди мигрантов (в т.ч. подростков, уроженцев постсоветского пространства), может быть обусловлен тем, что они приезжают из инокультурной среды, с, если не крайне, то достаточно отличными представлениями о правовом укладе, местных традициях и обычаях, подчеркивая свою неготовность встраиваться в российское культурное и правовое пространство. В среде мигрантов фиксируется высокий уровень религиозной радикализации и потребности в выражении своей этнорелигиозной идентичности. При этом очевидно усматривается их стремление к замещению норм и законов общества, в котором они проживают, на нормы и обычаи собственного государства. Отмеченные обстоятельства существенно повышают риски возникновения угроз национальной безопасности в межнациональной и межрелигиозной сферах, поскольку приверженность

подобным взглядам может легко и быстро трансформироваться в готовность «действовать», принимать участие в незаконных акциях и протестах.

6. Проблема адаптации мигрантов в российском социуме является не менее важной, т.к. мигранты, будучи представителями других наций, рас, религий или конфессий, не стремятся и не ориентированы на интеграцию в российское общество.

Можно выделить несколько групп мигрантов в России: тех, кто приехал обучаться в системе высшего и среднего образования, и тех, кто приехал для трудоустройства и заработка. Однако центральная проблема, объединяющая названные группы мигрантов, прямо связана с адаптацией в российском обществе, отличного от того социума страны их проживания, культурой, менталитетом, иными религиозными аспектами, принципами, устоями морали и нравственности.

Мигранты из стран ближнего зарубежья имеют консервативные или традиционные убеждения, как политические, так и религиозные (что в относительной степени коррелирует с убеждениями значительной части людей, проживающих на территории Российской Федерации), взгляды вновь прибывших все равно будут отличаться от взглядов и убеждений коренного населения. Однако консерватизм религиозный и, как следствие, моральный, который особенно свойственен исламизированным странам, отличается от консерватизма, который присущ России. Так, «моральный консерватизм» коренного населения России в большей мере обусловлен политическими мотивами, а точнее – противопоставлением собственных ценностей ценностям леволиберального коллективного Запада (т.е. сплоченность россиян, традиционные семейные ценности и другое в противовес западному «индивидуализму» и пропаганде ЛГБТ).

Эффективная модель адаптации мигрантов в повседневную жизнь общества требует времени и может протекать органично, оптимально, если они «встроены» в жизнь коренных жителей, проводят вместе с ними свободное время, селятся по соседству, участвуют в общих мероприятиях, объединениях, свободно обсуждают свою инаковость. Исследование мигрантами культуры государства, в которую они прибывают, а также комплексное изучение ее законодательства, социокультурной и бытовой сфер может существенно облегчить адаптацию и ассимиляцию.

Адаптация в общество также измеряется готовностью устанавливать контакты с представителями местного населения, выстраивать общение и заводить новые знакомства не только со своими соотечественниками, но с другими людьми, которые будут встречаться после переезда в другую страну. Наличие друзей и знакомых позволяет вести обособленную от местных жизнь, а наличие соседей и жильцов является одним из первых каналов коммуникации мигрантов с местными жителями. Те, кто живут с семьей, родственниками или земляками, оказались менее включенными и интегрированными, в отличие от

тех, кто живет в жилом помещении, предоставленном работодателем, или имеет собственное жилье.

Вместе с тем, фиксируется высокий рост фактов насилия со стороны мигрантов в отношении женщин и детей. Важно отметить, что виновниками существенной доли преступлений в различных субъектах России, имеющих признаки насильственных действий сексуального характера в отношении как женщин, так и несовершеннолетних, являются граждане Узбекистана. Высокий рост преступлений этой направленности приходится на время летних отпусков и каникул. Вместе с тем требуется проведение дополнительных исследований для определения причин, по которым виновниками преступлений подобного рода являются преимущественно выходцами либо гражданами Узбекистана. В качестве предложений по совершенствованию миграционного законодательства представляется целесообразным рассмотреть возможность введения института личного поручительства⁵ для трудовых мигрантов при оформлении разрешительных документов (рабочих виз) на въезд в Российскую Федерацию.

Развитие ксенофобии чревато развитием негативных последствий, а именно – в виде радикализации общества по национальному, религиозному и культурному основанию. Потенциальная деятельность мигрантов по выстраиванию параллельной социальной общности со своими правилами, нормами или законами, приводят к тому, что местное население стран, не добившись решительных мер от центральных правительств, начинает склоняться к националистической траектории социально-политической активности и поддерживать оппозиционные политические партии с явной националистической риторикой. Или вовсе иницируют самостоятельную борьбу с незаконной миграцией и явлениями, очагом которых являются т.н. мигрантские анклавы: преступностью, чуждой культурой и обычаями, а также с самими мигрантами путем запугивания, применения насилия и т.д. Априори мигранты и их образ жизни не может вызывать вопросы у коренного населения до тех пор, пока в отношении последних не совершаются противоправных действий со стороны мигрантов. После могут быть созданы опасные предпосылки для:

- формирование СМИ умышленно или неосознанно образа мигранта как потенциально опасного не только для представителей коренного (местного) населения, но и государства в целом;

- рост радикальных националистических настроений в обществе. Поскольку рост преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (мигрантами), приведет к тому, что в обществе могут начаться формироваться представления о бездействии государства или намеренном создании подобной ситуации в своих интересах с целью извлечения выгоды. Формирование подобных взглядов у коренного населения

⁵ *Примечание.* Личное поручительство – институт личной ответственности гражданина России или иностранного гражданина (временно или постоянно проживающего на российской территории), который дает соответствующую рекомендацию для выдачи разрешительных документов на въезд в Российскую Федерацию (выдачу трудовой визы) иностранному гражданину.

гипотетически может привести к росту как оппозиционных, так и в целом критических настроений в отношении к власти и проводимой миграционной политике, и как следствие – социальная напряженность;

– духовная и социальная сепарация от мигрантов и представителей других наций. Увеличение радикальных националистических и «правых» настроений в социуме неизбежно приведет к тому, что люди, являющиеся представителями коренного населения, будут намеренно избегать любых тех или иных коммуникаций с мигрантами, что может быть обусловлено рядом обстоятельств, но основные – этнические стереотипы и боязнь быть жертвой преступлений или противоправных действий со стороны иностранцев.

Высокая частота упоминания миграционной проблематики, фокусирование внимания на мигрантах является прямой сенситивной нагрузкой для прироста ксенофобии и агрессивности по отношению к мигрантам. Это, учитывая все же имеющиеся издержки миграционных процессов, а также относительную маргинализацию мигрантов, существенно увеличивает негативное воздействие, оказываемое миграцией на состояние общественной и государственной безопасности. Поэтому помимо нивелирования фактических угроз необходимо предпринимать меры для сглаживания нетерпимости местного населения по отношению к мигрантам, что должно стать неотъемлемым компонентом государственной миграционной и национальной политики. Можно выделить три аспекта угроз, вызывающих наибольшие опасения: культурный дисбаланс, трудовая миграция, преступления, совершаемые мигрантами.

Формируется «социальный запрос» на необходимость ограничение притока мигрантов, а также регулирования квалификации мигрантов. Учитывая опасения общественности, что тоже немаловажно для обеспечения общественной безопасности в плане противодействия ксенофобии и неприятия по отношению к мигрантам, требуется внедрить и меры для обеспечения межнационального согласия, терпимости к мигрантам. Стоит обратить внимание на возможность не только пускать мигрантов на территорию страны после тщательной проверки, но и целенаправленно привлекать определенные категории мигрантов – с актуальными специальностями и конструктивными установками, готовностью не только искать личную выгоду, но и приносить пользу принимающему сообществу.

Идея законодательного запрета иностранным гражданам, в частности низкоквалифицированным мигрантам, перевозить семья в Россию является частью более широкой дискуссии о российской миграционной политике. Это может вызвать различные точки зрения, мнения и реакции в российском социуме относительно социального и экономического контекста.

Возможные аргументы в поддержку запрета.

Во-первых, социальная нагрузка. Так, переезд семей мигрантов может увеличивать нагрузку на социальные системы, такие как здравоохранение, образование, жилищные программы и другие социальные услуги. Запрет мог бы

существенно снизить подобного рода нагрузку, особенно если государство сталкивается с дефицитом бюджетных средств.

Во-вторых, снижение социального напряжения. Некоторые утверждают, что переезд большого числа мигрантов с семьями может вызывать культурные, социальные, религиозные и иного рода трения в обществе, особенно в условиях весьма высокой безработицы или ограниченных механизмов для социальной адаптации мигрантов.

В-третьих, корректировка демографических изменений. Имеются опасения, что интенсивные миграционные процессы могут существенно видоизменить демографический ландшафт в государстве, что вызывает беспокойство среди некоторых групп населения.

В-четвертых, акцент на высококвалифицированных кадрах. Запрет может рассматриваться в качестве стимула для привлечения квалифицированных специалистов, которые меньше зависят от социальных пособий и более гибки к интегрированию и адаптации в российское общество.

Возможные аргументы против запрета.

Во-первых, разделение семей. Ограничение на въезд семей может привести к гуманитарным проблемам, таким как разлука членов семей на длительные периоды. Это может негативно сказаться на их благополучии, производительности и социальной интеграции.

Во-вторых, недостаток рабочей силы. В некоторых отраслях экономики, таких как строительство или сельское хозяйство, есть острая нехватка рабочей силы. Жесткие миграционные ограничения могут усугубить этот дефицит.

В-третьих, углубление теневой экономики. Запрет на переезд семей может увеличить число нелегальных мигрантов или привести к «обходу» закона, что способно усугубить проблему и усложнить борьбу с нелегальной миграцией и создаст дополнительные издержки для правоохранительной системы.

В-четвертых, права человека. Существует международная практика, где права мигрантов и их семей защищены, включая возможность воссоединения семей. Ограничение подобного рода прав может вызвать критику со стороны международных правозащитных организаций и ухудшить имидж страны на международной арене.

Вместе с тем международная практика по ограничению или запрету на переезд семей мигрантов варьируется в зависимости от конкретной страны и ее государственной политики в сфере миграции. В большинстве случаев такие ограничения и запреты касаются определенных категорий трудовых мигрантов, преимущественно низкоквалифицированных работников, и в целом зависят от экономической и социальной обстановки в стране. Так, в Сингапуре действует достаточно «жесткая» миграционная политика, особенно в части регулирования порядка пребывания низкоквалифицированных мигрантов, в частности власти ограничивают возможность для таких работников перевозить свои семьи. Мера связана с контролем численности населения и социальной нагрузки, а семьи

могут переехать в случае, если мигрант является высококвалифицированным специалистом в востребованной сфере и имеет достаточный доход.

В Кувейте низкоквалифицированные рабочие могут находиться в стране только в одиночку без права переезда семей. Это ограничение направлено на минимизацию демографического давления на социальную инфраструктуру страны. В странах Персидского залива, таких как Катар и Саудовская Аравия, низкоквалифицированным мигрантам, как правило, запрещается перевозить свои семьи, а высококвалифицированные работники имеют право привезти свою семью при наличии соответствующих виз и достаточного дохода.

В Австралии миграционные требования к иностранным гражданам разнятся в зависимости от квалификации мигрантов. Так, для временных работников, приезжающих по краткосрочным контрактам, предусмотрены ограничения на перевоз семей, особенно если это касается низкоквалифицированных работников. Однако постоянные резиденты и высококвалифицированные мигранты могут перевозить семьи.

Очевидный социальный запрос на ужесточение миграционных требований в России можно обусловлен несколькими существенными обстоятельствами:

1) *экономическая ситуация*, когда в условиях экономических трудностей население может воспринимать мигрантов как конкурентов за рабочие места и ресурсы;

2) *криминогенная обстановка*, когда увеличение преступности, связанной с мигрантами, может вызывать негативное отношение и желание усилить контроль;

3) *социокультурные различия*, когда опасения коренного населения по потери своей культурной идентичности и сложность интеграции мигрантов в общество стимулируют «социальный запрос» на ужесточение миграционных требований;

4) *политическая риторика*, когда активная спекуляция темой миграции в политических дискуссиях может усиливать общественный резонанс в пользу ужесточения миграционных правил и требований;

5) *информационная среда*, когда СМИ часто акцентируют внимание на негативных аспектах миграции, что может формировать предвзятое мнение у населения.

В совокупности названные факторы создают достаточно высокий запрос со стороны общества на ужесточение миграционной политики.

Следует обратить внимание на значительную поляризацию экспертных мнений относительно данной законодательной инициативы. Законопроект поддержал депутат Госдумы России [В. Милонов](#), члены СПЧ [К. Кабанов](#), [М. Ахмедова](#), президент Гильдии межэтнической журналистики [М. Лянге](#) и др.

12 сентября с.г. депутат Госдумы России [А. Вассерман](#) отметил, что выступает против вышеуказанного законопроекта, т.к. считает инициативу опасной для общества. 13 сентября с.г. [С. Бессараб](#) заявила о необходимости организованной

борьбы именно с нелегалами, а не с семьями мигрантов. Многие из приезжих критикуют инициативу российских властей.

Особенно «эмоциональными» являются сообщения в телеграм-каналах [Таджикистана](#). В соцмедиа широкое распространение получило сообщение о том, что главы диаспор [выступили](#) против ужесточения миграционной политики на фоне законопроекта о запрете ввоза семей для мигрантов. В этом контексте следует выделить и другой информационный резонанс, связанный с возмущением непростыми условиями труда и жизни в России мигрантов. Так, *13 сентября с.г. на сайте издания «Asia-Plus» опубликована* статья, в которой говорится, что мигранты из Таджикистана жалуются на тяжелые условия труда и сложную жизнь в России, что негативно отражается на здоровье граждан Таджикистана. В статье сказано, что тяжелый физический труд на рынках и стройках, сопряженный с ненормированным графиком и отсутствием элементарных удобств, подрывает здоровье мигрантов. В последние годы среди мигрантов из Таджикистана растет количество ВИЧ-инфицированных и зараженных туберкулезом. Россия является одной из стран, где мигрантов с положительным ВИЧ-статусом могут депортировать из страны. В связи с этим сотрудники издания «Asia-Plus» заключили, что мигранты в РФ не обращаются в центры борьбы со СПИДом за медикаментами, опасаясь быть выдворенными из страны. Издание «Asia-Plus» пишет, что теракт в [«Крокус Сити Холле»](#) спровоцировал всплеск ксенофобии и антимигрантских настроений в России. 10 сентября с.г. посольство [Таджикистана](#) рекомендовало гражданам отказаться от поездок в Россию. Несмотря на то, что рекомендация связана с усилением контроля при въезде иностранцев в Россию, данное обращение, как и жалобы мигрантов из Таджикистана на тяжелые условия жизни в России, создает негативный информационный фон вокруг сферы миграции.

Жалобы мигрантов из Таджикистана на тяжелые условия труда и жизни в России могут оказать значительное влияние на двусторонние отношения между Россией и Таджикистаном. Эти трудности могут создать напряженность в нескольких аспектах. Жалобы мигрантов на эксплуатацию, дискриминацию и плохие условия жизни могут вызвать рост недовольства среди мигрантских сообществ, что в свою очередь может привести к акциям протеста или другим формам выражения недовольства. Это может поставить российские власти под давление, требующее улучшения условий труда и правового положения мигрантов, что может повлиять на политические отношения между двумя странами. Если проблемы таджикских мигрантов в России не будут решаться, это может вызвать недовольство внутри Таджикистана. Оппозиционные силы в стране могут использовать эту ситуацию для критики правительства за недостаточную защиту интересов своих граждан за рубежом, что может стимулировать смену риторики для таджикских властей в диалоге с Россией на тему мигрантов.

Миграционные потоки между Россией и Таджикистаном играют важную роль в экономике обеих стран. Для Таджикистана денежные переводы от

мигрантов составляют значительную долю ВВП, а для России таджикские рабочие играют важную роль в поддержании экономики в сфере строительства и сервиса. Если условия для мигрантов не улучшатся, это может привести к снижению их численности или усилению экономического давления на обе стороны. Неудовлетворенность таджикских мигрантов может усилить дипломатическую активность и вызвать необходимость пересмотра трудовых и социальных соглашений между Россией и Таджикистаном. В долгосрочной перспективе это может либо укрепить двусторонние отношения за счет решения проблемы, либо создать дополнительную напряженность.

Вместе с тем, ВЦИОМ представил результаты опроса об отношении россиян к инициативе о запрете трудовым мигрантам перевозить свои семьи в Россию. Результаты опроса свидетельствуют, что 52% респондентов согласны с предложением об ограничении в РФ членов семей [мигрантов](#) (62% в группе опрошенных старше 60-ти лет – против 36% среди молодежи до 24-х лет). 39% выступили против подобных ограничений (36% в группе опрошенных 18-24-х лет – до 62% среди тех, кто старше 60-ти лет).

Результаты опроса, связанного с инициативой о запрете трудовым мигрантам перевозить свои семьи в Россию, отражают важные аспекты общественного мнения по данной теме. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, определенная часть россиян может поддерживать инициативу о запрете трудовым мигрантам перевозить свои семьи в Россию. Это может объясняться опасениями в отношении социальной напряженности, культурных различий или конкуренции за рабочие места и социальные услуги. Подобные инициативы могут восприниматься как способ регулирования миграционных потоков и снижения нагрузки на инфраструктуру. Одной из причин поддержки запрета среди респондентов может быть беспокойство по поводу роста социального напряжения в регионах с высоким уровнем мигрантов. Некоторые граждане считают, что присутствие семей трудовых мигрантов может приводить к увеличению расходов на социальные услуги, такие как здравоохранение, образование и жилье, и при этом не всегда интеграция мигрантов происходит успешно. Важно отметить, что отношение к мигрантам в России варьируется в зависимости от региона и личного опыта граждан. В регионах с большим количеством мигрантов, например, в г. Москве или г. Санкт-Петербурге, респонденты могут высказывать больше беспокойства по поводу культурных различий и адаптации мигрантов к местным нормам и традициям. Поддержка запрета может быть обусловлена опасениями относительно недостаточной интеграции мигрантов в российское общество.

С другой стороны, часть респондентов, вероятно, выступает против такой инициативы, указывая на её гуманитарные аспекты. Многие считают, что мигранты, приезжающие на работу в Россию, должны иметь возможность воссоединиться со своими семьями, что улучшит их социальное положение и мотивацию к труду. Оппоненты инициативы могут также указывать на то, что

семейные мигранты могут лучше адаптироваться к российскому обществу и внести большой вклад в экономику страны.

Опросы ВЦИОМ также показывают различия во мнениях в зависимости от варьирующегося возраста, уровня образования и места проживания респондентов. Например, более молодые россияне и люди с высшим образованием могут быть более открыты к мигрантам и критичнее относиться к подобным запретам, тогда как пожилые люди или жители сельской местности могут поддерживать инициативу, исходя из своего более консервативного взгляда на миграцию. Опрос ВЦИОМ об отношении россиян к инициативе о запрете трудовым мигрантам перевозить свои семьи в Россию отражает поляризацию мнений по этому вопросу. Основные аргументы в пользу запрета связаны с экономическими и социальными опасениями, тогда как противники акцентируют внимание на гуманитарных и интеграционных аспектах. Этот опрос демонстрирует, что миграционная политика остается актуальной и вызывающей общественные дебаты темой в российском обществе.

Не менее значительный общественный резонанс, относящийся к повестке миграции, формировался вокруг выявленных правоохранными органами эпизодов мошенничества со стороны должностных лиц и работников Центра временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ) в населенном пункте Сахарово (Новая Москва). Так, по версии следствия сотрудники ЦВСИГ (О. Адакина, А. Мустапаев и Р. Текнеджян) предлагали приезжим организацию внепланового свидания за 5 тыс. рублей или помощь в быстром отъезде в страну исхода за денежное вознаграждение в 30 тыс. рублей. Так, 3 сентября с.г. сотрудники правоохранительных органов провели обыски в ЦВСИГ и по месту жительства обвиняемых, а также были заведены уголовные дела по фактам мошенничества. 4 сентября с.г. Таганский суд Москвы [арестовал](#) на два месяца двух сотрудников ЦВСИГ, а третьего фигуранта уголовного дела – О. Адакину отправили под домашний арест на тот же срок.

Примечательно, что негативный фон в информационном пространстве формировался с подачи зарубежных СМИ и СМИ-иноагентов в ином нарративе. Еще несколько лет назад иностранные новостные агентства иллюстрировали ЦВСИГ в качестве тюрьмы, в которой систематически нарушаются права и свободы людей. Кроме этого, ЦВСИГ подавалось как закрытое учреждение, куда якобы «помещают» [участников](#) оппозиционных митингов. Несколько ранее, в июле 2024 г. Радио «Азаттык»⁶ писала о том, что в ЦВСИГ часто унижают и подвергают пыткам [иностранных](#) граждан.

Информация о махинациях в ЦВСИГ дает возможность зарубежным СМИ обсуждать нарушения прав человека и проблемы миграции в России. В свою очередь это создает крайне негативный информационный фон, из-за которого укрепляется поляризация общества на «своих» и «чужих».

⁶ Радио «Азаттык» – казахская служба Радио «Свобода» (решением Минюста России в декабре 2017 г. внесена в перечень иностранных агентов, а в феврале 2024 г. внесена в реестр «нежелательных организаций» на территории России), основанная в 1953 г., вещающая на русском и казахском языках.

Среди других резонансных событий, связанных с миграционной сферой в 2024 году, следует выделить общественный резонанс вокруг законопроекта ЛДПР о платном образовании для детей мигрантов. Так, 18 сентября с.г. в СМИ широкое распространение получила новость о том, что депутаты Госдумы России от фракции ЛДПР внесли законопроект, согласно которому [иностранные](#) граждане, в частности дети мигрантов, смогут посещать российские детские сады и школы исключительно на платной основе.

Другие проблемные вопросы в рассматриваемой сфере, установленные в рамках мониторинга и анализа российского информационного пространства, включают:

1. Ужесточение миграционной политики. Был инициирован пересмотр отечественного миграционного законодательства с целью усиления контроля за въездом и пребыванием иностранных граждан. 1 октября 2024 г. в Госдуму России были [внесены пять законопроектов](#), направленных на реформирование миграционной политики. Эти инициативы предполагают более строгие меры в отношении нелегальных мигрантов и усиление ответственности и санкций за различные правонарушения и преступления, а именно:

- незаконное нахождение в России как отягчающее обстоятельство при совершении преступления;
- организация незаконной миграции как особо тяжкое преступление;
- ужесточение наказания за подделку документов, фиктивную регистрацию;
- внесудебная блокировка ресурсов с незаконными услугами для мигрантов;
- запрет посредникам принимать экзамены на знание русского языка.

В частности, 31 октября с.г. на расширенном совещании по вопросам миграционной политики зампред Совета безопасности Российской Федерации Д. Медведев [подчеркнул](#), что государственная миграционная политика должна, прежде всего, отвечать интересам российских граждан, а не иностранных государств, также отметив необходимость охвата всех ключевых направлений миграционной политики для защиты, обеспечения безопасности и благополучия населения России.

Позднее, 9 ноября с.г. Президент России В. Путин подписал федеральные законы об ужесточении миграционной политики: [о конфискации денег](#), ценностей и имущества, полученных при организации незаконной миграции; [об отнесении организации незаконной миграции](#), совершенной организованной группой или в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, к особо тяжким преступлениям; [о признании отягчающим обстоятельством](#) совершение преступления лицом, незаконно находящимся в России; [о внесудебной блокировке сайтов](#) с незаконными услугами для мигрантов; [о запрете посредническим организациям](#) принимать экзамены у мигрантов.

Пакет из пяти законодательных инициатив по борьбе с нелегальной миграцией разработала комиссия под руководством вице-спикера, депутата И. Яровой («Единая Россия»). Госдума поддержала законы единогласно. Совет Федерации [одобрил](#) ранее 6 ноября 2024 г.

2. *Проблема нелегальной миграции.* По [данным](#) МВД России, на 1 октября 2024 г. в России находилось более 6,5 млн иностранных граждан, из которых 740 тыс. без законных оснований для пребывания на ее территории, а в целом число нелегалов с начала года возросло почти на 40%.

Для подавляющего большинства «граждан данной категории» действует свободный въезд в России, т.е. *«они могут заехать сюда с туристическими целями и здесь остаться, перейдя в разряд нелегально пребывающих здесь граждан»*. Это подчеркивает необходимость эффективных мер по выявлению и выдворению нелегальных мигрантов, а также совершенствованию системы учета и контроля.

3. *Законодательные инициативы.* Госдума России [планирует](#) до декабря 2024 г. принять шесть законов, направленных на закономерное и обоснованное совершенствование миграционного законодательства. С начала года уже было принято семь законов в данной сфере, что свидетельствует о последовательной работе по регулированию миграционных процессов.

4. *Противоречия и общественная реакция.* Ужесточение миграционной политики вызывает противоречивые мнения в обществе. С одной стороны, усиливаются меры по контролю и регулированию миграционных потоков, с другой – правозащитники и некоторые общественные, в т.ч. государственные деятели выражают крайнюю обеспокоенность возможными нарушениями прав мигрантов и усилением ксенофобских настроений. Так, например, глава Чеченской Республики Р.Кадыров [выразил](#) недовольство ужесточением миграционной политики в России, отметив, что некоторые принимаемые меры его, «мягко говоря, разочаровывают» и призвал отказаться от «средневековых подходов» в отношении мигрантов. Он подчеркнул, что массовое выдворение не решит проблему, и предложил наладить грамотную систему миграционного контроля, также выражая обеспокоенность тем, что кто-то целенаправленно сталкивает Россию с соседними братскими регионами.

Некоторые эксперты считают, что миграционная политика нуждается в корректировках, основанных на принципах гуманизма и соблюдения прав всех слоев населения, включая иностранцев, претендующих на гражданство.

Соответственно, текущая миграционная повестка в Российской Федерации в 2024 г. характеризуется активными реформами, направленными на ужесточение контроля и регулирование миграционными процессами, что вызывает как поддержку, так и критику со стороны различных общественных групп. Вместе с тем, в отчетном периоде были зафиксированы резонансные информационные поводы, обусловленные острыми социальными конфликтами, содержащими значительные риски эскалации напряженности по национальным и религиозно-конфессиональным мотив, прежде всего вокруг темы мигрантов и миграции.

Деструктивный характер в сети «Интернет» и социальных медиа получило распространение [информации о росте](#) в российских школах количества детей мигрантов, не знающих русский язык. Так, 28 сентября с.г. российские СМИ

обратили внимание на ситуацию в одной из калининградских школ № 7, где родители местных обучающихся [обратились](#) к руководителю образовательного учреждения с жалобой на то, что в одном из классов ученики-узбеки не говорят по-русски, а это сказывается на качестве образовательного процесса. Развитие ситуации получила после того, как председатель СК России отдал поручение региональному руководителю СК России организовать проверку и представить доклад по данным обстоятельствам.

Следует заметить, что весомую долю общественной критики приняла на себя директор калининградской школы № 7, которая, согласно [публикации в СМИ](#), посоветовала обратившимся к ней родителям учить своих детей узбекскому языку. 1 октября с.г. в Telegram-канале «Русская Община ZOV» была [опубликована видеозапись](#), на которой представитель калининградского отделения организации рассказал, что к ним обратился за помощью один из родителей школьников калининградской школы № 7 в связи с тем, что дети мигрантов держат в страхе русских одноклассников. Позднее юрист «Русской Общины» встретился с директором школы и задал принципиальные вопросы по существу возникшей проблемы и ее причинах.

В последние годы, особенно в 2024 г. в России наблюдается высокий рост численности детей мигрантов, поступающих в школы без достаточного знания русского языка, что приводит к всплеску резонансных событий и обсуждений на общественном и государственном уровнях. В июле 2024 с.г. глава Рособрнадзора А. Музаев [заявил](#), что дети мигрантов должны обладать необходимым уровнем знания русского языка для обучения в российских школах, а родители, планирующие переезд в Россию, должны заранее позаботиться о языковой подготовке своих детей. В сентябре с.г. вице-спикер, депутат Госдумы России И. Яровая [предлагала введение](#) обязательного тестирования для детей мигрантов перед поступлением в российские образовательные учреждения. В октябре 2024 г. председатель Совета по правам человека при президенте России В. Фадеев [отметил](#), что отказ в приеме в школу детей мигрантов, не владеющих русским языком, не нарушает норм Основного закона Российской Федерации, подчеркнув также необходимость создания условий для изучения языка до поступления в образовательные учреждения.

В сентябре 2024 г. Министерство просвещения Российской Федерации [рекомендовало](#) школам и дошкольным образовательным учреждениям ограничить количество детей мигрантов, не владеющих русским языком, до трех человек в одном классе или группе для «улучшения качества обучения и облегчения адаптации таких детей».

В настоящий момент в обществе активно обсуждается вопрос интеграции детей мигрантов в российскую образовательную систему. Некоторые эксперты предлагают вводить обязательное тестирование на знание русского языка перед поступлением в образовательные учреждения, а также организовывать специальные подготовительные курсы для детей, не владеющих русским языком.

Эти события во многом свидетельствуют о глубине и серьезности проблемы, необходимости комплексного подхода к ее решению, включая меры по базовой языковой подготовке, адаптации и интеграции детей мигрантов в российское общество. Соответственно, проблема незнания русского языка детьми мигрантов, обучающихся в российских школах, является одной из наиболее актуальных и весьма сложных в современной образовательной системе России. Значительное число иностранных детей и их родителей приезжает в Россию из разных культурных и языковых сред, а их родной язык не совпадает с языком обучения. Анализ вышеописанных резонансных обстоятельств на примере калининградской школы раскрывает ряд имеющихся проблем менее очевидного плана.

Во-первых, *языковой барьер*. Весьма очевидно, что детям-мигрантов, не владеющих русским языком, обучение дается крайне тяжело, поскольку им сложно понимать своих педагогов, взаимодействовать с одноклассниками и выполнять задания, а это приводит к серьезному отставанию в образовании и часто вызывает психологический дискомфорт.

Во-вторых, *социальная изоляция или обособление*. Из-за языкового барьера дети, с одной стороны, могут испытывать трудности в общении со сверстниками, что порой приводит к изоляции, стрессу и трудностям в социальной адаптации, с другой – обособляться в иноязычной среде, когда обособление обусловлено психологическими и прагматическими мотивами, обеспечивающими некий психологический комфорт в условиях нахождения вне территории привычного проживания или близкой социальной среды, однако, именно в этих условиях вероятно повышение уровня враждебности к «другим». Это вызывает чувство отчуждения и усиливает индивидуальное и коллективное желание держаться особняком, а местные дети могут воспринимать подобную обособленность как нежелание адаптироваться и сотрудничать.

В-третьих, *отсутствие ресурсов и специалистов*. В российских школах часто нет достаточного числа специалистов (педагогов, логопедов, психологов), которые могли бы работать с детьми, не владеющими русским языком. Это усложняет процесс их адаптации и эффективного обучения.

В-четвертых, *стереотипы и предвзятое отношение*. Есть вероятность, что некоторые педагоги и ученики могут негативно относиться к детям-мигрантам из-за их слабого владения русским языком, что также негативно сказывается на их самооценке и учебной мотивации.

Возможные траектории решения проблемы. *Организация курсов русского языка как иностранного*, путем введения специальных курсов русского языка для детей-мигрантов для более быстрой их адаптации к языковой среде, курсы можно организовать как внешкольные занятия. *Подготовка специалистов*. Повышение квалификации учителей и привлечение специалистов по работе с детьми, не владеющими русским языком. *Взаимодействие с родителями* путем их вовлечения в образовательный процесс. Так, в образовательных учреждениях могут проводиться специальные встречи и предоставляться информация о том,

как родители могут помочь (оказать посильное содействие) своим детям в изучении русского языка и адаптации к школе или детскому саду. Соответственно, для решения проблемы незнания русского языка детьми мигрантов требуется комплексный подход, включающий меры воздействия, как со стороны системы образования, так и со стороны общества, включая самих мигрантов.

Другими резонансными событиями, в рассматриваемом отрезке времени, связанными со сферой миграции стали следующие обстоятельства.

Участие этнических диаспор в организации нелегальной миграции в Россию под прикрытием их организационно-правовой формы – формального статуса. Так, [по данным СМИ](#) 3 октября с.г. в Иркутской области были задержаны председатель Узбекского национально-культурного центра Ю. Кулматов и зампредседателя таджикской диаспоры Ш. Нажмудинов. Их обвиняют в организации совместно с Центром дополнительного образования незаконной миграции. По данным следственных органов, они выдавали мигрантам поддельные сертификаты о знании русского языка, истории и законодательства России, что позволяло последним легализовать свое пребывание в стране – оформить патент, вид на жительство и разрешение на временное проживание на территории Приангарья. На этой схеме они заработали более 1,5 млн рублей. Подобные инциденты несут существенные вызовы и угрозы общественной безопасности и национальной безопасности в целом, к основным следует отнести:

1. Рост теневых миграционных потоков. Действия подобных организаций способствуют увеличению числа нелегальных мигрантов, что затрудняет для органов власти контроль над миграционными процессами и может привести к росту преступности и правонарушений со стороны иностранных граждан.

2. Подрыв доверия к диаспорам. Участие представителей этнических диаспор в незаконной (преступной) деятельности дискредитирует их в глазах общества и официальных властей, что усложняет интеграцию мигрантов и стимулирует рост напряженности в межэтнических отношениях, приводит к увеличению недоверия к мигрантам, укреплению негативных стереотипов о них, и росту ксенофобии. Участие некоторых диаспор в содействии нелегальной миграции негативно сказывается на доверии российского общества к этим сообществам. Такое недоверие имеет несколько негативных последствий как для общества, так и для самих диаспор. Это явление усугубляется из-за медийного освещения подобных инцидентов, что формирует у общества обобщенные представления о «нелегальной активности» диаспор, затрудняет их интеграцию и вызывает межэтническое напряжение.

Средства массовой информации активно освещают случаи нелегальной миграции и преступлений с участием мигрантов и представителей диаспор, что формирует у общества устойчивое восприятие о «проблемных» сообществах. Одни инциденты получают широкую огласку, а другие позитивные примеры (образовательные, культурные проекты) не находят такого же резонанса.

Зачастую в обществе часто стирается граница между законопослушными мигрантами и теми, кто участвует в незаконной деятельности, что приводит к

стереотипам и предвзятости в отношении диаспоры в целом, особенно в отношении граждан одного этнического происхождения. Участие отдельных представителей диаспор в нелегальной деятельности порождает страхи среди местных жителей, которые связывают рост преступности с притоком мигрантов, подобное недоверие может и зачастую проявляется в виде бытовых конфликтов и недоброжелательности к мигрантам.

Не менее драматичный сценарий могут приобрести сами последствия подрыва доверия к диаспоральным институтам. Обострение недоверия может привести к росту ксенофобии и даже насилия на этнической почве. Это создает атмосферу напряженности в регионах с высокой численностью мигрантов, усложняя интеграцию и взаимодействие. Недоверие к диаспорам мешает их культурной и социальной интеграции в общество. Представители диаспор порою вынуждены жить обособленно, избегая взаимодействия с местным населением, что способствует замкнутости и изоляции. Вместе с тем следует оговориться, что *фиксируемые в настоящий период тенденции в большой мере указывают скорее на отсутствие желания и/или устремления у мигрантов из среднеазиатских республик интегрироваться в российское общество.*

3. *Экономические последствия*, нелегальная миграция – дополнительная нагрузка на социальные и экономические системы, включая здравоохранение, образование и рынок труда.

Представляется целесообразным, проводить систематические проверки деятельности национально-культурных автономий – центров и этнических диаспор на предмет их участия в незаконной миграции и деятельности в целом; вовлекать лидеров диаспор в совместные проекты по интеграции мигрантов, для укрепления доверия к ним (т.е. формирование положительного имиджа) и снижения рисков их участия в незаконной деятельности. В частности, введение эффективных мер контроля и мониторинга деятельности миграционных служб поможет снизить нелегальную миграцию и усилить доверие общества к законопослушным мигрантам, а СМИ и различные образовательные проекты могут акцентировать внимание на успешных примерах положительного вклада диаспор в экономику и культуру страны, помогая разрушить стереотипы.

Принятые 9 ноября с.г. административные и уголовные меры в отношении тех, кто занимается нелегальной миграцией, важны для того, чтобы показать общественности, что правонарушения не останутся безнаказанными, а сфера регулирования миграции является релевантной для государства и российского общества.

Продолжающийся рост физического и сексуального насилия со стороны мигрантов в отношении женщин и несовершеннолетних – серьезная проблема, требующая внимательного рассмотрения и комплексного подхода к решению ([попытка изнасилования](#) и отравление несовершеннолетних девочек в г. Санкт-Петербург уроженцем Узбекистана; [попытка изнасилования](#) и нанесение побоев русской девушке в г. Нижнем Новгороде, фокус внимание к данному инциденту

на федеральном уровне – реакция Главы СК России А. Бастрыкина и другие факты подобных преступлений в различных регионах России).

В вопросах профилактики сексуального насилия следует отметить такие направления:

- выявление и нейтрализация обстоятельств, которые могут обуславливать совершение сексуального насилия;
- предупреждение реально возможных преступлений;
- прекращение сексуального насилия, которое совершается;
- выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению сексуального насилия и которые могут способствовать новым преступлениям;
- предупреждение рецидива.

В рамках этих направлений существует комплекс мероприятий, которые составляют в сумме деятельность по предупреждению преступлений, который состоит из:

- мероприятий воспитательного характера, направленных на постоянное повышение уровня культуры иностранных граждан;
- деятельности, направленной на устранение условий, способствующих совершению преступлений:
- мероприятий, направленных на выявление лиц с криминальным поведением;
- предупреждений, содержащих принятие мер, направленных на недопущение дальнейшего развития преступной деятельности конкретных лиц;
- деятельности по пресечению преступлений, которые содержат меры по немедленной нейтрализации преступной деятельности лиц, которые непосредственно начали противоправную деятельность;
- меры по недопущению наступления преступных последствий;
- воспрепятствования дальнейшей преступной деятельности лиц, совершивших преступления, путём полного и своевременного их раскрытия и изоляции виновных.

В общем профилактика сексуального насилия заключается в проведении мероприятий по установлению и устранению причин этого вида преступления и условий, способствующих его совершению. Фиксируемые негативные тенденции, связанные с тем, что существенная доля подобного рода преступлений приходится на уроженцев конкретного среднеазиатского региона требует дополнительных исследований для выработки эффективных мер профилактики.

Насилие со стороны мигрантов вызывает общественное беспокойство и усиливает предвзятые стереотипы о мигрантах, а факты преступлений насилия могут способствовать росту ксенофобии и антиимигрантских настроениям среди россиян.

Внутрисоциальный фактор

1. На примере видеообращения жителей г. Самара (в т.ч. представители таких организаций как: «Северный человек», «Русская община», «Союз ветеранов

внутренних войск», «Союз ветеранов ВДВ», «Ветераны военной разведки») к Президенту России и другим российским руководящим должностным лицам с требованием урегулировать сферу миграции на уровне [правовой регламентации](#). Опубликовано видеообращение было в Telegram-канал «Самара Тольятти. Северный человек» (6112 подписчиков и свыше 107,6 тыс. просмотров по состоянию на 12 мая 2024 г.) диагностируются серьезные риски радикализации настроений в отношении трудовых мигрантов, через усиление националистической риторики.

Причиной обращения, по мнению жителей, стала миграционная обстановка в регионе и связанный с ней наркотрафик, курируемый мигрантами из Средней Азии, зафиксированный рост преступлений (насилие в отношении несовершеннолетних) и правонарушений (бытовые конфликты, хулиганство, нарушение общественного порядка, неуважение к участникам-ветеранам СВО), увеличение социокультурной дистанции между коренным населением и приезжими по причине несоблюдения и непринятия последними как локальных региональных, так и в целом общероссийских ценностей, традиций и культуры.

Именно социокультурный компонент не в первый раз за период проведения настоящих мониторинговых исследований межнациональной и межрелигиозной обстановки в России выявляется в качестве центрального (смыслообразующего) катализатора социального недовольства и протеста результатами миграции. Так, граждане-активисты выступают против *«конкретно тех приезжих, которые не желают чтить традиции страны, культуру, обычаи; которые приезжают в РФ, не зная русского языка, не желая понимать, как живёт Россия. Это – люди, которые часто исповедуют радикальные формы ислама»*. Участники акции выразили надежду на то, что власти разрешат проблемы в миграционной сфере, в противном случае отметили готовность «взять ситуацию под свой контроль» и самостоятельно реагировать на проблемы с мигрантами.

Основные требования активистов состояли в:

- 1) пересмотре условий предоставления российского гражданства выходцам из ближнего зарубежья, а именно: *«перестать выдавать гражданство уроженцам из Средней Азии, которые не имеют заслуг перед страной и не отказываются от гражданства, которое было у них до этого»*;
- 2) запрете на выдачу лицензий на ношение оружия гражданам, приехавшим в Россию из среднеазиатских республик;
- 3) вводе визового режима со Средней Азии и прекращении бесконтрольного завоз семей мигрантов.

В подобных событиях заложены высокие риски роста социального напряжения до предельных значений, способных спровоцировать конфликтные ситуации и усилить ксенофобию в регионах России. Отсутствие своевременной и исчерпывающей реакции со стороны органов власти, прежде всего, местных правоохранительных органов может спровоцировать экспрессивную волну

самосуда и самоуправства со стороны жителей, испытывающих серьезные проблемы во взаимодействии с мигрантами.

Прогнозируются риски формирования самоорганизованных «патрульных» групп активистов в качестве ответной меры на отсутствие решительных мер воздействия на сферу миграции со стороны органов власти: могут быть созданы «народные дружины», состоящих из представителей организаций «Северный человек», «Русская община» и других патриотических сообществ для «защиты» коренного местного населения от приезжих. Это в свою очередь может вылиться в отрывные формы неконтролируемого насилия в «поисках справедливости» и ответственности лиц, соразмерной совершенным ими правонарушениям либо преступлениям.

Данное обстоятельство способно усугубить межнациональный климат как в регионах, где протекали конфликты, так и в России в целом, вовлекая в него новых субъектов (диаспоры, диппредставительства республик, уроженцами которых являются мигранты). Следует отметить, что представители различных общественно-патриотических организаций, таких как «Русская Община» или «Северный человек», могут оказать посильное содействие жителям регионов через СМИ и соцмедиа расширить масштабы освещения конфликта, обострив внимание российской общественности на проблемах миграции в конкретных российских регионах, особенно в условиях тлеющей тревожности и возросшего недоверия россиян к уроженцам постсоветского пространства после террористического акта в «Крокус Сити Холл». Вместе с тем, подобные обращения содержат существенные имиджовые и репутационные потери для региональных властей, поскольку их деятельность в миграционном и межнациональном пространстве может активно культивироваться «неэффективной» в региональных и федеральных социальных медиа.

Целесообразным представляется нивелирование социального недовольства путем вовлечения патриотических ориентированных организаций в различные консультативные советы при органах государственной власти, ориентированных на разработку предложений по совершенствованию миграционного законодательства, способов социокультурной адаптации трудовых мигрантов. Важным направлением могло бы явиться вовлечение натурализованных российских граждан, выходцев из Средней Азии в волонтерскую деятельность – поддержку участников специальной военной операции под кураторством российских патриотических организаций, а в последующем и их соотечественников – трудовых мигрантов. Т.е. создание условий для прямого социального взаимодействия, которое сформирует дополнительные механизмы и меры адаптации мигрантов в российском социокультурном и правовом пространстве.

Следует обратить внимание на растущее социальное напряжение, исходящее от местных, коренных жителей части районов Москвы и Подмосковья, обусловленное прогрессивным ростом числа поселяющихся мигрантов, особенно в окрестностях г. Котельники. Тенденции количественного роста мигрантов

в отдельных районах и качественный переход этой тенденции в закономерность способны спровоцировать существенный отток местного населения, усилить риски возникновения бытовых конфликтов, а высокая этническая (равно как и религиозная дифференциация) концентрация с характерной для нее культурно-религиозной самобытностью и принципами хозяйственной деятельности в границах одного конкретного района или подмосковного города способны вызвать опасную угрозу возникновения этнорелигиозных анклавов на территории московской агломерации.

На фоне вышеописанных событий рождаются совершенно новые «рупоры» общественного мнения или лица, транслирующие накопленное социальное напряжение масс. Наиболее явный и симптоматичный пример появления новых лидеров общественного мнения является – Макс Дивнич. Этот молодой человек позиционируется среди широкой русскоязычной молодежной аудитории как «общественник» с активной гражданской позицией, открыто высказывающийся о проблемах миграции, ущемлении русских людей, пропагандирующий здоровый образ жизни и отчасти ведущий активную просветительскую работу – православия.

Яркое и резонансное событие с его непосредственным участием связано со стихийным митингом против строительства мечети на озере «Святое» в Косино-Ухтомском районе г. Москвы. Как известно, наиболее оптимальный способ разрешения потенциальных социальных конфликтов – это медиация с участием лидеров общественного мнения. Таким образом, представляется целесообразным включение М. Дивнича в гражданский актив, молодежные структуры, аффилированные в действующей властью для последующего медийного включения в «разрядку» социальной напряженности.

Общественный резонанс вокруг [высказываний дизайнера](#) А. Лебедева в отношении организаций «Матерей Беслана» и «Голос Беслана», озвученных в его большом интервью Ю. Дудю (иностранный агент). Данное событие сопровождал «широкий фронт» осуждения и порицания высказываний А. Лебедева, звучавших от государственных и общественных деятелей, как в самой Северной Осетии, так и на федеральном уровне. Ситуация содержала существенные риски развития по конфликтной экспоненте и перехода в «межнациональный трек».

2. А. Лебедев в интервью Ю. Дудю (иноагент) допустил ряд высказываний, воспринятых как критика организаций, связанных с увековечиванием памяти о трагедии в г. Беслане, и их деятельностью. Дизайнер хорошо известный аудитории своими провокационными и резкими высказываниями, затронул чувствительные темы, что вызвало серию критических реакций.

Высказывания вызвали сильную реакцию как в социальных сетях, так и в традиционных СМИ. Критики указывали на то, что его слова оскорбляют память жертв трагедии и страдания их семей. Организации «Матери Беслана» и «Голос Беслана», которые занимаются поддержкой семей жертв и увековечиванием памяти о трагедии, выразили свое недовольство и осуждение высказываний Лебедева. Инцидент катализировал дискуссии о границах свободы слова и том,

как в обществе должны восприниматься и осуждаться провокационные, спорные и неоднозначные высказывания, особенно когда речь идет о трагедиях и чьих-то личных страданиях. Критики А. Лебедева строили свои доводы на том, что его высказывания были не только провокационными, но и крайне неуместными, учитывая трагический контекст, а подобные комментарии могут усугубить страдания семей жертв и подорвать доверие к организациям, которые пытаются поддерживать память о трагедии. Однако часть аудитории, надо признать – незначительная, поддержала А. Лебедева, рассматривая его высказывания как проявление критического взгляда на деятельность этих организаций, ссылаясь на то, что любые обсуждения и критика допускаются в свободном обществе.

Резонанс вокруг высказываний А. Лебедева подчеркивает, как важны и чувствительны вопросы, связанные с национальными трагедиями и памятью о жертвах. Данный инцидент также иллюстрирует, как личные и публичные высказывания могут оказывать значительное влияние на общественное мнение и вызывать широкие дискуссии, критику, и главное – иметь межнациональное преломление.

3. Борьба с национализмом и неонацизмом ([уголовное преследование](#) пяти членов нацистской группировки «Белая масть»).

Борьба с национализмом и неонацизмом представляет собой комплексную задачу, требующую комплексного подхода и сотрудничества между различными государственными, общественными и международными институтами. Эти идеологии могут приводить к социальному разделению, насилию и угрозе общественной безопасности. Национализм включает в себя идею превосходства одной нации над другими, что может проявляться в ксенофобии, дискриминации и враждебности к другим этническим или национальным группам. Национализм может проявляться в виде политических движений, культурных инициатив, а также в виде социальной и культурной изоляции меньшинств.

Неонацизм является современным возрождением нацистской идеологии и включает в себя расизм, антисемитизм, гомофобию и ксенофобию. Неонацистские группы часто участвуют в акциях насилия, распространяют экстремистскую пропаганду и пытаются создать экстремистские сообщества.

Ключевыми аспектами являются усиление правоприменения, просвещение и образование, а также работа по улучшению межкультурного диалога и интеграции. Стратегия должна опираться на междисциплинарное сотрудничество и активное участие всех слоев общества.

2. 3 октября 2024 г. Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике М. Солтаев⁷ [потребовал](#) провести проверку деятельности активистов организации «Русская Община» после многочисленных жалоб выходцев с Северного Кавказа. В частности, есть ряд видеозаписей, распространяемых в Сети–интернет, на которых, как [заявляет](#) издание «Грозный-информ», представители неформального объединения «Русская община» проводят несанкционированные

⁷ Официальный ресурс – сайт Уполномоченного по правам человека в Чеченской республике [Электронный ресурс] // URL: <https://chechombudsman.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

рейды, требуя от людей кавказской и азиатской внешности, а также мигрантов предъявить документы, удостоверяющие их личность.

По мнению М. Солтаева, согласно российским законам, в личных интересах никто не имеет права инициировать проверки, а главное запрашивать документы, удостоверяющие личность у граждан. Проверять документы могут сотрудники полиции, Росгвардии, а также нотариусы, судебные приставы-исполнители, работодатели, работники банка, МФЦ и т.д. – в случаях, определенных законами Российской Федерации.

М. Солтаев [призвал](#) правоохранительные органы обратить внимание на «Русскую Общину» и принять меры для пресечения ее незаконных действий. Он также обратился к «следственным органам, прокуратуре и непосредственно к органам внутренних дел проверить на противозаконность действия данной организации», а также попросил высказаться по данному поводу общественных деятелей, непосредственно институты гражданского общества, Совет по правам человека. М. Солтаев полагает, что подобные действия «Русской Общины» только разжигают межнациональную рознь и «играют на руку» украинским, и шире – западным спецслужбам, которые давно ведут активную работу по поляризации российского общества по национальному и религиозному признаку.

После заявления М. Солтаева о необходимости проверки деятельности «Русской Общины» последовало ряд последствий.

Во-первых, ответное обращение представителей «Русской Общины». Так, координатор организации А. Афанасьев [заявил](#) в своем видеообращении, что «Русская Община» готова к совершенно любым формам проверок и активно сотрудничает с правоохранительными органами. Он выразил недоумение по поводу обвинений Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике, подчеркнув, что жители различных российских регионов, включая Северный Кавказ и Поволжье, также обеспокоены проблемами миграции, радикализации и криминогенной обстановкой среди мигрантов.

Особое внимание А. Афанасьев обратил на то, что деструктивный фокус внимания на «Русской Общине» начал концентрироваться в информационной сфере после публикации большого материала – [статьи](#) Русской службы ВВС об организации, которая, по мнению автора публикации – журналистки А. Затари⁸ (покинула Российскую Федерацию), является крупной в стране ультраправой организацией, способствующей всплеску активности националистов. В статье ВВС *«Мы русские, с нами Бог». Как в России появились новые ультраправые и чем они отличаются от старых»* рассматривается эволюция т.н. «ультраправых движений в России», их современные проявления и отличия от предыдущих поколений националистов. Автор публикации отмечает, что в 1990-х и начале

⁸ *Справочно.* Амалия Затари – российская журналистка, известная своей работой в Русской службе Би-би-си, освещающая широкий спектр тем, включая социальные и политические процессы, а также культурные события. Ее статьи публикуются на официальном сайте Русской службы Би-би-си. В 2024 году А. Затари была номинирована на премию «Редколлегия» за статью «Мы русские, с нами Бог», в которой исследовала появление т.н. «новых ультраправых движений» в России и их отличия от предыдущих поколений националистов. Ранее А. Затари сотрудничала с изданием «Republic», где занимала должность редактора новостей. Ее журналистская деятельность характеризуется освещением сложных и чувствительных социально-политических тем, связанных с Россией.

2000-х годов ультраправые движения в России (например, «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ)) отличались весьма агрессивной риторикой, открытым расизмом и ксенофобией, склонностью к насилию. Их деятельность, как правило, сопровождалась уличными акциями, нападениями на мигрантов и представителей нацменьшинства. А современные ультраправые движения, по логике авторов публикации, пришедшие на смену организациям старого типа, ориентированы на формирование респектабельного имиджа, избегают открытой агрессии и насилия, фокусируются на культурных и социальных инициативах, позиционируют себя как защитников традиционных ценностей и русской идентичности и отличаются от своих предшественников такими аспектами, как:

1) избегание открытой ксенофобии и расизма, предпочтение нарративов о защите культуры, традиций и национальных интересов;

2) вместо «уличного насилия» - проведение социокультурных мероприятий, лекций и семинаров, направленных на просвещение и привлечение новых идейных сторонников;

3) стремление к сотрудничеству с официальными государственными структурами, позиционирование себя через призму патриотических организаций, поддерживающих официальную политику и курс руководства страны.

В резюме делается вывод, что несмотря на изменение имиджа, т.н. «новые ультраправые движения» вызывают обеспокоенность у правозащитников и представителей нацменьшинств, а критики утверждают, что под прикрытием культурных инициатив они продолжают продвигать националистическую повестку и способствуют разжиганию межнациональной розни.

Примечательно то, что статья Русской службы ВВС [нашла широкий общественный отклик](#) в российском экспертной и общественной среде. Российские публицисты и политологи раскритиковали ряд тезисов, озвученных в этой статье. В частности, [отмечается](#), что подобными журналистскими материалами Запад продвигает «революционную» повестку и стремится разделить Россию на десятки мини-нацгосударств: *«Репортаж примечателен тем, что сквозь него красной нитью проходит одна «скорбная» (для британцев) мысль – участники «Русской общины» активно работают с властями и поддерживают как повестку СВО, так и противодействия внутренним угрозам – в частности в контексте леволиберальной деструктивной оппозиции и борьбы с разрушительными тенденциями в ценностной сфере (в первую очередь движением ЛГБТ («Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистским и террористическим, запрещено на территории РФ)). ВВС сетует, что раньше «националисты» были потенциальными революционерами, а теперь совместно с силовиками борются против нелегальной миграции».*

В подобной выше риторике выразил свою позицию русский писатель и философ Р. Антоновский, [отмечая](#): *«Помимо помощи военным, «Русская община» организует спортивные тренировки и мероприятия, коллективно посещает*

церковь, устраивает крещенские и масленичные гуляния, «казачьи вечерки», отмечает другие традиционные русские и православные праздники, где организовывает «русские забавы», в том числе хороводы, кулачные и стеношные бои».

Архиепископ Зеленоградский Савва (Тутунов) тоже [прокомментировал](#) в своем Telegram-канале публикацию Русской службы ВВС, обращая внимание на то, что журналисты издания стремясь сделать текст критически настроенным, факты в нем представили скорее в положительном ключе: «Главный вывод (и цель) ВВС в ярлыке. «Русская община» – это, утверждается в статье, «ультраправые». То есть, в терминологии западных СМИ, – нацисты. И неважно, что описание не соответствует ярлыку. Главное – приклеить ярлык. Для убедительности в завершение статьи приводится статистика преступлений, совершенных в России (или будто бы совершенных) ультраправыми (или будто бы ультраправыми). Преступлений при этом, к «Русской общине» отношения не имеющих никакого». Таким образом, попытки журналистов Русской службы ВВС «запугать» читателей аспектами деятельности «Русской Общины» можно считать неудачными, поскольку большинство видят в статье не пугающие факты, а просто фактологические сведения о том, что активисты общины поддерживают СВО и традиционные ценности.

Во-вторых, встреча А. Алаудинова с представителями «Русской общины». Так, 9 октября с.г. командир спецназа «Ахмат» А. Алаудинов [опубликовал](#) видеообращение, где отметил, что встретился с лидерами «Русской Общины» после конфликта и сделал некоторые выводы. Он отметил, что цели организации изначально были поставлены хорошие, однако из-за разрозненности движения могут происходить «перегибы». А. Алаудинов подчеркнул, что поддерживает заложенные в уставе организации цели, а «перегибы» случаются, поскольку движение разрозненно.

В-третьих, широкая общественная дискуссия. Заявления М. Солтаева и последующие события вызвали широкий общественный резонанс. В СМИ и социальных медиа/сетях активно обсуждаются вопросы деятельности «Русской общины», ее методов и влияния на межнациональные и межрелигиозные отношения и процессы в России. Часть экспертов выражают обеспокоенность возможным разжиганием межнациональной розни, другая часть полагает, что организация поднимает важные социальные проблемы и вопросы, содействуя их решению.

Важно отметить тот факт, что деятельность «Русской Общины» и ее позиционирование в российском многонациональном обществе вызывают разнообразные дискуссии. С одной стороны, организация заявляет о целях по объединению и взаимопомощи русских людей в решении важных насущных социальных проблем, прежде всего в миграционной сфере. С другой стороны, ее отдельные методы и риторика могут *ложно* интерпретироваться в качестве действий, направленных против определенных этнических сообществ, что создает существенные риски роста напряженности в межнациональных и, в

частности, в межрелигиозных отношениях, особенно в условиях, когда внешние деструктивные силы, в лице различных структур «коллективного Запада» и киевского режима, систематически предпринимают попытки расколоть социум в России по социальным идентификациям, в т.ч. признакам, путем «раскачки» резонансных инфоповодов, возникающих противоречий, конфликтов и трений.

Западные страны намеренно поддерживают региональные конфликты или отдельные социальные группы в России, стремясь дестабилизировать обстановку внутри страны, что включает стимулирование сепаратистских настроений на Северном Кавказе, в Татарстане и других регионах, где исторически существуют сильные этнокультурные или религиозные различия. Представляется очевидным, что в Россию намеренно продвигаются культурные концепции, которые нацелены на подрыв традиционных ценностей и укрепление позиции либеральной идеологии, речь, прежде всего, идет о темах, касающихся прав меньшинств, идентичности, а также о продвижении ценностей, которые рассматриваются как противоречащие традиционным российским духовным и моральным устоям. Западные страны оказывают поддержку определенным российским НКО, правозащитным группам и активистам, которые занимаются вопросами межнациональных отношений и прав этнических меньшинств, что в значительной мере ориентировано на попытку внешнего вмешательства для усиления межэтнической напряженности и создания поводов для конфликта внутри страны.

Различные западные СМИ и крупные международные медиа платформы, такие как BBC, CNN и другие, распространяют информацию о т.н. «нарушении прав этнических и религиозных меньшинств» в России, манипулируя фактами с целью ухудшения имиджа России за рубежом, пытаясь вызвать недовольство среди различных этнических и религиозных сообществ внутри страны.

Проблемы миграции часто становятся объектом внешнего внимания и критики, в т.ч. субъекты социально-политического процесса, связанного с миграционной повесткой, например, организация «Русская Община». Вероятно, Запад пытается подорвать стабильность в России, концентрируя внимание на вопросах по теме с миграционных потоков, усиливая национальные страхи и тревоги, что приводит к росту национализма и напряженности. Важно отметить, что в подобных условиях любая форма деятельности «Русской Общины» будет пытаться поддаваться внешними деструктивными силами как «проявление национализма», роста популярности ультраправого сегмента в обществе и т.д.

Таким образом, высказывания М. Солтаева о «Русской Общине» привели к активному обсуждению роли и методов организации в российском обществе, к взаимодействию между различными общественными и государственными структурами для оценки её деятельности.

В многонациональном обществе важно, чтобы деятельность подобных организаций способствовала укреплению единства и взаимопонимания между различными этническими и культурными сообществами, а не приводила к их разделению. Вместе с тем, следует отметить, что в соответствии с Федеральным

законом от 2 апреля 2014 г. № 44–ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» определены правовые основы сотрудничества правоохранительных органов и населения. Предусмотрено пять основных форм участия граждан в охране общественного порядка:

1) *содействие правоохранительным органам*, предполагающее участие в охране общественного порядка, в т.ч. при проведении массовых мероприятий, информирование полиции о правонарушениях и угрозах общественному порядку;

2) *помощь правоохранительным органам в поиске пропавших без вести*;

3) *работа в качестве внештатных сотрудников полиции*;

4) *участие в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности*, т.е. основными направлениями работы подобных объединений являются содействие в охране общественного порядка, участие в предупреждении и пресечении правонарушений, распространение правовых знаний;

5) *народные дружины*: прописаны порядок их создания и деятельности, приема в них граждан, определены полномочия дружинников: они могут требовать от граждан и должностных лиц прекратить противоправные деяния, применять физическую силу (но лишь в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, дружинникам выдаются удостоверения и форма, они проходят специальную подготовку).

Согласно пункту 1 и 2 статьи 11 рассматриваемого федерального закона «Граждане, достигшие возраста восемнадцати лет, *вправе участвовать в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности*, создаваемых ими по месту жительства, нахождения собственности, работы или учебы в форме органа общественной самодеятельности без образования юридического лица <...> Общественные объединения правоохранительной направленности могут участвовать в охране общественного порядка по месту их создания только после внесения в региональный реестр», где общественное объединение правоохранительной направленности – это «не имеющее членства общественное объединение, сформированное по инициативе граждан для участия в охране общественного порядка».

Проведение по запросу Уполномоченного по правам человека в Чеченской республике М. Солтаева правовой оценки участия членов «Русской Общины» в совместных рейдах с представителями правоохранительных органов приведет лишь к демонстрации законности их действий, что, очевидно, придаст эффект прозрачности и своевременности их деятельности, параллельно девальвируя возросший негативный потенциал информационных вбросов против «Русской Общины» и патриотических организаций в целом, а также значительно сократит число инсинуаций в отношении членов народных дружин и общественных организаций, привлекаемых к рейдам правоохранительных органов, в якобы имеющих место быть превышениях ими своих полномочий и в применении необоснованного физического насилия.

Фактор экстремизма

В 2024 г. высокая межнациональная и межрелигиозная напряженность в значительной мере была детерминирована несколькими крайне резонансными событиями: 22 марта 2024 г. в г. Красногорске («Крокус Сити Холл»), 16 июня 2024 г. в г. Ростове-на-Дону и 23 июня 2024 г. в Республике Дагестан (г. Махачкале и г. Дербенте).

«Крокус Сити Холл». Жестокий террористический акт в «Крокус Сити Холл», совершенный уроженцами Таджикистана, в ходе которого жертвами стали несколько сотен человек, из которых более 100 погибло. Первичная оценка последствий этой циничной атаки на гражданских лиц показывает, что последствия могут быть самыми разными, большей частью деструктивными. Необходимо признать, что главной целью террористов, точнее, заказчиков теракта, вероятнее всего было не столько стремление посеять страх, сколько спровоцировать негативное отношение к политическому руководству России и его действиям, связанным с обеспечением общественной безопасности. Ключевая задача, которую решали преступники, заключалась в инициировании гражданского раскола в России и в странах Центральной Азии. Раскачка внутренней ситуации путем провоцирования межэтнического и межрелигиозного размежевания, по расчетам недружественных в отношении России внешних деструктивных сил позволит им «обнулить» сотрудничество и взаимодействие России со странами Центральной Азии с максимальным ущербом для всех сторон. То есть речь идет и о целях организаторов теракта, связанных с ухудшением отношений между государствами постсоветского пространства.

Следует отметить, что Украина проводит «психологическую кампанию» с целью «вбить клинья» в многонациональный российский социум. Идет разжигание антимигрантских настроений после теракта в «Крокус Сити Холле». Об этом сообщил The Times глава Украинского Центра по противодействию дезинформации Андрей Коваленко: «украинские агенты проводят кампанию «псиопсихологии» с целью дестабилизировать российское общество, разжигая антииммигрантские настроения после теракта в «Крокус Сити Холл», – заявил Коваленко британскому изданию. Он также сообщил, что теракт спровоцировал национальный раскол в России, который Украине очень выгодно поддерживать. А напряженность между славянскими и неславянскими этническими группами является «благодатной почвой» для разжигания разногласий и недоверия в стране. Британское издание сообщает, что украинские агенты проникают в российские чаты в Telegram. Это делается для того, чтобы настроить национальные сообщества друг против друга. Примечательно, что после попадания в сеть видеозаписи того, как отрезают ухо одному из подозреваемых в теракте, агенты Украины попытались усилить выражение сочувствия террористам. Они пытались настроить подписчиков Telegram-групп против спецслужб. Президент России В. Путин подтвердил, что одна из главных целей заказчиков теракта в «Крокусе» – повышение уровня ксенофобии и исламофобии

внутри России. Об этом он заявил на расширенном заседании коллегии МВД России.

Развитие ксенофобии чревато развитием негативных последствий в виде радикализации общества по национальному, религиозному и культурному основанию. Потенциальная деятельность мигрантов по выстраиванию параллельного социальной общности со своими правилами, нормами или законами, приводят к тому, что местное население стран, не добившись решительных мер от центральных правительств, начинает склоняться к националистической траектории социально-политической активности и поддерживать оппозиционные политические партии с явной националистической риторикой или вовсе иницируют самостоятельную борьбу с незаконной миграцией и явлениями, очагом которых являются т.н. мигрантские анклав, - преступностью, чуждой культурой и обычаями, а также с самими мигрантами путем запугивания, применения насилия и т.д. Априори мигранты и их образ жизни не может вызывать вопросы у коренного населения до тех пор, пока в отношении последних не совершается противоправных действий со стороны мигрантов. После могут быть созданы опасные предпосылки для:

- формирования СМИ, умышленно или неосознанно, образа мигранта как потенциально опасного не только для представителей коренного (местного) населения, но и государства в целом;

- роста радикальных националистических настроений в обществе: поскольку рост преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (мигрантами), приведет к тому, что в обществе могут начаться формироваться представления о бездействии государства или намеренном создании подобной ситуации в своих интересах с целью извлечения выгоды. Формирование подобных взглядов у коренного населения гипотетически может привести к росту как оппозиционных, так и в целом критических настроений в отношении к власти и проводимой миграционной политике, и как следствие – социальная напряженность;

- духовной и социальной сепарации от мигрантов и представителей других наций. Увеличение радикальных националистических и «правых» настроений в социуме неизбежно приведет к тому, что люди, являющиеся представителями коренного населения, будут намеренно избегать любых тех или иных коммуникаций с мигрантами, что может быть обусловлено рядом обстоятельств, но основные – этнические стереотипы и боязнь быть жертвой преступлений или противоправных действий со стороны иностранцев.

Одновременно наша страна сталкивается с необходимостью ограничивать приток мигрантов, а также регулировать «качество» этих мигрантов. Учитывая опасения общественности, что тоже немаловажно для обеспечения общественной безопасности в плане противодействия ксенофобии и неприятия по отношению к мигрантам, требуется внедрить предупредительные меры для обеспечения межнационального согласия, терпимости к мигрантам. Стоит обратить внимание на возможность не только пускать мигрантов на территорию

страны после тщательной проверки, но и целенаправленно привлекать определенные категории мигрантов – с актуальными специальностями и конструктивными установками, готовностью не только искать личную выгоду, но и приносить пользу принимающему сообществу.

Ростов-на-Дону. 16 июня 2024 г. шестеро заключенных, вооруженных заточками, [захватили](#) в заложники двух сотрудников СИЗО-1 в г. Ростове-на-Дону.

Представляется, что наибольшего внимания для анализа и выработки соответствующих профилактических мер заслуживают обстоятельства, при которых террористам, захватившим СИЗО в г. Ростове-на-Дону, удалось заполучить и открыто использовать экстремистскую атрибутику и символику в следственном изоляторе, а также в целом их внешний вид (специфичные визуальные черты религиозного радикализма). Очевидно, вопросы предотвращения распространения радикальной экстремистской идеологии в местах лишения свободы приобретает неоспоримую актуальность. Так, в [законодательной системе рассматривались законопроекты](#), направленные на предотвращение распространения радикальной экстремистской идеологии в местах лишения свободы и соразмерность наказания за преступления террористической направленности, в частности «О внесении изменений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»; «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации», «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Позднее данный законопроект, направленный на предотвращение распространения экстремистской идеологии в тюрьмах, предполагающий отдельное содержание осужденных по соответствующим статьям, был принят.

Представляется весьма целесообразным точечное совершенствование методических указаний (в т.ч. рекомендаций) по профилактике распространения религиозного экстремизма в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России, разрабатываемых в различных специализированных научно-образовательных учреждениях российской пенитенциарной системы⁹.

Данные материалы должны отражать сущность и специфику религиозного экстремизма в местах временной изоляции от общества, а также правовые, организационные и методические основы противодействия религиозному экстремизму в учреждениях уголовно-исправительной системы, в т.ч. вопросы

⁹ Подробнее:

1) Профилактика распространения религиозного экстремизма в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России: методические рекомендации / Д. А. Запивалов, Ю. А. Ложкин, Л. М. Фетищева. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России. Пермь, 2020. 39 с.

2) Противодействие терроризму и экстремистской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: современное состояние и актуальные проблемы. Сборник материалов межведомственного круглого стола 19 ноября 2021 г. (в рамках V Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление»). Санкт-Петербург: ФКУ ВО «Санкт-Петербургский университет ФСИН России», 2021. 96 с.

3) Ситникова М.П. Противодействие религиозному экстремизму в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России // Научный журнал «Эпомен». 2021. № 60. С. 197–213.

обязанностей и ответственности должностных лиц за нарушения внутреннего распорядка и [дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации](#). Вместе с тем представляется возможным инкорпорирование в систему профилактической работы с заключенными по нераспространению религиозного экстремизма в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России отдельных положений и подходов, изложенных в [«Справочнике по работе заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах»](#), разработанном Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC) в 2017 г.

Республика Дагестан. Вечером 23 июня 2023 г. в Дагестане был совершен двойной теракт: боевики одновременно атаковали г. Махачкалу и г. Дербент, где целями террористов стали два православных храма, синагога и сотрудники полиции. [Как рассказал «Ленте.ру» на условиях анонимности](#) сотрудник правоохранительных органов, специализирующийся на религиозном экстремизме, в Дагестане могла активизироваться «спящая ячейка», которая выпала из поля зрения силовиков, растущая проблема религиозного экстремизма на юге России связана с международной активизацией террористических движений. Проведение специальной военной операции (СВО) отвлекло внимание и силы от Сирии, а осложнившаяся международная обстановка лишь усугубила ситуацию. Все это наложилось на внутрироссийские противоречия, вытекающие из клановых войн в кавказских республиках. Сегодня эти противоречия не только обострились, но и искусственно возобновляются. Фиксируются активизация «спящих ячеек» и возврат к деятельности тех экстремистов, которые из страха перед возможным наказанием «отошли от дел». Между тем, запрещенная в России террористическая организация «Исламское Государство» (ИГ) так и не была полностью разгромлена, как и не отказалась от своих задач и наращивает активность во многих странах (особенно в Африке). При этом ряд спецслужб коллективного Запада в ходе военно-политического противостояния с Россией начал взаимодействует с террористами.

В результате фиксируется активизация религиозного экстремизма, а лидеры террористов стремятся к быстрым результатам, которые обеспечат им нужное финансирование. Экспертами справедливо отмечает, что большие опасения вызывает рост числа молодых людей как в республиках бывшего СССР, так и в России, которые попадают под влияние разного рода «джихадистов» и начинают учиться у них, где под видом религии эти молодые люди учатся организации экстремистской и террористической деятельности. А в последние месяцы существенно вырос трафик «лекций», разъяснений и уроков для приверженцев течений радикального религиозного толка.

Почерк совершенных в Дагестане терактов напоминает действия ИГ — об этом [заявил востоковед](#), эксперт Российского совета по международным делам (РСМД) К. Семенов. По словам Семенова, ИГ в последнее время очень активизировалось – к примеру, недавно теракты, направленные против

христиан, были совершены в Республике Конго. Не исключено, что террористы причастны и к нападениям на Дагестан: своими действиями они могут пытаться дестабилизировать российское общество и посеять в нем недоверие к мусульманам. На данный момент времени в регионе есть представители радикальных течений ислама не в малой доле. Больше всего их как раз в г. Дербенте и г. Махачкале. Ранее Telegram-канал «Спросите у Расула» сообщал, что напавшие на синагогу в г. Дербенте оставили на ее дверях надпись: числа 2:120 и 8:39. Числа 2:120 указывают на вторую суру Корана и 120 аят, а 8:39 – на восьмую суру Корана и 39 аят.

В 120-м аяте второй суры Корана пророк Мухаммед получает предостережение о том, что христиане и иудеи будут пытаться переубедить его в истинности ислама. Там также сказано, что христиане и иудеи никогда не будут им довольны, пока он не откажется от своей религии.

Многие протекающие процессы и резонансные события, произошедшие в июне 2024 года, так и осенью прошлого года в аэропорту г. Махачкалы, свидетельствует о глубокой вовлеченности внешних деструктивных сил в подрывную (диверсионную) деятельность по «раскачке» межнациональной и межрелигиозной стабильности и безопасности на Северном Кавказе и в России в целом. Дагестан всегда был пророссийским многонациональным регионом, в котором выступали против любых проявлений религиозного экстремизма. Однако со временем ситуация начала меняться в силу того, что образованные местные жители, которые и были носителями культуры, стали покидать регион, а их социальное место начали занимать люди с радикальными взглядами, которые перетягивали на свою сторону ряды молодых людей.

Весьма симптоматично то, что одним из ликвидированных боевиков оказался 28-летний боец ММА Г. Кагиров, уроженец Сергокалинского района Дагестана, мастер спорта по вольной борьбе, за карьеру он провел два боя в ММА и оба выиграл, а в 2021 г. Г. Кагиров представлял школу единоборств имени А. Нурмагомедова, отца бывшего чемпиона UFC Х. Нурмагомедова.

Очевидно, что религиозный экстремизм на Северном Кавказе на протяжении длительного времени остается одним из ключевых препятствий для полноценного социально-экономического развития региона и сохранения стабильности и безопасности для сосуществования десятков этнических сообществ и миллионов представителей различных конфессий и религий.

Сложные политические, социальные и религиозные процессы, оказавшиеся частью механизма под названием «религиозный экстремизм», существенно повлияли на дестабилизацию обстановки в отдельно взятых регионах СКФО, в частности, в Дагестане. В современную эпоху слом религиозных отношений в обществе привел к тому, что общий уровень религиозно-этической грамотности как представителей СМИ, так и в общем населения стал невысоким.

Представляется недооцененной ключевая роль СМИ в профилактике и противодействии проявлениям религиозного экстремизма, повышении ее роли как инструмента социального контроля за действительностью, в частности – за

эффективностью деятельности государственных органов в борьбе с экстремизмом и террором. Важно рекомендовать изданиям (как печатным, так и электронным) активнее разъяснять программную политику государства в области противодействия терроризму и экстремизму; осуществлять мониторинг за ее реализацией, добиваясь соблюдения российского законодательства, не допуская ущемления прав и свобод граждан, в том числе конституционного права на свободу вероисповедания; отражении деятельности государственных и муниципальных органов власти по борьбе с идеологическими манипуляциями и вербовкой молодых людей в экстремистские структуры.

Однако следует учитывать, что СМИ, широко используя свои возможности воздействия на массовую аудиторию, способны не только вести вместе с государством информационно-идеологическую борьбу с религиозным экстремизмом, но и превращаться в «проводников» экстремистских идей, становиться полем для выражения взглядов религиозных радикалов, цель которых направлена на дестабилизацию обстановки в регионе, на удар по конституционным основам российского государства – этнополитической и этнорелигиозной безопасности. Организация деятельности редакционных коллективов должна предусматривать меры, с помощью которых можно предотвращать дисфункциональные эффекты журналистских выступлений.

Глава Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов [обратил](#) внимание на то, что значительная часть различных организаций, действующих как исламские, имеет системное иностранное финансирование, в том числе, из числа недружественных России стран.

При этом организации, поддерживающие радикалов и даже террористов, продолжают действовать совершенно открыто и свободно, даже не имея статуса «иноагента», прикрываясь якобы религиозной составляющей. Именно через разного рода исламские организации – от сугубо религиозных до так называемых «национально-культурных объединений» (они же – «ОПГ-диаспоры») – [происходит](#) откровенная вербовка действующих и будущих исламистов.

Как правило, концентрация экстремистской активности на Северном Кавказе увеличивается по мере приближения к крупным населенным пунктам. Характерные особенности местности позволяют экстремистским организациям локализоваться на границах гор и предгорий, что позволяет оказывать дестабилизирующее воздействие на административные и правоохранные органы власти, оказывать информационное воздействие на местное население. Территориальные границы зон активности и интересов экстремистских организаций на Северном Кавказе постоянно расширяется, создавая угрозу безопасности, для таких относительно спокойных регионов как Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ставропольский Край и Карачаево-Черкесия.

Возможными мотивационными и идеологическими аспектами экстремизма, равно как и факторами, стимулирующими кавказскую молодежь к вступлению в экстремистские течения и организации, могут являться:

- необъективное освещение в СМИ событий, так или иначе затрагивающих религиозные аспекты;
- проявления дискриминации, шовинизма, национализма, ксенофобии;
- не всегда оправданные и адекватные профилактические меры;
- отсутствие должной инициативы со стороны значительной части представителей высшего звена духовных наставников в поиске новых путей и средств гражданского воспитания и развития молодежи, исповедующей ислам;
- широкое бытование ложных стереотипов в отношении ислама и мусульман.

Последний фактор способен побудить и мобилизовать к протестным акциям, распространению воззрений национального, религиозного и конфессионального сепаратизма, сформировать устойчивое нежелание интегрироваться в общество, ущемляющее гражданское достоинство и социальное самочувствие отдельных категорий граждан. Этим, вероятно, объясняется известный факт, что среди тех, кто пополнил ряды экстремистов, есть лица с высшим светским образованием и хорошим материальным достатком. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что эта часть молодежи, имея материальный достаток, все же убеждена, что государство и общество не в силах обеспечить их духовные потребности.

К факторам распространения экстремизма в регионе, следует отнести:

- глубокую социально-статусную и экономическую дифференциацию в обществе, существенную социальную стратификацию граждан;
- относительно высокий уровень безработицы;
- достаточно слабое развитие производства и промышленности;
- сохраняющийся высокий уровень коррупции и «клановости»;
- отсутствие действенных социальных лифтов для молодежи;
- недостаточность программ экономической помощи малоимущей части населения;
- недостаточная эффективность в организации антиэкстремистской работы, способная дискредитировать власть и тем самым пополнить ряды экстремистов;
- качество образования.

Воспитательные и образовательные учреждения региона должны вносить посильный вклад в дело профилактики экстремизма и терроризма, поскольку их деятельность, в настоящий момент, носит скорее фрагментарный характер, сказывается недостаточная методическая проработанность антиэкстремистской работы в системе образования на различных уровнях. Высоко целесообразна подготовка из числа работников системы образования специалистов в области пропаганды и контрпропаганды, где за основу можно принять советскую систему подготовки пропагандистов. Среди задач учреждений образования, направленных на профилактику экстремизма, важно следующее: дальнейшее совершенствование работы над развитием духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания северокавказской молодежи; развитие

устоявшихся культуры и традиций гражданско-патриотического, нравственного и эстетического воспитания; формирование принципов здорового образа жизни у детей и подростков; дальнейшее укрепление института семьи. Важно, систематическое проведение в регионе мероприятий, позволяющих подготовить группы специалистов, способных стать трансляторами ценностей, направленных на противодействие распространению идеологии экстремизма и укрепление межэтнического и межрелигиозного согласия и взаимодействия.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то тот факт, что существенная доля происшествий, связанных с проявлениями или деятельностью экстремистов, фиксируется именно в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Дагестан. Данное обстоятельство требует неотложных мер от органов государственной власти в регионе по анализу и оценке социальной обстановки, в т.ч. в религиозной сфере (установлению источников деструктивной экстремистской пропаганды). Об этом, в частности указывают обстоятельства происшествия, когда 17 мая 2024 г. ФСБ России [пресекла](#) подготовку террористического акта на территории Карачаево-Черкесской Республики. В ауле Адиль-Халк Ногайского района был установлен участник запрещенной в России международной террористической организации, гражданин России, 1998 г.р По сообщению ФСБ, террорист планировал совершить вооруженные нападения на сотрудников республиканских правоохранительных структур. При задержании террорист оказал вооруженное сопротивление и ответным огнем был убит. 17 мая 2024 г. сотрудники Центра по противодействию экстремизму МВД по Карачаево-Черкесской Республике совместно с региональным управлением СК России [выявили](#) новые факты преступной деятельности лиц, обвиняемых в нападениях на сотрудников полиции в апреле 2024 года.

Тот факт, что в КЧР и Дагестане зафиксировано множество эпизодов совершения или подготовки к совершению теракта, а также то, что целями преступников являлись сотрудники правоохранительных органов республик может указывать на заказной характер преступлений, имеющих именно экстремистский, а не криминальный характер, где целевая установка – дестабилизация ситуации на Северном Кавказе, а в среднесрочной перспективе – привлечение к террористической деятельности новых членов.

Таким образом, серьезные риски и угрозы сосредоточены в деятельности различного рода религиозных организаций латентного типа в силу слабого или фактического отсутствия контроля со стороны официально признанных российских мусульманских структур.

Религиозный фактор

Поляризация контуров проявления религиозного экстремизма в России в 2024 году демонстрируется следующими событиями: [неуставная деятельность](#) протурецкой некоммерческой организации «Социально-благотворительный центр «Рассвет» в г. Нижневартовске, связанной с активной пропагандой пантюркизма

в рядах мусульман-выходцев из ближнего зарубежья; [задержание ФСБ России](#) на территории Тюменской области исламских духовных деятелей – имамов, осуществлявших вербовку и отправку мусульман в Сирию для участия в террористической деятельности; [пересмотр законодательным органом](#) Дагестана антиэкстремистского республиканского законодательства в пользу его приведения в соответствие с «новыми реалиями»; [противодействие религиозному экстремизму](#) в Крыму – деятельность «Меджлиса крымскотатарского народа» (запрещена на территории России); [скандальные высказывания](#) имама казанской мечети «Ирек» Т.Камаева о том, как правильно «побивать» жен – критическая реакция Духовного управления мусульман России на его высказывания, а также влияние Турции на исламскую духовную жизнь в Татарстане; [захват экстремистами](#) – выходцами из среднеазиатских республик заложников в ИК-19, расположенной в Волгоградской области; [предотвращение терактов](#) в православных храмах на территории Республики Ингушетия; [активная борьба](#) с «независимыми» исламскими образовательными учреждениями в Чечне.

В целом, тенденции в данной сфере за минувший период не претерпели существенных изменений, а тема религиозная тема по-прежнему находится в авангарде проблем современных межэтнических и межрелигиозных отношений в России.

Вместе с тем, поляризация контуров религиозного экстремизма в России требует системного и комплексного подхода, включающего в первую очередь правоприменительные меры, а также образование, поддержку жертв и работу с религиозными общинами с учетом социальных, культурных и политических факторы, влияющих на ситуацию, и развивающего стратегии, направленные на предотвращение радикализации и укрепление межрелигиозного согласия, особенно в молодежной среде.

Весьма примечательны некоторые закономерности и тенденции в среде российской мусульманской уммы, где, с одной стороны, налицо радикализация исламской молодежи – прирост популярности салафизма, а, с другой, – внешнее влияние на суфизм в России. Важно заметить, что соотношение салафизма и суфизма – двух важных ветвей ислама, имеющих свои корни в разных традициях и взглядах, и их влияние в России заметно, хотя и в достаточно разной степени.

Салафизм – строгое, ортодоксальное направление в исламе, которое часто вступает в противоречие с традиционными формами ислама, практикуемыми в России, что приводит к конфликтам внутри мусульманских общин, которые придерживаются более умеренных исламских традиций в тесной связи с местными этнокультурными элементами. В большинстве случаев салафизм ассоциируется с воззрениями экстремистского и радикального толка, а некоторые представители салафизма могут «следовать» идеям, находящимся в оппозиции официальной государственной доктрине, политики и безопасности. Салафистские общины могут сталкиваться с трудностями в интеграции в российское общество из-за своей закрытости и строгих норм, вызывая недовольство и напряженность как внутри, так и в отношениях с государственными органами и российским социумом в целом.

Законодательство и административные меры, направленные на борьбу с экстремизмом, существенно затрудняют деятельность салафистских групп: это и запрет на определенные организации, и уголовное преследования активистов, уличенных в противоправных действиях экстремистской направленности.

Суфизм, как мистическое направление в исламе, не всегда понимается и принимается в широком обществе, в том числе и среди мусульман, что приводит к недоверию и непониманию, а также к трудностям в распространении и практике суфизма. Суфистские общины иногда сталкиваются с трудностями в регистрации и признании со стороны официальных органов, что затрудняет их деятельность и ограничивает их возможности в проведении мероприятий. Суфизм конфликтует с более консервативными исламскими группами, которые могут рассматривать суфизм как отклонение от ортодоксальных норм и адатов, а может создавать напряженность и проблемы внутри мусульманского сообщества. В России есть давние традиции суфизма, особенно на Кавказе. Однако влияние и статус суфизма могут варьироваться в зависимости от региона и исторических контекстов, что может затруднять его распространение и признание на национальном уровне.

Наибольший экспертный интерес представляют внешние источники влияния на течения ислама в России.

Так, Саудовская Аравия имеет значительное влияние на салафизм благодаря своей роли как центра салафистской идеологии и финансирования салафистских проектов за рубежом. Организации и проповедники из Саудовской Аравии активно распространяют салафистскую идеологию, что также оказывает влияние на часть российских мусульман. Важно отметить, что проповедники, следующие салафистской традиции, используют современные средства коммуникации, включая интернет, для распространения своих взглядов и привлечение последователей. Большой популярностью на Северном Кавказе и среди мигрантов пользуются выпуски т.н. «Шейха Абдуллаха Костекского», носящие откровенный экстремистский характер и разжигающие межрелигиозную и межнациональную рознь. В общем, в России салафизм зачастую представлен через местные мусульманские общины, особенно на Северном Кавказе, а лидеры этих общин играют ключевую роль в популяризации и интерпретации салафистской идеологии.

Турецкое влияние на суфизм. Некоторые турецкие суфийские ордены, такие как Накшбандийа и Рифа'ийя, имеют давнее историческое и культурное влияние на российские суфийские практики. Они продолжают оказывать влияние через свои образовательные и культурные центры. Суфизм также имеет влияние от регионов Центральной Азии и Ирана, где суфийские практики и ордены имеют свою продолжительную историю. На Северном Кавказе и в других регионах России существуют старинные суфийские ордены, оказывающие влияние на местные практики и традиции. Суфизм в России часто интегрирован в местные культурные и религиозные традиции, что делает его важной частью культурного наследия региона. Таким образом, влияние на салафизм и суфизм в России формируется как внутренними факторами, так и международными связями, которые в основании

могут содержать существенные риски и угрозы национальной безопасности, а также межрелигиозному миру и согласию.

Дискурс вокруг никаба. Никаб – традиционный исламский женский головной убор с узкой прорезью для глаз, закрывающий остальную часть лица. Впервые возник как защита от песка, пыли и солнечного света, позднее – и от взглядов посторонних, окружающих мужчин. Считается разновидностью хиджаба, но именно никаб, особенно черный, является часто «индикатором» наиболее радикальных течений ислама, что, зачастую, ассоциируется в медиа и СМИ с радикальными и экстремистскими организациями религиозного толка.

Вместе с тем вопрос использования никаба не однозначен. Причина разногласий – отсутствие в религиозных текстах ясных указаний по этому вопросу, т.е. обязательности (необходимости) его ношения. По мнению мусульманского духовенства России, обязательность для женщины закрывать все свое лицо не имеет предписания в исламе¹⁰. Для примера – в Узбекистане в 2023 г. приняты нормы административной ответственности за ношение в общественных местах одежды, не позволяющей идентифицировать личность¹¹, направленные на поддержание общественной безопасности по аналогии с нормами, действующими в Индии, Индонезии, Казахстане, Марокко и некоторых иных странах Европы. В Чечне и Таджикистане не принято носить никаб, как и паранджу из-за террористической угрозы. Во Франции в 2010 г. запретили ношение никаба, но в 2014 г. Европейский суд по правам человека отменил данный запрет. В Бельгии и Швейцарии за ношение никаба могут оштрафовать и даже осудить.

Вместе с тем «взрывной» характер этому событию был предан при опубликовании и последующем тиражировании кадров конфликта с участием Елизаветы Барановской, русской, принявшей ислам, и, по информации некоторых СМИ, подавшей заявление в полицию после инцидента по существу ст. 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и ст. 148 УК РФ – нарушение прав на свободу совести и вероисповедания (до года лишения свободы). Е. Барановская записала видео, где призналась, что была готова оставить ситуацию без широкой огласки, если бы не физическая агрессия, проявленная к ней. Однако, судя по видеофрагменту, усмотреть агрессию сложно. При анализе данного события усматриваются элементы спланированной провокации, на что указывают такие обстоятельства, как: характер и техника съемки, практически не выдающая экстремальность либо стрессовость ситуации, в которой, предположительно, должна была пребывать девушка–оператор, а также высокая оперативность публикации съемки в социальных медиа и последовавшая за ней реакция «правозащитников».

¹⁰ Подробнее: Муфтий Чечни назвал девушек в никабах будущими террористками // URL: <https://lenta.ru/news/2020/12/07/covered/> (дата обращения: 01.10.2023).

¹¹ В Узбекистане запретили носить скрывающую лицо одежду // URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/05/uzbekzapret/?ysclid=lnhijp5odp558039986> (дата обращения: 01.10.2023).

Конфликт, став чрезвычайно резонансным инфоповодом, обнажил проблему, связанную с рисками и возможностями проникновения в Россию радикальных религиозных течений, преимущественно из Средней Азии. Религиозный экстремизм для среднеазиатских стран является одной из важнейших проблем национальной безопасности. После распада СССР Киргизия, Узбекистан и Таджикистан существенно пострадали от деструктивной деятельности экстремистских и террористических организаций. Все действующие экстремистские организации в регионе и за ее пределами сотрудничают и оказывают посильную помощь друг другу, часть из которых являются «филиалами» ИГИЛ (запрещенной в России)¹². Правительства указанных государств приняли систему норм по борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма. Так, в настоящее время в республиках Средней Азии широко развернута борьба с радикальными религиозными течениями: активно закрываются нелегальные мечети и молельные дома, запрещаются радикальные организации, задерживаются по внешним идентифицирующим признакам представители религиозных экстремистских течений, где одним из «ключевых» индикаторов является – ношения никаба. Подобная практика противодействия экстремизму в среднеазиатских республиках фактически «выдавливает» представителей радикальных течений на территорию России под фон трудовой миграции, где, как правило, в отношении них не ведется системное противодействие, а внешние и явные «атрибуты» религиозных течений радикального толка (никаб, паранджа и др.) сопоставляются с проявлением этнокультурного и религиозного плюрализма.

Представляется вполне целесообразной и оправданной инициатива некоторых общественных организаций (в т.ч. гражданских активистов) по признанию популярной среди уроженцев среднеазиатских республик пантюркистской организации «Серые волки» экстремистской, запретив ее деятельность на территории России, по аналогии с иными радикальными религиозными и националистическими организациями.

Особое внимание целесообразно обратить и на внешние проявления религиозного радикализма, предварительно, обсудив в среде экспертного сообщества возможности и последствия запрета на ношение одежды и символики запрещенных радикальных религиозных организаций. Таким образом, ношение подобной одежды и символов может быть приравнено к экстремизму и преследоваться как за ношение нацистской и фашисткой символики, а их носителей возможно включать в перечень экстремистов, подвергая как административной, так и уголовной ответственности. В т.ч. иностранных граждан подвергать депортации с пожизненным запретом на въезд в Россию при установлении фактов их связи с экстремистскими, террористическими или националистическими организациями.

¹² Подробно: Религиозный экстремизм и терроризм и их влияние на страны центральной Азии // URL: <https://centrasia.institute/religioznyj-ekstremizm-i-terrorizm-i-ih-vliyanie-na-strany-czentralnoj-azii.html> (дата обращения 01.10.2023).

Представляется, что изрядное внимание требуется сосредоточить на фильтрационной проверке при легализации трудовых мигрантов в России путем их всесторонней проверки по фактам административного или уголовного преследования в стране исхода по мотивам экстремизма, терроризма, в т.ч. на предмет их перекрестных связей с противоправными организациями.

В контексте всплеска антисемитизма в Дагестане, следует отметить, что по сравнению с другими северокавказскими республиками он наиболее ярко дифференцирован по этнорелигиозным основаниям, что, в свою очередь, гипотетически содержит определенные риски возникновения конфликтов по названным основаниям. Однако, и вполне очевидно, для «розжига» антисемитских настроений в регионе была проведена «предварительная идеологическая обработка населения». Прежде в телеграм-каналах появилась информация о том, что жители Израиля приехали в отель «Фламинго» в г. Хасавюрте, позднее внимание перефокусировали на аэропорт г. Махачкалы. Очевидно, за организацией этих событий стоят конкретные люди, которые ни к самому Дагестану, ни к интересам палестинцев прямого отношения не имеют. Фактом является и то, что Telegram-канал «Утро Дагестан» (имеется ввиду администрация) координировал противоправные действия людей в аэропорту, в т.ч. рейды по поиску израильтян вблизи аэропорта. Таким образом, рассматриваемая акция была явно «раскачена» внешними деструктивными силами и весьма эффективно инспирирована при особом психоэмоциональном фоне. Так, основная задача внешних сил, вероятнее всего, состояла во включении России, а скорее даже ее встраивании в единую «ось зла» с ХАМАС, как наглядное объяснение инструмента украинского лоббизма в США.

Дагестан – сложный субъект Российской Федерации, имеющий особые традиции и подходы по поддержанию политического баланса между различными этническими группами. Одновременно существует проблема, связанная с дефицитом возможностей для молодых амбициозных людей в регионе. Кто-то в результате уезжает в Москву или в другие регионы. А кто-то «находит себя» на религиозном поприще. Рост «религиозности» и приобщения к традиционному исламу связан с очень серьезным запросом на справедливость. Кроме того, тут есть и влияние других исламских стран – Турции, арабского мира и даже Азербайджана.

Можно предложить, что в сумме социально-политические проблемы, рост радикальных религиозных течений, отсутствие альтернативного идеологического наполнения и подвели к условиям, когда в обществе есть слои, легко подверженные манипуляции и этнорелигиозной мобилизации. В исламском мире антиизраильские настроения распространены, потому они транслируются и в некоторые российские регионы, жители которых преимущественно исповедуют ислам. Это обстоятельство обуславливает возможные риски и угрозы дестабилизации социальной обстановки по мотивам преследования по национальному или религиозному признаку.

Весьма своевременно и показательно прошло обсуждение событий на самом высоком уровне. Так, совещание с участием Президента России и руководителей силовых ведомств очертило важную последовательность и направленность траекторий по консолидации российского общества и действий коллективного Запада по инициированию беспорядков внутри России, т.е. переход за красные линии. Выступление главы государства перед руководителями ключевых органов власти и силовых ведомств синхронизировало политику в данном направлении для формирования необходимого иммунитета общества к попыткам внешних деструктивных сил поляризовать, разорвать социокультурное единство, межнациональное внутрироссийское согласие.

Помимо политических мер противодействия ксенофобии и ее разных проявлений, включая антисемитизм, требуются точечные правовые меры.

Система стратегических приоритетов и мер, направленных на укрепление гражданского единства и согласия, описана в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 и Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025. В документах стратегического планирования молодежная среда – объект пристального внимания со стороны органов государственной власти в части организации досуговой деятельности для культурного и физического развития, привития традиционных духовно-нравственных ценностей; развития атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности. Особенно актуальными эти задачи стали в условиях возрастающей угрозы ксенофобной пропаганды и вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность через сеть «Интернет».

В текущем режиме значительная роль в профилактике ксенофобии возлагается на институт образования. В учебные программы учреждений включены модули, освещающие мировые религиозные культуры и основы светской этики, также знакомят обучающихся с православной, исламской, буддийской и иудейской культурами. Институциональный ландшафт противодействия распространению различных форм ксенофобии должен дополняться просветительской деятельностью Русской Православной Церкви, Буддийской традиционной сангхи, Главного раввина и Совета муфтиев в России. Указанные организации удовлетворяют требованиям светского государства, в связи с чем, в своих основополагающих документах, касающихся разъяснений как богословско-философских, так и административных, и воспитательных, опираются на необходимость межконфессионального мира и диалога, запрета любых радикальных проявлений нетерпимости и пропаганды ксенофобии. Идеологически и религиозно влияя на значительное число граждан, в том числе молодежь, способствуют укреплению межнационального и межрелигиозного согласия. Для борьбы с ксенофобией и укрепления межнационального согласия существует множество общественных объединений.

Сама государственная институциональная система ориентирована на предупреждение более тяжелых последствий ксенофобских идей, не давая им прорасти в сознании отдельных групп. А основной акцент в борьбе с ксенофобией (в т.ч. антисемитизмом) на территории России необходим в отношении профилактических мероприятий с привлечением общественных институтов, религиозных конфессии и молодежных объединений.

События, которые получили широкий медийный отклик в информационном пространстве, преимущественно были связаны с социальными конфликтами и противоречиями, имевшими как прямую, так и косвенную религиозную подоплеку. Инциденты (среди которых противоправные действия и провокации, рейды правоохранительных органов в местах отправления религиозных культов в целях противодействия нелегальной миграции) с религиозными оттенками весьма часто находились в объективе федеральных, региональных СМИ и социальных медиа (прежде всего сети «Telegram») на протяжении всего рассматриваемого отрезка времени.

Вместе с тем религиозная тема была связана с миграционной повесткой, поскольку большинство информационных поводов, негативной коннотации, отсылало к действиям или последствиям деструктивных действий иностранных граждан, как правило, выходцев из Средней Азии.

Содержание потенциальных социально-политических рисков может скрываться в фактическом отсутствии четкого информационного баланса (т.е. пропорциональности объема, подаваемой СМИ и социальными медиа информации) при освещении резонансных событий, прямо или косвенно затрагивающих традиционные религии России. Ангажированность при «раскрутке» религиозных тем, когда предпочтение отдается конкретной религии, способно вызвать прежде двойственные и противоположенные чувства у граждан по отношению к общественно-политическим постулатам и принципам, которые декларируют равенство религий, а далее и вовсе вызвать открытый социальный протест или недовольство, связанное с умалением роли и положения исповедуемой ими религии.

Соответственно, для купирования потенциальных рисков наиболее целесообразным представляется соблюдение, особенно в СМИ, паритета в объеме подаваемой информации по резонансным событиям, связанным с традиционными религиями и конфессиями России. Это подчеркнет равное уважение ко всем традиционным религиям, не умаляя достоинства каждой из них. Некоторая доля информационных поводов, имевшая религиозный контекст, связана с пресечением пропаганды терроризма и религиозного экстремизма. Фиксируется концентрация информационного освещения борьбы России с международным терроризмом (прежде всего ИГИЛ – запрещенной в России) внутри страны, вопросы противодействия международному терроризму и радикальным религиозным течениям за рубежом (как превентивная мера), несколько смещены с фокуса. В то же время подобная практика способна

положительно скорректировать общий фон доверия и «защищенности» населения, особенно в текущих условиях.

С иной стороны, активизация террористического и экстремистского подполья на территории России с высокой долей вероятности имеет украинское происхождения, требующее изрядного усиления внимания на социальных медиа для установления и нейтрализации сетевых «каналов» дестабилизации обстановки внутри страны, а также вычленение фактов контактов украинских спецслужб с представителями «ИГИЛ» (запрещенной в России) и другими экстремистскими / террористическими организациями, в частности, крымскотатарского экстремизма, нуждаются в широкой информационной огласке.

Конфликтное форсирование темы рейдов по местам отправления религиозных обрядов мусульман в Московской области информационным ресурсом «Утро Дагестан», с учетом транслируемой радикальной риторики данного ресурса и связи с Украиной, может быть связано, в том числе, с посещением Президентом Российской Федерации Дагестана и, соответственно, попыткой «перебить» положительную информационную повестку, сформированную вокруг этого события и стимулированием ухода мусульман России в политическую оппозицию власти, не приемля формат участия/неучастия государства в религиозной сфере.

Дальнейшее обострение ситуации вокруг рейдов по местам отправления религиозных обрядов (культов) мусульман в Московской области может потенциально быть увязано и с началом прямого оппонирования («диалога») «Русской общины» и лидеров общественного мнения, исповедующих ислам, тем самым, трансформировав конфликт из административной сферы (проблемы организации противодействия и выявления нелегальной миграции) в этнорелигиозную общественную плоскость. Соответственно, важно не допустить публичного столкновения или противостояния между названными группами интересов.

Религиозная сфера нуждается в изрядном внимании со стороны федеральных органов власти, как и вопросы «религиозной безопасности», выходящие на передний план обеспечения национальной безопасности, поскольку важные социокультурные элементы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации существенным образом зависят от состояния религиозной сферы жизни общества. В условиях девальвации традиционных ценностей и размытия аутентичной культуры эта зависимость лишь увеличивается. Будущие конфликты разного рода и типа будут направлены на то, чтобы уничтожить без открытого боя противоборствующую сторону, но не столько физически, сколько духовно, ментально, ценностно, поэтому целесообразно сосредоточить внимание на точной правовой регламентации обеспечения религиозной безопасности в России.

Вместе с тем рост религиозного самосознания, порожденный как мировой волной процесса десекуляризации, так и крушением советской атеистической

идеологии и возрождением религиозных структур, привел к популяризации религии. Следует отметить, что религиозный компонент среди северокавказских народов в той или иной степени, особенно в сфере обрядности, присутствовал всегда. Помимо возрожденных форм религии, исповедуемой на конкретной территории на протяжении веков, специфичной и особой в каждой местности, т. е. традиционной, появились новые формы. Рост религиозного самосознания подкреплялся проповеднической деятельностью, пропагандой, СМИ и интернет-ресурсами. К проблеме вовлеченности молодежи в радикальные структуры обращаются исследователи многих стран мира. Здесь важны два фактора – привлекательность, активность проповедников и особенности этапа социализации – юношеский идеализм. Склонность молодежи к радикализации встречается повсеместно. В то же время радикализация мусульманской молодежи привлекает к себе внимание из-за фанатизма, экстремистской активности, вовлеченности в террористические структуры. Молодежь – основная аудитория для радикалов. Именно воздействие на молодежь – одна из основных целей радикальных проповедников. Молодое поколение всегда более радикально, восприимчиво и идеалистично, поэтому и больше всех подвержено воздействию и влиянию. В сложных социально-политических и экономических условиях, когда человеку трудно проявить себя по заслугам, когда все построено на связях (в России) и клановости (на Кавказе), молодежь понимает, что пробиться по карьерной лестнице им будет сложно. А здесь предлагают легкий эфемерный путь достижения рая, говорят о социальных и общественных проблемах, апеллируют к равенству.

Молодежная протестность и оппозиционность сложившемуся социальному порядку и социальным нормам широко была распространена и известна и в среде неформалов еще в советские годы, поэтому очень часто подобное психологическое состояние – молодежный радикализм.

Об угрозе исламского радикализма говорят много и часто и в мире, и в России, и особенно на Северном Кавказе. Основными жертвами роста радикализма и террористических актов, конечно же, являются сами жители Северного Кавказа, для которых проблема ликвидации экстремизма и терроризма является одним из основных ожиданий. Молодежная радикализация – это общая проблема, с которой приходится сталкиваться в процессе взросления. Существующая тонкая грань между быстро распространяющимися в Республике Дагестан салафизмом и радикализмом требует к себе пристального внимания и анализа¹³. Было бы неверным полагать, что все сторонники нетрадиционного ислама радикальны и опасны, однако сохранение традиционного ислама признанный учеными многих стран путь к миру и стабильности. Экстремисты остерегаются авторитетных деятелей «традиционного» ислама. База для противодействия и профилактики экстремизма и радикализма в обществе развита слабая, поэтому необходимо усилить пропаганду нравственных и

¹³ Сиражудинова С.В. К проблеме радикализации молодежи в Республике Дагестан // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 20. С. 26–33.

моральных ценностей традиционного ислама, но прежде, представляется важным, разработка общей богословской программы и стратегии, а также способствовать образовательному, интеллектуальному, культурному и нравственному воспитанию современной молодежи в Дагестане.

В октябре 2024 года Министерство образования и молодежной политики Владимирской области [ввело запрет](#) на ношение в школах предметов одежды, демонстрирующих религиозную принадлежность, включая хиджабы и никабы. Власти региона объяснили свое решение обращениями родителей учащихся, которые выражали обеспокоенность возможными конфликтами между детьми на религиозной почве. Целью запрета является обеспечение светского характера образовательных учреждений, а также предотвращение межконфессиональных разногласий среди школьников. Типовые требования к одежде были [приняты](#) в регионе в 2017 г. В них указано, что внешний вид и одежда учащихся должны соответствовать общепринятым в обществе нормам делового стиля и носить светский характер.

Данное решение региональных властей вызвало широкий общественный резонанс.

Протест новым требованиям [выразил](#) президент Национальной ассоциации юристов Р. Нагиев, активно защищающий право на ношение мусульманской одежды, обратив внимание на то, что под сканом документа, выложенного в сети «Интернет», «нет даже подписи ответственного лица». «Общественник» Б. Чанкалаев [возмутился](#) запретом религиозной одежды в школах Владимирской области, отметив, что это грубейшее нарушение прав верующих, и запрещать религиозную одежду нельзя нигде.

Муфтий Чечни С. Межиев [назвал](#) запрет ношения религиозной одежды нарушением норм Основного закона России, подчеркнув, что он ограничивает свободу вероисповедания. Депутаты Госдумы России от Чеченской Республики, включая А. Делимханова, [обсудили](#) ситуацию с представителями Владимирской области – депутатами от субъекта (И. Игошин), однако власти региона заявили, что не намерены отменять введенный запрет. По словам А. Делимханова, в результате встречи принято решение «совместными усилиями добиться отмены провокационного приказа», также добавив: *«Если кому-то во Владимирской области непонятны эти простые истины, то мы доходчиво объясним, что такое религиозные традиции и почему их нельзя бесцеремонно запрещать!»*. Пресс-секретарь Президента России Д. Песков отметил, что каждый регион реализует свои полномочия самостоятельно, и Кремль не принимает участия в данной дискуссии. 30 октября 2024 г. депутат Госдумы России, член Комитета по безопасности Б. Хамзаев на одном из мероприятий [назвал](#) власти Владимирской области, которые запретили ношение в школах хиджабов и никабов, «идиотами». Он счел решение особенно неуместным на фоне саммита БРИКС в Казани, где Президент России «собрал огромное количество лидеров иностранных государств», а «в регионах решили, значит, показать противодействие этой большой, важной, нужной политике».

Различные социальные конфликты, порожденные как ношением никаба, так и острыми дискуссиями вокруг его полного запрета, прямо свидетельствуют и отражают тлеющее в российском обществе напряжение, в ряде случаев – открытое неприятие фактов ношения никаба в общественных местах.

Никаб – традиционный исламский женский головной убор с узкой прорезью для глаз, закрывающий всю остальную часть лица (в переводе с арабского языка означает «маска»). По некоторым историческим свидетельствам, в доисламское период данный вид головного убора использовался в качестве защиты от песка, пыли и солнечного света, а позднее – и от взглядов посторонних мужчин. Никаб считается разновидностью хиджаба, но именно никаб, особенно черный, является неким «индикатором» радикальных течений ислама либо «средством» идентификации радикализованных представителей северокавказской уммы. Так, никаб в СМИ зачастую представляется в качестве визуального признака принадлежности человека к радикальным или экстремистским организациям религиозного толка. Вместе с тем понятие «никаб» является частью более широкого понятия «хиджаб», которое значит «скромную одежду», если буквально в переводе с арабского – «преграду» («завесу»). Ношение хиджаба имеет предписание шариатом, соответственно, является обязательным к исполнению для мусульман (в данном конкретном случае – для мусульманок).

Большинство исламских богословов утверждают, что вполне достаточно соблюдать ношение хиджаба, свидетельствующий о скромности и религиозности женщины. Единственным направлением ислама, где предписывается обязательное использование никаба женщиной, является ханбалитский мазхаб (одно из четырех канонических направлений в ортодоксальном исламе суннитского толка, отличающееся своей консервативностью, принимающее эпизодически радикальные формы, характеризующееся наименьшим количеством приверженцев в сравнении с другими течениями).

Вопрос о ношении никаба неоднозначен. Базовая причина дифференциации подходов (позиций относительно ношения, т.е. «за или против») – отсутствие в религиозных источниках однозначности по этому вопросу, т.е. обязательности либо необходимости ношения никаба. Еще в 2020 г. [некоторые представители мусульманского духовенства в России](#) высказывались о том, что обязательность для женщины закрывать свое лицо не имеет никакого предписания в исламе. В июне 2024 г. глава СК России А. Бастрыкин, выступая на Международном молодежном юридическом форуме в г. Санкт-Петербурге, поддержал идею запрета ношения никаба в России.

В России среди мусульманских женщин редко можно увидеть ношение никаба. Большинство из них предпочитают носить хиджаб, поскольку никаб не является традиционной одеждой для народов России, [которые традиционно исповедуют ислам](#): «для мусульман России, в частности, для народов Северного Кавказа, никаб не характерен и не является частью их традиций». Председатель КЦМСК, муфтий И. Бердиев по этому поводу [отмечает](#), что на Кавказе нет

традиции ношения никаба. Мусульманкам нужно покрывать голову, так как это религиозный закон, однако полностью закрывать лицо не стоит. На то, что никаб не является атрибутом традиционной одежды для российских мусульман и предоставляет возможность применения данного головного убора террористами для сокрытия собственной личности, поскольку позволяет полностью закрыть лицо и затруднить идентификацию, [указывает ведущий научный сотрудник](#) Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук Б. Долгов.

Чрезмерно большое внимание к обсуждению запрета ношения никаба в России во многом связано с социально-психологическими аспектами последствий ряда событий – теракта в «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г., захвате заложников в СИЗО в Ростове-на-Дону осужденными религиозными террористами 16 июня 2024 г., серии террористических актов в Дагестане (г. Махачкале и г. Дербенте) 23 июня 2024 г., а также высоким ростом религиозного экстремизма среди уроженцев Северного Кавказа и мигрантов из Средней Азии, ростом преступности среди мигрантов.

Именно в условиях терминологической неопределенности, связанной с некорректным отождествлением никаба и хиджаба, а также негативного общественно-политического дискурса вокруг данной проблематики имеются существенные риски, связанные с возможным нормативным ограничением ношения в общественных местах не только никаба, но и хиджаба, являющегося традиционным мусульманским атрибутом одежды для части россиян, исповедующих ислам, что, в свою очередь, с высокой долей вероятности вызовет социальные трения и противоречия на религиозной почве. Вместе с тем в случае, если даже запрет будет предусмотрен только в отношении никаба, есть вероятность возникновения трудностей в правоприменительной практике, связанной с толкованием разницы между никабом и хиджабом, в т.ч. принципиальных различиях между двумя элементами одежды для массовой аудитории.

При введении ограничения на ношения никаба в общественных местах как «явления», содержащего очевидные угрозы для общественной безопасности и порядка, и параллельном усилении межрелигиозных трений либо деструктивных процессов с определенной религиозной подоплекой (проявления религиозного экстремизма, формирование этнорелигиозных анклавов, преступления на почве религиозной неприязни) возможно сосредоточение значительного негативного социального ресурса и, таким образом, неприязни на лицах, традиционно использующих хиджаб. Иными словами, если в текущий момент времени негативный дискурс в большей мере заострен на проблеме никаба, закрывающего большую часть лица, то с его запретом есть риск смещения социального недовольства к уже традиционному религиозному атрибуту российских мусульман – хиджабу, поскольку он, в настоящее время, не в полной мере интегрирован в комплекс традиционной российской культуры и ценностей большинства россиян. Поскольку говорить о

массовом «принятии» ношения хиджаба в качестве нормы или естества для современного российского общества, не просто через призму формирования толерантной среды, а как полноценного элемента цивилизационного наследия народов России, весьма, преждевременно. Активное распространение практики ношения хиджаба способно вызвать резонирующий эффект. Так, названное обстоятельство может стать предметом острых спекуляций и провокаций со стороны деструктивных сил (как с внешнего, так и внутреннего социального контура – «ультраправого» политического спектра) в интересах дестабилизации согласия и мира между представителями различных традиционных для России религий и конфессий, придав межнациональным и межрелигиозным отношениям конфликтный (бескомпромиссный) характер, поляризующий российский социум по социально-культурным и религиозным идентификациям.

Дальнейшее введение запрета может привести к напряженности в межконфессиональных и межрелигиозных отношениях и вызвать дискуссии о границах светскости образовательных учреждений и свободе вероисповедания. Важно отметить, что Владимирская область стала первым регионом России, принявшим подобные меры, что может послужить прецедентом для других субъектов Федерации.

Фактор подростковой и молодежной среды

Конфликты в молодежной и подростковой среде, имеющие призму межнациональной или межрелигиозной конфронтации, способны стать катализатором крупных медийных провокаций со стороны «внешних сил». Т.е. правовое и общественное реагирование на конфликты, инициаторами которых являются дети мигрантов либо уроженцев ближнего зарубежья, могут быть «тиражированы» в социальных медиа в качестве ущемления и преследования по национальному или религиозному признаку, а также как пренебрежение принципами культурного плюрализма. Таким образом, представляется целесообразным, в «системных» (прямо аффилированных либо косвенно с властью) ресурсах социальных медиа и официальных СМИ фокусировать внимание на конкретных противоправных или преступных действий, не увязывая эти действия с этнической принадлежностью.

Для повышения уровня культуры безопасности, профилактики деструктивного и противоправного поведения, предупреждения распространения криминальной субкультуры в молодежной среде требуется реализация комплекса мер и мероприятий по созданию дополнительных условий социализации, психологической адаптации и интеграции в российское общество несовершеннолетних иностранных граждан через обеспечение психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социокультурной адаптации, создание системы оценки уровня владения русским языком и общественными нормами (культурой, традициями и нормами поведения в российском общества), как в системе начального, так среднего и высшего образования.

Возможно, наиболее релевантным механизмом решения проблем в межнациональной и межрелигиозной сфере среди молодежи, способным выступить в качестве фундамента практических способов «воздействия» на очаги конфронтации – является включение отдельных положений в Стратегию государственной национальной политики по организации профилактической деятельности органов государственной власти с целью предупреждения возникновения рисков совершения противоправных деяний несовершеннолетних иностранных граждан, так и в отношении них с учетом этнического и конфессионально-религиозного фактора.

Вместе с тем, комплексный мониторинг и анализ популярных среди молодежи информационных ресурсов в социальных медиа позволит выявлять зачатки потенциальных конфликтов межнационального и межрелигиозного плана в подростковом сегменте, а также оперативно реагировать на возникающие эксцессы, подключая к этому процессу как институты гражданского общества, так и диаспоры.

Фактор новых территорий

Высокое конфликтное измерение в анализируемом периоде приобрело событие, произошедшее [в эфире стриминговой программы «Народный фронт»](#) (студийная запись от 21 мая 2024 г.) на котором российский военный эксперт и активный участник патриотических телепередач А. Артамонов высказал следующее «Я не очень высокого мнения об украинцах. Я не вижу, чтобы они восставали... Я буду настаивать на том, что украинцы – люди второго сорта».

Очевидно, высказывания А. Артамонова будут разобраны на цитаты и еще не раз будут использованы пропагандой киевского режима для контраргументации и спекуляции, а также манипулировании коллективным сознанием жителей Украины в целях поддержания крайне негативного образа России и россиян в их восприятии.

Следует отметить, данное событие иллюстрирует существенные проблемы институционализации украинской идентичности в российском общественно-политическом пространстве в условиях проведения СВО.

Результаты исследования состояния межэтнических отношений позволяли (в период июль-август 2023 г.) фиксировать отсутствие четкого позиционирования украиноязычного населения Российской Федерации в российском социально-политическом дискурсе (прежде всего в Запорожской и Херсонской областях). Об этом, в том числе, свидетельствует низкая частота информационного освещения в СМИ социального положения украиноязычного населения в новых субъектах, уровень сохранности этнокультурной самобытности, идентичности и языка.

Вопросы позиционирования коррелируют с пределами и возможностями отождествления украиноязычного населения (лица, которые самоопределяются либо самоотождествляют себя украинцами) новых субъектов Российской Федерации в российском медиапространстве как неотъемлемой части

многонационального народа России. В зависимости от выбранной траектории позиционирование этого населения в российских СМИ, социальных медиа, и обществе в целом, уукраиноязычного населения новых субъектов Российской Федерации появятся социально-политические «стимулы» как для реконструкции модели национальной идентичности советского образца либо укрепления прежней этнонациональной идентичности (постсоветского образца). В первом случае, наиболее оптимальном, это может быть выражено в сохранении этнорегиональной специфики, но в прямой связи с русской цивилизационной идентичностью (или же – «Русским миром»). Во втором случае, который наименее благоприятный, – с укреплением постсоветской модели украинской идентичности, в большей мере, увязанной не столько с этническим или языковым фактором, сколько с гражданско-политическим самоопределением, т.е. украинцев – как политической нации.

К явным и существенным рискам, которые связаны с отсрочкой четкого позиционирования уукраиноязычного населения новых субъектов Российской Федерации в российском социально-политическом дискурсе в качестве важного (либо даже системообразующего, особенно в новых военно-политических условиях) элемента российской нации, могут быть отнесены такие проблемы как: недоверие к институтам власти; развитие устремлений к ирредентизму; низкий уровень либо и вовсе отсутствие политической лояльности; проблемы легитимизации власти в преддверии единого дня голосования; развитие украинского экстремизма по национально-идеологическим мотивам на территории новых субъектов Российской Федерации.

При реализации подпункта «а» пункта 1 Перечня поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, утвержденного Президентом Российской Федерации 16 июля 2023 г. № Пр–1408 предусмотреть разработку системы мер по этнокультурной интеграции уукраиноязычного населения Российской Федерации в российское общенациональное (культурно-идеологическое) пространство на основе консоциального метода¹⁴, который может быть выражен в следующих вариациях:

1) активная пропаганда этнокультурной общности, близости, родства, одна «укрупненная» национально-цивилизационная идентичность, которая укладывается в формула – «русские и украинцы – один народ, одна культура, одна история, одно будущее».

2) позиционирование культурной близости, сплоченности на основе единого цивилизационного кода (цивилизационной идентичности) – традиционные ценности, религия, коллективизм, которая укладывается в формулу – «разные, но близкие народы с общей историей, культурой и будущим».

¹⁴ *Примечание.* Консоциальный подход констатирует первоочередность этнического плюрализма в общественно-политическом устройстве, указывая на многозначимость этнической идентичности и необходимость ее сохранения. Цель консоциации – гарантия прав и свобод, сохранение этнокультурного многообразия, поддержание стимулирующей среды для создания общественно-политических институтов, позволяющих сосуществовать этническим сообществам в условиях равенства и политического плюрализма.

Внешнее деструктивное влияние

В условиях мониторинга и наблюдения за состоянием межнациональных и межрелигиозных отношений в России фиксируется высокая частота попыток деструктивных сил и различных зарубежных структур через аффилированные средства массовой коммуникации (а именно: зарубежные СМИ, в т.ч. и те, что функционируют на территории России и находятся под иностранной протекцией и влиянием, т.е. иностранные агенты; ресурсы – каналы в кроссплатформенном мессенджере «Telegram» и т.д.) дестабилизировать социально-политическую обстановку в России путем фрагментации российского социума по этническим, религиозно-конфессиональным и в целом социальным признакам в конфликтном измерении. Киевским режимом и их западноевропейскими партнерами часто инициируются действия (ввод в циркулирующие потоки информации ложных, недостоверных и порочащих сведений) в информационном поле, направленные на формирование негативных образов, стереотипов и стигм в отношении тех или иных народов России, создание общего фона «тотального» недоверия друг к другу. Так, например, систематической информационной атаке подвергаются уроженцы Чечни: украинский ЦИПсО отслеживает информационные поводы с участием чеченцев как в зоне проведения СВО, так и в других прилегающих российских территориях и прилагают особые усилия для непропорционально высокого критического информационного сопровождения происшествий с их участием, где цель – формирование к ним у остальной части россиян предвзятого отношения и неприязни.

Если ранее уместно было говорить о некой предсказуемости, очевидности и тривиальности установок деструктивных сил в отношении тем, по которым инспирировалось информационная «атака» или «раскачка», то в текущий момент времени, объектами и предметами информационно-психологических операций, инспирируемых киевским режимом, становятся совершенно незаурядные вопросы, ориентированные не только на внутреннюю российскую аудиторию, но и жителей новых регионов России, в первую очередь – украиноязычное население или тех, кто идентифицирует себя с украинцами. Наглядным примером является экстраполяция миграционной проблематики, «свойственной» для крупных мегаполисов России, на Донбасс. Основной пропагандистский нарратив, который киевский режим пытается отразить в массовом сознании жителей новых регионов: «Не хотим, как в России!», отсылающий к известным фактам преступлений и конфликтов, связанных с мигрантами.

Представляется, что основная цель «внешних сил» за последние месяцы не претерпела существенной корректировки и по-прежнему состоит в попытке рекогносцировки уязвимых и социально «взрывоопасных» тем, сопряженных с высокими рисками и угрозами развития внутренних социально-политических конфликтов, используя совершенно различный инструментарий: методы и способы воздействия. Очевидно, стратегически важной задачей для киевского режима и курирующего его пула западноевропейских государств является усиленное «переключение» внимания российской общественности на

проблемы внутри страны, как можно сильнее воспрепятствовав национально-гражданской консолидации россиян вокруг безальтернативности достижения целей СВО. На этом пути предпринимаются всесторонние способы поляризации многонационального российского общества по различным социально-культурным индикаторам в попытки разрыхлить единый общегражданский организм – формирующуюся российскую общегражданскую идентичность.

Весьма симптоматично проявляются очертания негативных тенденций и закономерностей, связанных с межнациональной и межрелигиозной сферой, где значительная доля очагов и точек социального напряжения в искомых сферах в Российской Федерации имеет характер «внешнего деструктивного стимулирования» (воздействия), т.е. оказание влияния на эскалацию конфликтов и противоречий в России извне.

С одной стороны, поляризация мирового сообщества и формирование новых центров силы как результат несостоятельности и краха однополярной модели миропорядка (в т.ч. переосмысление роли и значения национального суверенитета современных государств), «выдавливает» на авансцену социально-политических изменений как этническую, так и религиозную идентичности, «рефлексирующих» в отношении интенсификации глобализации, создающей реальные угрозы их существованию. Негативные последствия глобализационных процессов выражается в попытках унификации и стандартизации параметров жизнедеятельности традиционных обществ, размытии локальных и/или региональных этнокультурных особенностей (ценностей, традиций и обычаев), девальвации «культурного» и «цивилизационного» суверенитета этнических общностей, наций или государств, декларирующих приоритетность поддержания традиционных духовно-нравственных ценностей. Под знаменами глобализации, таким образом, протекает крайне агрессивная культурная экспансия «западных» (неолиберальных) ценностей и убеждений.

С другой стороны, в сложившейся международно-политической ситуации и военно-политической обстановке систематически фиксируются явные угрозы межнациональной и межрелигиозной сфере в связи с попытками искусственной «раскачки» извне. Разобщение по социальным основаниям и идентификациям становится ключевой задачей, а объектом спланированных деструктивных акций и атак является концепт общероссийской (гражданской) идентичности. Следует заметить, что, если идейная основа российской общегражданской нации подразумевает надэтническую и внеконфессиональную общность, то в известных западных квазиглобализационных проектах, как правило, господствуют сколько ни интеграционные или консолидационные, а, напротив, лишь обособляющие сегрегационные принципы, в основе которых этнокультурные, конфессиональные, расовые и другие сопряженные основания. Цель воздействия на российскую общенациональную идентичность – разобщение и атомизация, поскольку именно ресурсно-идеологический потенциал сплачивающей российской идентичности способен выступать инструментом (в т.ч. механизмом) примирения в социальных противоречиях, выступать фактором консолидации российского социального

организма – всех россиян, независимо от этнической, расовой, религиозной и другой принадлежности и/или идентификации.

Большие усилия «внешних деструктивных сил» связаны с умышленным искажением и откровенной фальсификацией исторических нарративов – фактов, событий, исходов военных конфликтов и войн, памятных дат воинской славы русской (российской) армии, а также со всесторонней поддержкой региональной этнократии, сепаратизма и этноцентризма, базирующегося на сентенциях прошлого. Не менее серьезное, «подрывное» направление связано со спекуляцией социально-экономических показателей в призме национального либо религиозного вопроса.

Таким образом, сегодня, в условиях, когда российское общество и государство проявляют «крепкий иммунитет»¹⁵ к западной культурной экспансии, закрепляя приверженность традиционной системе ценностей и идеалов, объединяющей народы России на основе общности исповедуемых убеждений, общей культурно-цивилизационной матрицы, внимание внешних деструктивных сил смещается в сторону инспирирования тотального разобщения российского общества по социальным признакам, наиболее сильно подверженным манипуляции, в надежде разрыва (создание социальной дистанции) между народами России, усиливая эффект политизации этничности, выводя данный феномен в орбиту и основу причин социально-политического протеста или конфликта.

Цель «внешних сил» состоит в попытке рекогносцировки уязвимых и социально «взрывоопасных» тем, сопряженных с угрозами развития внутренних социальных и политических конфликтов. Для решения названной цели внешними силами активно используются различные технологии, методы и способы воздействия, ориентированные в большей мере на:

1) фокусирование внимания российского общества на протекающих внутри государства процессах (событиях), имеющих негативную коннотацию и способных дестабилизировать политическую обстановку протестными настроениями до и после выборов Президента России, пытаясь поляризовать многонациональное российское общество по совершенно разным социально-культурным индикаторам (а именно, этнической или религиозной принадлежности, социальном статусе, территориальной идентификации и т.д.), раскалывая единый общегражданский организм – российскую общегражданскую идентичность;

¹⁵ Справочно. Об этом (приверженности традиционным ценностям) свидетельствуют:

положения системообразующих нормативных правовых актов, документов стратегического планирования: Конституции Российской Федерации, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

результаты социологического исследования, согласно которому большинство россиян считает важным для России сохранить традиционные, моральные, национальные и религиозные ценности (81%) (Традиционные ценности, современные цели / результаты опроса россиян о жизненных целях и ориентирах, проведенного ВЦИОМ) [Электронный ресурс] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=lpzf8d1wdk164952294> (дата обращения: 03.12.2023).

2) интенсификацию сепаратизма со всеми возможными и вытекающими формами этнического экстремизма, национализма, религиозного радикализма, преимущественно на территории Северного Кавказа и Приволжья, а также среди представителей российских народов, проживающих в Прибалтике, Западной Европе, Турции и США;

3) усиленное препятствие успешному выполнению российским военным контингентом цели и задач специальной военной операции путем организации подрывной информационно-пропагандистской деятельности в соцмедиа, в т.ч. по разобщению участников операции по этническому и религиозному признаку, стимулирование алармистских настроений, в целом создания препятствий для обеспечения информационно-психологической безопасности разных категорий российских граждан;

4) негативную спекуляцию проблемами российской миграционной повестки в информационно-медийном пространстве для создания подходящих условий девальвации доверия между различными социальными категориями жителей России, ухудшения сформировавшегося социального климата в российском обществе, развития бытовой ксенофобии, «мигрантофобии» и др.

5) оказание воздействия на культурный суверенитет России, создание реальных рисков и угроз сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей, скрепляющих действующий межнациональный мир и межрелигиозное (межконфессиональное) согласие.

2 сентября 2024 г. СМИ [обратили](#) внимание на публикацию в [газете «Молодежь Дагестана»](#)¹⁶ от 25 августа с.г. со следующим наименованием *«Почему чеченский «Ахмат» бросил срочников на произвол судьбы? И кем будем затыкать дыры в обороне?»*. В статье, которая вскоре была удалена с сайта, по сути, представлены дезинформирующие и недостоверные сведения, активно распространявшиеся через соцмедиа и СМИ, аффилированные с ЦИПСО МО Украины, после вторжения ВСУ на территорию Курской области. По мнению автора статьи, бойцы «Ахмата», якобы, *«могли намеренно пропустить ВСУ через границу в Курской области, чтобы не нести потерь»*, тогда как российские солдаты-срочники фактически были *«брошены ахматовцами»*, а жители Курской области, также вместо того, чтобы защищать свою родную землю, *«десятками тысяч бежали с нее, не дожидаясь прихода ВСУ»*.

Следует отметить, что в подобного рода акциях и действиях со стороны ЦИПСО усматриваются конкретные задачи, направленные на усилия по дестабилизации социально-политической обстановки в Кавказском регионе, формирование оптимальных условий для протестных движений и настроений, разногласий среди местного населения.

¹⁶ Сайт «Молодежь Дагестана» (md-gazeta.ru), зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ № ФС77-65076 от 18 марта 2016 года. Учредитель: ГАУ РД «Редакция республиканской газеты «Молодежь Дагестана». Главный редактор: Раджабов Рамазан Абакарович, адрес редакции: 367018, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр. Петра Первого, д. 61.

Страница в «Telegram»: <https://t.me/s/molodejka05>

Операции ЦИПСО нацелены на мобилизацию мусульманской молодежи, активно использующей социальные сети и медиа. Главная цель заключалась в создании атмосферы недовольства и недоверия к центральной власти России, используя нарративы о притеснениях и угрозах, связанных с мобилизацией, участием в СВО и репрессиями против политически активных слоев населения.

Примечательно, что такие операции, как «Тамерлан» и «Ласковый марбас», направлялись на манипуляцию общественным сознанием и мнением российской мусульманской молодежи через социальные сети и ресурсы телеграм-каналов. А среди ключевых тем был страх перед ростом уголовных преследований мусульман под видом антитеррористических мер и давления на активистов. Эти акции также акцентировали внимание на мобилизации в России, стремясь вызвать недовольство среди молодежи, которая чувствительна к вопросам военной службы. Соответственно, ЦИПСО использует внутренние социальные и религиозные противоречия для усиления протестных настроений, особенно среди молодежи в регионах с высоким уровнем религиозной активности, таких как Дагестан.

Таким образом, следует предположить, что причины «внимания» ЦИПСО к Дагестану объясняются рядом ключевых факторов, связанных с уникальным социально-политическим и религиозным ландшафтом в этом регионе, а именно:

1) *Высокий уровень социального недовольства.* Республика Дагестан отличается исторически сложной политической ситуацией, которая делает его весьма уязвимым к внешнему влиянию (например, события в октябре 2023 г. в аэропорту Махачкалы). Регион неоднократно сталкивался с протестами против действий федеральной власти, особенно на фоне мобилизации в 2022 г. Часть жителей республики, особенно молодежь, выражают крайнее недовольство экономическими и социальными условиями, что делает их восприимчивыми к пропагандистским нарративам, которые впоследствии вытекают к действиям экстремистской направленности.

2) *Религиозный фактор.* Дагестан является регионом с преобладанием мусульманского населения. ЦИПСО стремится использовать религиозные и культурные различия для усиления напряженности, распространяя нарративы о притеснении мусульман и потенциальных репрессиях со стороны российских властей под предлогом борьбы с терроризмом и экстремизмом.

3) *Антимобилизационные и антисемитские протесты.* Так, в 2022 г. в Дагестане вспыхнули массовые протесты против мобилизации, а в 2023 г. – антисемитские беспорядки и акции, что сделало регион особенно уязвимым к информационно-психологическим операциям и внешнему деструктивному воздействию. Пропаганда направлялась общую дестабилизацию обстановки и подрыв доверия к федеральной власти.

4) *Активное использование социальных сетей и медиа.* Молодежь Дагестана активно использует социальные сети и медиа, что делает ее основной целью для информационных атак. ЦИПСО активно использует платформы для распространения антироссийских, провокационных и экстремистских материалов,

направленных на раскачку межнациональной и межрелигиозной обстановки в регионе, подрыв согласия и мира между народами России, особенно в условиях проведения СВО.

Названные факторы делают Дагестан «стратегически важным объектом» информационно-психологических атак и операций, направленных на эскалацию политических и социальных конфликтов в регионе и России в целом.

Следует отметить, что противодействие акциям ЦИПСО на Северном Кавказе требует комплексного подхода, учитывающего особенности региона, включая его многонациональный и религиозный состав. Основные меры могут включать:

- *информационную работу и разъяснительные кампании*, когда важная часть противодействия – это активное информирование местного населения о целях, методах и средствах деструктивной работы ЦИПСО, где федеральные и региональные органы власти и СМИ разного уровня систематически проводят информационные кампании, объясняющие, как распознавать недостоверные новости и дезинформацию, что в целом помогает снизить уязвимость населения к манипуляциям и информационным провокациям;

- *работа с молодежью*, поскольку молодежь Кавказа, особенно активные пользователи соцсетей, является одной из главных целей информационных операций, поэтому для противодействия этому требуется запуск программ по вовлечению молодежи в социально значимые проекты (связанные с общностью историко-культурного наследия россиян – победа в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. и др.), развитие молодежных организаций, которые помогают укреплять связь между обществом и государством, а также по укреплению патриотизма среди молодежи, единства народов России и популяризацию позитивного имиджа России;

- *контроль за распространением информации*, поскольку в условиях усиленного информационного воздействия со стороны коллективного Запада и Украины, в лице их спецслужб, важно усилить мониторинг и контроль за информационным пространством, что включает блокировку телеграм-каналов и других источников, которые распространяют недостоверную информацию, нацеленную на дестабилизацию региона и дискредитацию российских властей;

- *взаимодействие с религиозными лидерами*, поскольку на Северном Кавказе религиозные лидеры играют важную роль в обществе, и их влияние может быть использовано для нейтрализации экстремистских и негативных нарративов, а имамы и другие лидеры мусульманских сообществ должны систематически проводить разъяснительные беседы с населением (особенно молодежью), подчеркивая важность национального единства и стабильности;

- *развитие социальных и экономических программ*, поскольку социальное недовольство, которое является основной мишенью для ЦИПСО, часто связано с реальными проблемами – безработица или недостаток возможностей для самореализации молодежи, поэтому составной частью противодействия является развитие социально-экономических программ, которые устраняют причины

недовольства и уменьшают восприимчивость населения к деструктивной информации.

Таким образом, представляется, что вышеназванные меры в сочетании с усилением правоохранительных действий и развитием цифровой грамотности населения помогут существенно ослабить деструктивное влияние как ЦИПСО, так и других агрессивно настроенных против России и ее населения внешних сил.

Деструктивная роль киевского режима и его партнеров видна в формировании негативного образа, стереотипов и стигм в отношении народов России, принимающих активное участие в СВО (информационное сопровождение [событий в г.Валуйки](#), учиненных чеченцами в конце июля 2024 г.; [инцидент с военнослужащим](#), обвинившем подразделение «Ахмат» в «укрывательстве за спинами» призывников во время прорыва ВСУ в Курской области, а позднее его публичное извинения за сказанное; [высказывание А.Алаудинова](#) о призывниках обязанных исполнять воинский долг на территории Курской области, участвуя в боевых действиях; [распространение кадров ограбления](#) салона сотовой связи в г.Глушково Курской области людьми в военной форме якобы «чеченцами»; широкий общественный резонанс вокруг [стычки чеченцев и бойцов подразделения «Эспаньола»](#) в районе Углегорска 3 сентября 2024 г.).

Спекуляция информацией и сведениями, специфический ракурс и форма их подачи, предвзятое информационное сопровождение разнообразных резонансных, а в большей мере негативных событий, имевших прямое или косвенное отношение к российскому социуму или власти в условиях проведения специальной военной операции, в сумме стали центральными инструментами ведения гибридной войны киевского режима и его партнеров против России.

Внешнее негативное воздействие на российскую аудиторию через источники в сети «Интернет» по результатам мониторингов на начало 2023 г. [возросли в 15 раз](#) по сравнению с теми показателями, что фиксировались в периоды до начала специальной военной операции. Результаты анализа состояния межэтнических и межрелигиозных отношений в I–III кварталах 2024 г. на основе их систематического мониторинга по открытым источникам информации демонстрируют неуклонный рост фактов и попыток деструктивного воздействия на Россию и ее общество в информационном пространстве по различным, но жизненно важным основаниям, а в авангарде предметных разработок информационно-психологических операций против России находятся вопросы дестабилизации обстановки по разнообразным социальным основаниям, таким как этнические и религиозные различия.

В настоящее время западными СМИ и латентными ресурсами в социальных медиа прикладываются значительные усилия по искажению обстоятельств тех или иных событий (имеющих формы разнообразных форм конфликтов, распрей, разногласий, противоречий, споров, «острых» инцидентов и т.д.), преднамеренной подмене либо фальсификации фактов (т.е. попытка подмены сути и содержания), созданию новой «реальности», конструирование которой обычно детерминировано мифологизацией, формированием образа «внутреннего врага» и виктимизацией (в т.ч. этнической). Ключевой задачей ведущейся против России гибридной войны, в

которой к основным «вооружениям» отнесены СМИ, социальные медиа и иные средства массовой коммуникации, является целенаправленное и систематическое нанесение ущерба России через манипулятивное воздействие медиа на массовое сознание (в т.ч. политическое, гражданское, этническое и религиозное), создание фиктивных этно- и религиозных идеологических конструкторов, опирающихся на стереотипы, стигмы и мифы, деформирующие систему ценностей и картину мира у индивидов в интересах манипулятора и формирование поведенческих паттернов.

Содержание, форма и ракурс информации, передаваемой деструктивными СМИ и, как правило, зарубежными инфорресурсами (прежде всего СМИ-иноагенты и аффилированные ресурсы на платформе «Telegram») по актуальной российской социально-политической повестке оказывает негативное влияние на морально-психологическое состояние российского социума и на его отношение к конъюнктуре и текущим процессам, что содержит значительные риски и угрозы мобилизации на конкретные (в т.ч. противозаконные) действия недовольной категории населения.

Вместе с тем преднамеренное искажение и фальсификация фактов, ввод в информационные потоки недостоверного контента приводят к проблемам их своевременной и оперативной верификации, проверки подлинности. Названные обстоятельства, в контексте анализируемых резонансных событий (деструктивной роли киевского режима и его партнеров в формировании негативного образа, стереотипов и стигм в отношении народов России, принимающих активное участие в СВО) очевидно способны влиять на содержание общественного мнения, вводить в заблуждение и создавать предпосылки к формированию устойчивого негативного отношения к происходящим событиям и к отдельным категориям российских граждан на основе их этнической и/или религиозной принадлежности, например как с избыточным фокусом внимания СМИ к инцидентам с участием чеченцев (особенно – бойцов чеченского подразделения «Ахмат»).

В настоящее время представляется, что стратегия противодействия России в информационной сфере базируется на «разработке» двух ключевых треков:

1) внешний – влияние на международную репутацию России и россиян, что проявляется следующим образом:

- подрыв российского имиджа на международной арене путем проведения кампаний, направленных на дискредитацию российской внешней политики и дипломатических действий, открытая критика и враждебные действия против России в связи с проведением ею специальной военной операции, а также оказание санкционных давлений и освещение «нарушений» международного права (например, высокая частота медийного освещения действий России в международных конфликтах и санкциях, наложенных на страну);

- стимулирование антироссийских настроений у международного сообщества через конкретные шаги по формированию негативного общественного мнения о России в зарубежных странах, т.е. культивированию русофобии – предвзятого, враждебного, подозрительного, неприязненного отношения к русскому народу, России, русскому языку, российской политике (например, активная пропаганда антироссийских нарративов);

– ведение информационных кампаний, направленных на всестороннее ослабление дипломатических и торговых связей России с другими странами путем распространение недостоверной информации или преувеличенных сведений о российских действиях за границей;

– заострение внимания международного сообщества на международных скандалах и спорах, в которых участвует Россия, для усиленного подрыва ее позиций на международной политической арене;

2) внутренний – дестабилизация ситуации в России по внутренней социально-политической повестке:

– поддержка оппозиционных движений через содействие и поддержку внутренним оппозиционным политическим силам и протестным движениям, что может включать финансирование, организацию акций и информационные кампании, что создает риски возникновения условий для социальных волнений и политических кризисов;

– распространение негативной информации через пропаганду, освещение и преувеличение социальных, миграционных, экономических, политических и иных проблем в России с акцентом на коррупцию, нарушения прав человека, высокую преступность и социальное неравенство;

– участие в эскалации и/или «раскачка» этнических, религиозных и других социальных конфликтов внутри страны, используя сообщения о межэтнических и межрелигиозных противоречиях, и инцидентах, потенциально способных в разы усилить внутренние разногласия;

– фальсификация и манипуляция фактами через их подмену, искажение информации и распространение дезинформации для формирования ложного представления о внутренней ситуации в России.

Так, в условиях проведения специальной военной операции представители чеченского подразделения «Ахмат» и в целом уроженцы Чечни систематически попадают в оперативную разработку в рамках информационно-психологических операций зарубежных структур. Избыточное внимание к конфликтам с участием чеченцев и бойцов подразделения «Ахмат» может иметь несколько стимулов и последствий в контексте общественного мнения, социальной стабильности и межэтнических отношений как в России, так и за ее пределами.

С высокой долей вероятности военнотруженики подразделения «Ахмат» и в целом чеченцы находятся под пристальным вниманием деструктивных внешних сил, отслеживающих информационную повестку в режиме реального времени на предмет возникающих эксцессов и инцидентов с их непосредственным участием для последующих спекуляций, по ряду обстоятельств, а именно:

1) историческая ретроспектива, т.е. чеченские конфликты оставили весомый психологический отпечаток в массовом сознании, историческая память о военных действиях и террористических актах чеченских боевиков способна накладывать определенные издержки на перцепцию и общее толкование событий, участниками которых являются лица чеченской национальности. Вероятно, то, что некоторая часть россиян может быть подвержена скрытому влиянию стереотипов и бытовых

предвзятости в отношении уроженцев Чечни, является центральным аргументом для деструктивных сил при информационном «подогревании» инцидентов такого рода. Цель же подобных мероприятий – стигматизация конкретного этнического меньшинства в массовом сознании большинства россиян разных национальностей, в последствии неминуемое ухудшения социального фона (климата) в обществе, его наполнение чувствами недоверия и неприятия, препятствующего поддержанию межнационального согласия;

2) политическая подоплека, поскольку в некоторых случаях СМИ и соцмедиа могут акцентировать внимание на конфликтах с участием чеченцев для создания определенного политического имиджа либо оказания давления, коррелирующего с внутренними политическими интересами или международной повесткой;

3) медийная сенсационность, т.е. социальные конфликты, в которых участие принимают этнические сообщества с ранее негативным имиджем, могут быть использованы для создания сенсационных новостей, что может потенциально увеличить их аудиторию и релевантность для СМИ.

4) укрепление стереотипов, которое заключается в том, что акцентирование внимания на конфликтах с участием представителей конкретных этнических сообществ способствует формированию и укреплению негативных стереотипов и предвзятых мнений об этой этнической группе, а в крайнем случае – привести к ксенофобии по национальному признаку;

5) рост социального напряжения, когда избыточное внимание может усилить социальное и межэтническое напряжение на уровне бытового взаимодействия и коммуникаций, способствуя росту конфликтов между различными этническими сообществами на локальном (региональном) и федеральном уровне.

Несомненно, избыточное внимание к инцидентам (конфликтам) с участием представителей конкретных этнических сообществ – народов России стимулирует рост предвзятости, что затрудняет, особенно важное в условиях текущий военно-политической обстановки в мире и вокруг России, поддержание межнационального согласия, кооперации, интеграцию и сотрудничества между народами России. Так, в числе прочего, избыточный и негативный информационный ракурс вокруг инцидентов с участием чеченцев содержит, выгодные оппонентам России, риски поляризации российского многонационального общества и развитию этнических (национальных) барьеров – границ в социальной и культурной плоскости.

В названных условиях представляется целесообразной выработка мер по управлению и контролю за «избыточным вниманием» в отношении конкретных этнических сообществ. В части прозрачности и объективности есть необходимость в предоставлении фактической информации о тех или иных инцидентах, в частности, в обеспечении объективного и сбалансированного освещения событий, избегая предвзятости и нагруженности (вероятнее всего, бытующими в обществе) стереотипами. Это включает публикацию полных и достоверных данных о событиях и ведении открытого диалога с лидерами общественного мнения (в целом общественностью) для разъяснения сложных аспектов, произошедших

конфликтов и предотвращения распространения по их сюжету недостоверной и не верифицированной информации.

В условиях открытой гибридной войны в информационной сфере оправданным и своевременным может явиться точечное «вмешательство» в медийные практики, а именно:

1) контроль качества информации: создание инструментов контроля за качеством, полнотой и достоверностью информации, распространяемой в СМИ и социальных медиа, особенно в отношении весьма чувствительных тем, связанных со сферой межнациональных и межрелигиозных отношений;

2) профессиональная этика: совершенствование или разработка оригинальных профессиональных стандартов и этических норм в сфере журналистики для предотвращения манипуляций информацией (фактами) и сенсационализма.

Вместе с тем с учетом фиксируемых тенденций деструктивного «подогрева» резонансных событий в информационном пространстве различными медийными площадками, как правило, зарубежного происхождения или аффилированных с иностранными структурами (зарубежные СМИ, иноагенты-СМИ и иные ресурсы), имеются высокие риски концентрации внимания на конфликтах, произошедших в зоне проведения специальной военной операции (в т.ч. в приграничье), вышедших в публичное пространство, участниками которых являются воинские коллективы сформированные частично или преимущественно из представителей конкретных национальных групп. Таким образом, всяким инцидентам, участниками которых будет условная группа людей, принадлежащая к конкретному национальному сообществу (допустим, от двух и более лиц) будет преднамеренно преломлена межнациональная призма – межнациональный конфликт.

Существенным является вопрос национальных воинских подразделений в составе Объединенной группировки российских войск, сформированных в основном из представителей одного этнического сообщества. Подобная практика имеет как положительные, так и обратные аспекты. Эти подразделения могут выполнять различные функции в армии, полиции или иных вооружённых структурах, и их эффективность и влияние зависят от множества факторов, включая контекст и задачи, которые они выполняют.

Безусловно к очевидным плюсам, следует отнести: *улучшение морального духа и сплоченности воинского коллектива* (в данном случае речь о культурно-языковой общности, когда бойцы, говорящие на одном языке и разделяющие общую культуру, могут лучше понимать друг друга и работать более слаженно; фон взаимного доверия и уверенности друг в друге, когда знание общих культурных и этнических черт может способствовать большей взаимной поддержке и укреплению морального духа), *повышение мотивации и готовности* (вопрос национальной идентичности, когда участие в составе воинского подразделения, представляющем родную этническую группу, может усилить чувство гордости и мотивацию к выполнению служебных задач; вопрос репутации, когда бойцы могут расходовать высокой мотивацией защищать честь и репутацию своего этнического сообщества, что может положительно сказаться на их

готовности и эффективности), *политическая и социальная значимость* (в данном случае речь о стимулировании инклюзии, когда создание этнических подразделений может быть воспринято как инклюзия, признание этнического многообразия в Вооруженных Силах).

К вероятным проблемам подобного рода практики, следует отнести: *риски усиления противоречий и увеличение этнических конфликтов, в т.ч. социальных конфликтов* (когда при поляризации и разделения национальные подразделения могут оказывать усиливающий эффект социального разрыва внутри общества, выпячивая этнические различия; когда подобного типа подразделения могут выступать источником дискриминации по отношению к представителям других этнических сообществ, как внутри воинских коллективов, так и за их пределами), *ограниченная универсальность* (т.е. стечение неких обстоятельств, при которых этнические подразделения могут оказаться менее универсальными и гибкими в выполнении различных задач, требующих разнообразных навыков и опыта), *воздействие на массовое сознание при информационном ажиотаже* (этнические подразделения могут способствовать укреплению деструктивных стереотипов о различных этнических сообществах; репутационные издержки, нарушение прав человека или другие проблемы, связанные с национальными подразделениями, могут негативно сказаться на репутации всего военного контингента), проблемы управления и контроля (сложности в управлении этническими подразделениями могут возникнуть из-за особенностей взаимодействия, культурных различий и возможных внутренних конфликтов; а также потенциальные проблемы интеграции в общую командную структуру, что может ослабить общую эффективность армии или правоохранительных органов).

Таким образом, национальные воинские подразделения могут предложить определенные преимущества, такие как улучшение морального духа и особые навыки. Однако они также несут в себе риски, связанные с усилением этнических конфликтов, ограничением гибкости и возможными проблемами в управлении. Эффективность и уместность использования таких подразделений зависят от конкретного контекста, задач и подходов к их интеграции и управлению. В контексте современных условий (специальной военной операции) подобного рода и типа воинские подразделения очевидно являются и будут продолжать быть предметом разработки информационно-психологических операций против России. В связи с этим необходимы упреждающие меры по нейтрализации и противодействию информационным вбросам и дезинформации со стороны внешних деструктивных сил, нацеленных на разобщение российских воинских коллективов в зоне проведения специальной военной операции по национальному и религиозному признаку.

Межнациональный фактор

1. Значительный резонанс в отечественном информационном пространстве во второй половине 2024 г. вызвали обстоятельства инцидента вокруг компании «Вайлдеберриз», впоследствии которого несколько человек

погибли и получили ранения разной тяжести. Так, 18 сентября с.г. по данным СК России, совладелец ООО «Вайлдберриз» В.Бакальчук (владеет 1% акций компании) с группой «силовой поддержки» из числа спортсменов, а также бывших и действующих сотрудников силовых структур [пришел](#) в офис компании для «воздействия на принятие руководством ООО «Вайлдберриз» решения о безвозмездной передаче 49% долей» общества. Охрана воспрепятствовала проходу в здание, после чего нападавшие «стали применять насилие к находящимся в офисе людям, а также производить в них выстрелы из не установленного следствием оружия».

Параллельно, группа из 30–40 человек «в спортивно-военной форме», некоторые из которых были в масках, [сломали](#) дверь в бизнес-центре «Искра-парк» у м. «Динамо», напав на охранника. Во главе группы были сооснователь и бывший коммерческий директор «Вайлдберриз» С. Ануфриев, экс-председатель совета директоров «Вайлдберриз-Банка» В. Бакин и трое адвокатов, требовавших встречу с юристами и финансистами компании. Однако руководство офиса «Вайлдберриз» им отказало, и оперативно эвакуировало сотрудников.

При стрельбе у офиса «Вайлдберриз» в Романовом переулке погибли двое охранников – И. Эльмурзиев и А. Алмазов. Пострадали семь человек, среди них – двое полицейских. [Возбуждены](#) уголовные дела по ч. 2 ст. 105 УК РФ («Убийство двух и более лиц»), ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ («Покушение на убийство»), ст. 317 УК РФ («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»), ст. 222 УК РФ («Незаконный оборот оружия»), ст. 330 УК РФ («Самоуправство»). Районные суды Москвы [арестовали](#) в общей сложности десять фигурантов по делу о стрельбе.

Позднее, 23 сентября 2024 г. в г.Москве в гостинице «Аврора», принадлежащей М. Гуцериеву, [прошла](#) встреча между представителями Чечни и Ингушетии. Она была посвящена перестрелке 18 сентября 2024 с.г. в здании офиса «Вайлдберриз», в которой погибли два ингуша. Со стороны Чечни на встрече [присутствовали](#) (доступ к сайту ограничен Роскомнадзором) депутат Госдумы России А. Делимханов, муфтий С. Межидов и иные лица. Делегация из Ингушетии была неофициальной: по признанию члена общественной организации «Национальный совет Ингушетии» М. Албогачиева, он действовал по своей инициативе, и без мандата от пострадавших сторон. Ингушскую сторону представлял также М. Гуцериев, приглашенный А. Делимхановым.

М. Албогачиев отметил, что встреча направлена на предотвращение дальнейшей эскалации межнационального конфликта, а не предотвращения кровной мести: «Мы не можем прощать кровь, у этого есть свои хозяева – кровники». А. Делимханов [возложил](#) ответственность за инцидент на депутата Госдумы России от Ингушетии экс-бизнесмена Б. Барахоева, который привел туда своих людей, зная, что стычка неизбежна. Также он заявил, что первыми огонь якобы открыли изнутри здания охранники «Вайлдберриз», уроженцы Ингушетии. И после того, как в одного из охранников-чеченцев В Бакальчука,

который пришел в офис на переговоры, попали несколько раз, тот открыл ответный огонь.

26 сентября 2024 г. СМИ [привели](#) (доступ к сайту ограничен Роскомнадзором) слова Б. Барахоева на похоронах охранников «Вайлдберриз» – А. Алмазова и И.Б. Эльмурзиева, в части того, что погибшие были безоружны, «они пришли на работу, выполняли свои обязанности», и «никто из них не собирался воевать». По словам Б. Барахоева слияние «Вайлдберриз» и «Russ Outdoor» было согласовано с высшим руководством страны.

Конфликт вокруг компании «Вайлдберриз», связанный с инцидентом стрельбы в ее московском офисе, создает существенные риски межэтнических столкновений между чеченцами и ингушами. Этот случай является тревожным, так как затрагивает чувствительные отношения между двумя достаточно близкими северокавказскими народами, которые уже имели исторические противоречия.

Чеченцы и ингуши разделяют сложную историю отношений, в том числе периоды сотрудничества и конфликтов. В условиях таких инцидентов, как стрельба в офисе крупной компании, подобные противоречия могут вспыхнуть с новой силой, особенно если обе стороны начнут обвинять друг друга в произошедшем. Инциденты с применением насилия, особенно в публичных местах, широко освещаются в медиа и социальных сетях. Это может способствовать распространению напряженности и провокаций, поскольку в социальных медиа часто нагнетаются этнические конфликты, и каждая сторона может начать защищать своих участников конфликта. Если такие инциденты начинают широко обсуждаться, это может усилить негативные стереотипы и создать условия для реальных столкновений.

Речь может идти о вмешательстве лидеров сообществ или официальных лиц, которые будут пытаться защитить интересы своих народов, что также может привести к обострению конфликта. Если лидеры чеченской или ингушской диаспор активно вступят в этот спор, это может усложнить урегулирование конфликта и даже привести к уличным столкновениям. Конфликты могут распространяться и на другие регионы, где проживают крупные чеченские и ингушские сообщества, что может вызвать волну насилия и межэтнических столкновений в более широком масштабе.

Для избежания эскалации нужны меры по мирному урегулированию конфликта, включая диалог между сторонами и усилия по деэскалации, такие как официальные заявления лидеров общин о недопустимости насилия.

Среди прочих резонансных событий, укладывающимся в общую тематику межнациональных противоречий следует выделить конфликты с участием цыган. Особенно – конфликт в станице Тацинской Ростовской области между цыганами и местными жителями, имеющим некоторые признаки проявления экстремизма со стороны цыган. Так, 19 сентября 2024 года в школе станицы Тацинской в Ростовской области произошел конфликт: ученик-цыган [обижал](#)

ученика третьего класса. Проходивший мимо учащийся той же школы Никита сделал ему замечание и защитил ребенка.

Различные конфликты с цыганами не первый раз находятся в фокусе внимания отечественных СМИ и настоящих экспертных отчетов. В настоящее время фиксируется существенный прирост конфликтов с участием цыганской общины в различных регионах России. Так, помимо инцидента в Ростовской области, имели место и другие инциденты:

1) Массовая драка в г. Новосибирске с участием цыган, когда они избили многодетную семью. По словам очевидцев и данным видеозаписей, водитель черной «Mazda» притормозил у подъезда, чтобы высадить четверых детей. В это время к машине спереди подъехала «Лада», владелец которой принялся сигналить и требовал немедленно его пропустить. Из «Лады» [вышли](#) пятеро нетрезвых цыган, начали крыть всех матом, не стесняясь детей. А затем они выхватили из клумб палки с гвоздями и стали избивать ими членов семьи, в том числе пожилого дедушку. Полицейским удалось задержать только двух участников потасовки со стороны цыган. Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 213 УК РФ («Хулиганство, совершенное группой лиц»).

2) Похищение в Калужской области. Так, 25 сентября с.г. Малоярославце Калужской области цыгане [похитили](#) и ограбили дальнобойщика.

3) Рейд [правоохранительных органов](#) 24 сентября с.г. в цыганском таборе в Верхних Осельках Ленинградской области по причине многочисленных жалоб местных жителей на случаи мошенничества.

Рост числа инцидентов с участием цыган в России может быть связан с несколькими факторами, среди которых социальные, экономические и культурные аспекты. Эти инциденты часто затрагивают вопросы, связанные с интеграцией цыган в общество, уровнем преступности, межэтническими конфликтами. Многие представители цыганского населения в России живут в социально неблагополучных условиях, сталкиваются с бедностью, низким уровнем образования и трудностей с трудоустройством. Эти факторы могут способствовать вовлечению некоторых представителей общины в преступные действия, что усиливает негативное восприятие их в обществе. Цыганские общины иногда оказываются в центре межэтнических конфликтов в разных регионах России. Существуют примеры, когда такие конфликты обостряются из-за земельных споров, вопросов криминала или других социальных проблем. Это может создавать впечатление роста числа инцидентов с участием цыган.

Цыгане часто живут обособленно от остального населения, что ведет к культурным барьерам и недопониманию с остальной частью общества. Их традиции и образ жизни иногда вызывают напряженность, что может усиливать конфликты и провокации.

Медиапокрытие инцидентов с участием цыган зачастую акцентирует внимание на негативных аспектах, что формирует стереотипы и предвзятое отношение к этой этнической группе. Это может приводить к тому, что каждый

инцидент, связанный с цыганами, получает широкое освещение, создавая ощущение увеличения их числа.

Рост числа инцидентов может привести к усилению предвзятости и ксенофобии по отношению к цыганам, что еще больше осложнит их интеграцию в российское общество. В ответ на давление и дискриминацию цыганские общины могут еще больше замкнуться, что усугубит проблему их социальной адаптации и может привести к продолжению конфликтов. Увеличение числа инцидентов может побудить российские власти к принятию дополнительных мер по интеграции цыганских общин, а также к усилению контроля и правоохранительных мер в отношении их криминальной активности.

2.5 ноября с.г. президент регионального совета Федеральной национально-культурной автономии российских цыган Н.Деметер¹⁷ [заявила](#), «...Какая может быть реакция? Это называется профилактикой? Это самые настоящие карательные рейды. Почему надо только цыган наказывать? <...> нельзя обвинять целую диаспору и профилактировать весь народ».

По мнению руководителя ФНКА российских цыган в настоящий момент крайне остро стоит «национальный вопрос», связанный с убийством таксистки Е. Сарафановой 23 октября 2024 г. в г. Коркино Челябинской области, поскольку некоторые СМИ опубликовали националистические посты против цыган, что можно квалифицировать как призывы к межнациональной розни, а представители цыганской диаспоры живут в страхе, обращаясь к ней за разъяснением относительно того, когда «все закончится».

По словам Н.Деметер «должны вестись правильные и объективные действия со стороны представителей правоохранительных органов <...> человек только подозревается в совершении преступления, а уже идут какие-то разборки».

Следует отметить, что поводом для подобного рода заявлений явилась [реакция](#) региональных властей и правоохранительных органов Челябинской области на убийство Е. Сарафановой, в котором [подозревают](#) 17-летнего представителя цыганской общины.

Вместе с тем, в ноябре с.г. произошло несколько происшествий с участием цыган, которые сопровождались широким освещением в СМИ и социальных медиа. Так, 5 ноября в Кстовском районе Нижегородской области правоохранители после обращения местных жителей [обнаружили](#) 36 цыган, в том числе 15 детей, покинувших прежнее место проживания в Челябинской области после массовый волнений, связанных с убийством в г. Коркино. Полицией была проведена профилактическая беседа о недопустимости нарушения законодательства.

¹⁷ Справочно. [Федеральная национально-культурная автономия российских цыган](#) – общероссийская общественная организация, созданная 1999 г. В соответствии с ее [Уставом](#) (утвержденным на Учредительном Съезде Федеральной национально-культурной автономии российских цыган 26 ноября 1999 г., с изменениями от 6 ноября 2012) организация является формой национально-культурного самоопределения и представляет собой общественное объединение граждан, относящих себя к определенной этнической общности цыган, созданное в целях объединения усилий ее членов по возрождению и сохранению самобытности российских цыган, их национальной культуры, традиций, развития языка и образования.

7 ноября 2024 г. СМИ [сообщили](#), что в г. Волжском Волгоградской области возбуждено уголовное дело по факту вымогательства денег и угроз в отношении детей группой молодых людей предположительно цыганской национальности. Ранее в социальных сетях и СМИ появились информация и [видеозапись](#), где несколько человек, предположительно цыгане, у торгового центра угрожают избить молодого человека и девушку, требуя с них денег. Некоторые СМИ сразу «установили корреляцию» ситуации с цыганами в г. Волжский Волгоградской области и печально известных событий в г. Коркино. Вследствие внимания федеральных СМИ к данной ситуации 8 ноября с.г. правоохранные органы [провели](#) рейд в цыганской общине, в ходе которого было задержано 20 человек, а десятерым из них выписали повестки в военкомат. 13 ноября 2024 г. глава СК России А. Бастрыкин затребовал доклад по бездействию правоохранных органов в связи с инцидентом с участием цыган в г. Волжском, где в числе прочих инцидентов, поступали жалобы граждан на представителей цыганской общины, которые разместились в одном из общежитий города.

Цыгане уже тысячелетие существуют как большой народ, который, несмотря на отсутствие своего национального государства, проживание во множестве стран различных точек Земного шара, дисперсной форме расселения, сохраняет общие культурные и языковые особенности. Следует отметить, что «цыганский фактор» является важной социальной проблематикой не только для территорий, где они концентрируются (допустим страны Восточной Европы), но и для целых регионов. Относительно слабая встроенность цыганских общин в общество и асоциальный образ жизни некоторых их представителей обостряют этнические противоречия. Наиболее радикальным и преступным способом решения т.н. «цыганского вопроса» был [геноцид](#) цыган в Европе, учиненный немецкими нацистами в 1935–1945 гг., повлекший гибель нескольких сотен тысяч людей цыганской национальности. В современных условиях отношение к цыганам изменилось, предпринимаются попытки по их интеграции в социальную среду, но в большинстве стран они все еще подвергаются дискриминации. Например, в 2010 г. после Луарского инцидента. Так, депортация цыган из Франции в 2010 г. является крупным социально-политическим кризисом, вызвавшим весьма широкий резонанс в Европе и за её пределами. Данное событие в большей мере связано с действиями, инициированными французским правительством, возглавляемого тогдашним Президентом Франции Н. Саркози, в отношении представителей цыганской общины, проживавшей в стране.

Представляется целесообразным коротко проанализировать содержание миграционной политики французских властей в отношении цыганских общин.

Летом 2010 г. французское правительство [заявило](#) о росте преступности, связанной с нелегальными поселениями цыган, в т.ч. власти утверждали, что их действия направлены на укрепление общественной безопасности в стране, а основным поводом к подобной жесткой политике стала серия инцидентов, включая беспорядки в коммуне Сен-Аньян, вызванные конфликтами между цыганами и местной полицией. На тот момент времени во Франции действовали

многочисленные нелегальные лагеря цыган, образовавшиеся после присоединения к Европейскому Союзу Болгарии и Румынии, и миграции этнических цыган в западноевропейские страны. Французская власть инициировала кампанию по демонтажу несанкционированных лагерей, ссылаясь на то, что такие поселения не соответствуют санитарным и социальным нормам.

Вероятнее всего Н. Саркози использовал проблему цыганских поселений для усиления собственной политической позиции, пытаясь привлечь на свою сторону перед выборами избирателей из «правого электорального лагеря», а цыгане стали «удобной мишенью» для демонстрации решительных действий против нелегальной миграции. Несмотря на то, что цыгане из Румынии и Болгарии имели право на свободное передвижение по странам ЕС, их трудовая деятельность во Франции была ограничена до 2014 г., что привело к тому, что многие цыгане оставались в стране без возможности официальной легализации. Депортации цыган из Франции в 2010 г. имела несколько последствий социально-гуманитарного, политического и правового плана.

В результате депортации цыганские семьи разлучались и теряли связь с местным сообществом, а сам процесс депортации не решил проблем цыган, а только усугубил их бедственное положение, поскольку депортированные возвращались в еще более худшие условия в Румынии и Болгарии. Многие правозащитные организации, такие как Amnesty International и Европейский суд по правам человека, осудили депортацию как дискриминационную практику французских властей, а Еврокомиссия подвергла власти Франции критике за нарушение законодательства ЕС о свободе передвижения, а депортация в целом подорвала репутацию Франции как страны, уважающей права и свободы человека.

Следует отметить, что после 2010 г. Евросоюз усилил мониторинг за соблюдением прав и свобод цыган в странах-членах, а сама депортация вызвала раскол в общественном мнении Франции, явно скорректировав политическую повестку, где «левые силы» и различные правозащитные организации осудили действия правительства, а правые поддержали.

Вместе с тем, политика депортации углубила конфликт между цыганами и местным населением. Несмотря на временную поддержку со стороны части населения, миграционная политика в отношении цыган была признана крайне неэффективной и дискриминационной, а в долгосрочной перспективе она лишь усилила социальные и экономические барьеры между цыганами и обществом, вызвав репутационные издержки для Франции на международной арене.

В России проблемы интеграции цыганских общин в российское социальное пространство стоят достаточно остро. Социальные конфликты с участием представителей цыганских общин, отражающиеся в зеркале новостных лент, приобрели тенденциозный характер, имеющий все шансы для развития в российском обществе ромофобии (враждебности, предубежденности, неприязни, недоверия, нетерпимости и/или ненависти по отношению к цыганам, их языку и культуре). Важно отметить, что из-за асоциальности образа жизни некоторых

цыган в российском обществе формируется устойчивое отрицательное мнение по поводу всех представителей данного этнического сообщества.

Крайне эмоционально трудности инкорпорирования цыганской общины в российский социум освещены в документальном фильме Б. Соболева [«Бремя цыган»](#) (2016), где продемонстрированы особенности жизненного уклада цыганского населения России. Основной тезис фильма состоит в том, что в обществе существует цыганская проблема, но никто не предпринимает никаких решительных действий по ее разрешению.

Соответственно, в настоящее время, особенно с учетом резко возросшего числа эксцессов (негативных событий) с участием цыган, актуальна проблема их интеграции в гражданское общество и российское социальное пространство в целом. Асоциальное поведение приводит к изолированности некоторых цыган, невозможности обеспечения их прав и свобод. Основными преградами на пути социализации цыган являются: маргинальный образ жизни, острое пренебрежение общественными правилами и общепринятыми принципами поведения, некоторая архаичность традиционной культуры, сильное противодействие межкультурному взаимодействию (запрет браков с представителями других народов), низкий уровень образования, занятость в неформальных, отчасти нелегальных секторах экономики. Криминализация некоторых цыган способствовала отторжению обществом представителей данного народа, стигматизируя их, создавая явные трудности использования социальных лифтов, доступных для других народов в российском многонациональном обществе.

Вероятно, отсутствие прочного и прозрачного диалога между цыганами и властью только обостряет ситуацию, углубляя изоляционистские тенденции среди цыган. Цыганский изоляционизм может быть обусловлен несколькими факторами: традиционалистским происхождением (т.е. культурные барьеры, не позволяющие цыганским общинам участвовать в конформистском движении – отказе от изоляции) и особенностями межкультурного диалога (т.е. убеждения и табу, существующие у цыган в отношении других народов).

Таким образом, профилактика и ликвидация последствий социальных конфликтов с участием цыган в России требует комплексного подхода, который учитывает социальные, экономические и культурные аспекты. Представляется целесообразным выделить двух векторов направленного действия:

- 1) содействие седентаризации¹⁸ цыганских общин;
- 2) противодействие территориальной и этнической эксклюзии цыган.

Седентаризация цыган в данном случае – это процесс перехода к оседлому образу жизни, в отличие от традиционного кочевого или полукочевого уклада. Это явление тесно связано с политикой государств, стремящихся интегрировать цыган в общество, а также с экономическими, социальными и культурными изменениями. В течение XIX и XX вв. многие европейские страны, включая Францию, Испанию, Румынию, Россию и другие, пытались ограничить кочевой

¹⁸ Седентаризация – переход от кочевого образа жизни к оседлости.

образ жизни цыган. В СССР, например, в 1930-е годы проводилась программа коллективизации и предоставления жилья для цыганских семей.

Следует понимать и тот факт, что кочевой образ жизни – важная часть цыганской культуры. Оседлость иногда воспринимается как утрата традиций, утрата языка, обычаев и социальных структур внутри общин. Оседлые цыгане могут сталкиваться с дискриминацией в местных сообществах. Поселения цыган часто находятся на периферии городов, что усиливает их изоляционизм. Отсутствие стабильной работы, а также образования усугубляет их социальное положение. Следует учитывать, что седентаризация без должной поддержки может приводить к созданию новых бедных районов или гетто, а местные жители иногда протестуют против размещения цыган, что лишь катализирует острые социальные конфликты на национальной почве. Так, содействие цыганам в организации седентаризации должно базироваться на условиях последующего дисперсного расселения, а не концентрированного поселения, для исключения формирования этнических анклавов или геттоизации. Наиболее релевантная задача для властей внедрение проектов, позволяющих цыганам сохранять символические элементы кочевого уклада, а также усиление законодательных мер и программ просвещения для борьбы с предвзятым отношением к цыганам.

Противодействие этнической эксклюзии цыган – это процесс недопущения исключения цыган из общественной, экономической и политической жизни, обусловленное вызванное их стигматизацией, дискриминацией, стереотипами и системными барьерами. Эффективными способами могут быть:

1) Улучшение доступа к образованию, поскольку доступное образование – ключевой фактор борьбы с эксклюзией. Создание специальных детских садов или интеграция детей-цыган в существующие образовательные учреждения. Введение языковых и культурных адаптационных программ для цыганских детей, в частности разработка инклюзивных образовательных программ, учитывающих особенности цыганской культуры путем привлечения цыганских педагогов и кураторов, которые могут служить культурными посредниками

Организация программ ликвидации неграмотности среди взрослых. Курсы профессионального обучения для «включения» в рынок труда.

2) Поддержка экономической интеграции. Экономическое включение – существенный элемент преодоления эксклюзии, через создание рабочих мест, ориентированных на представителей цыганских общин, в том числе в социальной сфере, а также введение программ профессионального обучения и переподготовки. Выдача грантов и льготных кредитов для поддержки малого бизнеса среди цыган, в т.ч. поддержка ремесленных и традиционных видов деятельности цыган (например, торговли, кузнечного дела).

3) Улучшение жилищных условий, поскольку плохие условия проживания способствуют изоляции и маргинализации цыган. Разработка государственных программ по предоставлению доступного жилья для цыганских семей, при условии избежания создания «цыганских поселений» на периферии городов. А главное – стимулирование интеграции цыган в смешанные районы проживания.

4) Борьба с дискриминацией через постепенное преодоление стереотипов и дискриминации. Проведение массовых информационных кампаний через СМИ, направленных на борьбу с негативными стереотипами о цыганах. Ужесточение наказаний за дискриминацию по этническому признаку, а также поддержание действенных механизмов для жалоб на дискриминацию (горячие линии, центры правовой помощи). Проведение образовательных семинаров и тренингов для госслужащих, учителей, полицейских и других групп, работающих с цыганами.

5) Участие в политической жизни. Включение цыган в принятие решений и управление на местах – важный шаг к устранению эксклюзии через содействие избранию представителей цыган в местные и национальные органы власти.

6) Поддержка культурной идентичности, через организацию фестивалей, выставок и концертов, демонстрирующих богатство цыганской культуры. Поддержка традиционных ремёсел и искусства, в т.ч. популяризация истории и культуры цыган.

7) Информирование и обучение общества. Так, необходима работа не только с цыганами, но и с остальным населением, т.е. просвещение общества о проблемах и культурных особенностях цыган, а также борьба с мифами и предубеждениями через медиаконтент и общественные мероприятия. Создание совместных инициатив цыган и местного населения для решения общих проблем, связанных, например, с экологией, инфраструктурой, досугом.

Для преодоления этнической эксклюзии цыган необходимы системные усилия, направленные как на улучшение их социально-экономического положения, так и на изменение общественного отношения к этой этнической группе. Ключевым фактором эффективности является открытый и прозрачный диалог между цыганскими общинами, местным населением и государственными органами, основанное на взаимном уважении и стремлении к равенству.

3. Новый виток эскалации вокруг земель восстанавливаемого Ауховского района Дагестана. 4 ноября 2024 г. в сети «Интернет» было [опубликовано](#) видеообращение к главе Республики Дагестан С. Меликову бойцов-участников СВО из с. Ленинаул Казбековского района республики, в котором они (участники СВО) попросили главу региона вмешаться в ситуацию, возникшую вокруг земель, выделенных для их семей, когда представители чеченской общины района демонтируют установленные на участках пограничные метки, что вызывает недовольство и создает напряжение в дагестанском обществе. В обращении бойцы и ветераны СВО задали вопрос, почему эти люди, которые снимают межевые знаки, не привлекаются к службе. По их словам, «если они не хотят поддерживать порядок здесь, их стоило бы направить на СВО – там они были бы полезны».

Вместе с тем, спикер от ветеранов в своем обращении обратил внимание руководства Дагестана на действия военкома Казбековского и Гумбетовского районов А. Магомедова, в которых имеются признаки коррупции.

Достаточно высоки риски массовых столкновений между аварцами и чеченцами-аккинцами в связи с их одновременным присутствием на межевании

участков. Кроме того, СМИ-иноагенты распространяют фейковую информацию о том, что в с. Ленинауле якобы начались рейды силовиков по отлову молодежи для призыва на военную службу и не случайно, поскольку в сентябре 2022 г. телеграм-каналам, в частности, запрещенному в России за экстремизм «Утро Дагестан» удалось спровоцировать дагестанское население на массовые акции протеста против мобилизации, распространив недостоверную информацию.

Обострение противоречий между аварцами и чеченцами-аккинцами в Дагестане возникают с высокой периодичностью, что связано с историческими, этническими и земельными разногласиями. Особенно напряженная ситуация наблюдается в с. Ленинаул Казбековского района, где проживают обе общины.

Исторический контекст. В 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы из своих родных земель, включая территорию нынешнего Казбековского района Дагестана. После их возвращения в конце 1950-х г. начались споры о правах на землю и восстановлении исторических территорий, в 1991 г. был принят закон о реабилитации репрессированных народов, предусматривающий в числе прочего восстановление Ауховского района, однако его реализация затянулась на долгие годы, что усилило напряженность между общинами.

Современные конфликты. В 2017 г. в с. Ленинауле [произошла массовая драка](#) между аварцами и чеченцами, приведшая к задержанию десяти человек, а в 2023 г. ситуация обострилась с новой силой из-за планов местных властей раздать земельные участки под индивидуальное жилищное строительство на территории, которую чеченцы-аккинцы считают своей родовой землей. Это вызвало протесты чеченской общины, вероятнее всего опасющейся изменения демографического баланса в районе.

Анализ ситуации показывает, что основными факторами, повышающими риск эскалации межэтнического конфликта, в виде массовых столкновений между аварцами и чеченцами-аккинцами, являются:

- нерешенные земельные споры, т.к. отсутствие четкого разграничения земельных прав и затягивание процесса восстановления Ауховского района создают «благодатную почву» для конфликтов и спекуляций данной проблемой;
- этническая напряженность, когда исторические обиды и естественная конкуренция за природные ресурсы усиливают межэтническую напряженность;
- недостаточная работа властей, поскольку отсутствие эффективных мер по урегулированию споров и предотвращению конфликтов со стороны местных и федеральных властей способствует эскалации ситуации.

Представляется целесообразным, что для предотвращения столкновений необходимы: законодательное урегулирование земельных вопросов – принятие и реализация законов, обеспечивающих справедливое распределение земель и восстановление прав репрессированных народов; диалог между общинами – создание платформ для открытого общения и сотрудничества между аварской и чеченской общинами; активное участие властей в урегулировании споров, когда местные и федеральные органы способны оперативно предотвращать провокации и обеспечивать безопасность всех жителей региона.

Этот инцидент подчеркивает существующие межэтнические напряжения в регионе, связанные с нерешенными земельными вопросами и историческими спорами между аварской и чеченской общинами. Так, в августе 2024 г. раздача земельных участков в с. Ленинауле вызвала протесты чеченцев-аккинцев, которые считают земли своими родовыми территориями. Они предупреждали, что подобные действия могут привести к межнациональным столкновениям.

Для разрешения конфликта необходимы активные действия со стороны республиканских властей, направленные на урегулирование земельных споров и обеспечение справедливого распределения ресурсов между общинами. Только через диалог и взаимопонимание возможно достичь устойчивого мира и стабильности в районе и регионе в целом.

4. Оскорбительная шутка о карельском языке на юмористическом шоу. Так, 11 ноября с.г. СМИ [обратили](#) внимание на развитие скандала после неуместной [шутки](#) актрисы петрозаводского театра «Творческая мастерская» В. Ломакиной во время юмористического шоу «Битва за время», которые было опубликовано на стриминговой площадке «VK Видео» 1 ноября с. г. (позднее этот отрывок был вырезан). В.Ломакина на сцене [произнесла](#) фразу на карельском и задалась вопросом: «Жутковато, правда? А это ведь я просто пожелала вам любви и удачи на карельском». Также она заявила, что «единственное место на земле, где до сих пор говорят» на этом языке – национальный карельский театр в г. Петрозаводске. При этом карельский язык «настолько сложен для понимания, что даже сами карелы приходят на спектакль и сидят в наушниках, в которых идет перевод на русский <...> это как соски у мужчин – работают исключительно как зрелище, и то только для истинных ценителей».

Под видеозаписью выступления в соцсетях разгорелась острая дискуссия, где часть поддержали комика и заявили, что критики «неспособны адекватно относиться к юмору», другая часть напротив, ссылаясь на то, что шутка была «не уместной». 10 ноября с.г. В. Ломакина публично извинилась и объяснила, что «высмеивала не саму проблему опасности утраты языка», а «людей, утративших связь со своей землей и культурными традициями». Несмотря на извинения актрисы, губернатор Карелии А. Парфенчиков [заявил](#): «Назвать – даже в шутку – звучание карельской речи жуткой и со сцены вынести вердикт о том, что карельский язык – атавизм, это за гранью. За гранью уважения к народу – носителю языка, к карельской земле, ее традициям и культуре», в соответствии с чем он готовит обращение в СК России о проведении проверки на предмет «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». 13 ноября 2024 года В. Ломакина [сообщила](#), что увольняется из театра.

С одной стороны, в подобных юмористических передачах распространена и культивируется подача шок-контента с элементами оскорблений на грани эпатажа. С другой – В. Ломакина фактически подыграла русофобским выпадам эмигрантских, антироссийских центров, а также спецслужб Запада, которые распространяют фейки об «ущемлении» в РФ всех нерусских народов. В том числе

по языковому признаку, якобы не давая им развивать свой язык и культуру, что ставится ими в качестве причины необходимой «деколонизации» - т.е. развала России, и присоединения Карелии к Финляндии.

Следует заметить, что у этого инцидента, на первый взгляд не имеющего существенных угроз для межнациональных отношений, содержатся латентные риски. Высмеивание языков народов России может привести к ряду серьезных негативных последствий, которые затрагивают социальные, культурные и политические многонационального общества. Это может привести к социальной напряженности, выраженной ростом ксенофобии и межэтнической неприязни, когда высмеивание языков и аутентичной культуры создает предпосылки для усиления сопоставления народов России друг другу. Люди могут воспринимать такое отношение как знак того, что их этнокультурная идентичность и права не защищены, либо не представляют ценность для власти.

Подобного рода систематические выпады в отношении языков народов России могут привести к снижению «статуса» языков, а главное потере интереса к их изучению, особенно среди молодежи, а подавление и стигматизация языков могут ускорить процессы ассимиляции и исчезновения малых языков. Следует учитывать, что в большинстве случаев языки находятся в тесной связи с традициями и обычаями и утрата одного закономерно приводит к угасанию другого. Ощущение дискриминации по языковому основанию дополнительно способствует приросту сепаратистских устремлений. Высмеивание языков идет вразрез с декларируемыми принципами многонационального государства и подрывает стабильность, а люди, чей язык подвергается насмешкам, могут ощущать свою идентичность как менее ценную, высмеивание языка может привести к стигматизации учеников (самых носителей языка или этнической идентичности), что может сказываться на желании обучения либо изучения родного языка.

В государствах, где языки меньшинств подвергались насмешкам или дискриминации, такие как Ирландия, Испания (Каталония) и Канада (Квебек), это приводило к долгосрочным конфликтам и даже политическим кризисам.

К допустимым мерам по предотвращению последствий следует отнести: развитие программ, направленных на сохранение и популяризацию языков; введение жестких мер ответственности за проявления языковой дискриминации; укрепление политики межнационального согласия и пропаганда уважения к культурному разнообразию.

5. Русофобские и сепаратистские заявления первого зампреда ДУМ России Д. Мухетдинова. 24 ноября 2024 г. первый заместитель председателя ДУМ России Д. Мухетдинов [вывел](#) через СМИ свои провокационные тезисы с общим антирусским и антиславянским подтекстом, сделанные на II Международной научной конференции «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике» в г. Екатеринбурге в рамках своего [доклада на тему](#) «Выглядывая за пределы Руси: истоки и стадии формирования полиэтнического государства в истории России». В докладе Д. Мухетдинов [заявил](#) о том, что роль славян в

истории России излишне и безосновательно преувеличена, а следовательно, надо переписать российские учебники; татаро-монгольское завоевание Руси якобы было «добровольным вхождением» Руси в состав Золотой Орды», а «нашествия» ханских войск на «бунтующие» земли являлись легитимными мероприятиями, сравнимыми с мерами по «наведению конституционного порядка». По сути, историческая лекция [стала](#) политическим заявлением, суть которой – лишить русских статуса государствообразующего народа.

Организаторами научного мероприятия [были](#) Уральский федеральный университет, Правительство Свердловской области, Институт востоковедения РАН, Российский совет по международным делам, Духовное управление мусульман России. Д. Мухетдинов в интервью татарстанскому изданию «Бизнес-онлайн» [заявил](#), что «выступал на сугубо научной конференции, которая предполагает именно научный стиль изложения, научную дискуссию», и при этом якобы «не уходил ни в политологию, ни в политику». То есть, он попытался «научностью» обсуждений защитить протаскивание в СМИ и в общественный дискурс политизированных антирусских и антироссийских, генерирующих сепаратизм, по сути, протурецких идей.

Выступление вызвало широкий резонанс в экспертной среде как своими политическими заявлениями в части нападок на попытки «распространить употребление понятия «русский» на всё население Российской Федерации, таким образом навязав другим народам эту идентичность», так и содержащими значительное количество передергиваний манипуляциями с историческими фактами и общеисторической оптикой. Как отмечают [некоторые СМИ](#), основная цель выступления – доказать, что история «многонациональной России» – это не история русского народа, не история Русского государства, не история славян.

Д. Мухетдинов воспользовался негативным резонансом вокруг своего выступления, вероятно, для того, чтобы транслировать на широкую аудиторию и закрепить у нее свои убеждения и представления, в которых просматриваются признаки русофобии, мигрантофилии, сепаратизма, неприятия Русского мира.

Особые риски в трансляции идей Д. Мухетдинова несет его общественный и религиозный статус, и то, что они затрагивают межнациональные и межконфессиональные отношения.

Тенденции в межнациональных и межрелигиозных сферах

Межэтнические и межрелигиозные отношения и процессы в современной России традиционно складываются на основе многообразного состава населения. Результаты ВПН-2020 подчеркивают природу и суть Российской Федерации как крупнейшего на Земном шаре многонационального и поликонфессионального государства, традиционного исповедующего терпимое толерантное отношение различных народов, представителей традиционных религий и конфессий друг к другу.

Сегодня для современных межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации характерным являются: устойчивое движение к созданию

и поддержанию общегражданской – цивилизационной идентичности, способной сплотить и укрепить народы России, стремление российской власти и общества к гармонизации и укреплению межэтнического согласия и межрелигиозного мира. По [данным социологического опроса](#) о межнациональных отношениях в России, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в июле 2024 г. – 60 % опрошенных россиян уверены в том, что многонациональность делает Россию сильнее, 79 % опрошенных положительно оценивают состояние межнациональных отношений по месту своего жительства (т.е. как спокойные и доброжелательные), 81 % россиян не испытывают тревоги, страха или неприязни к людям другой национальности.

Динамика современных общемировых и внутрироссийских социально-политических процессов, текущая военно-политическая обстановка, выраженная как противостоянием России и стран коллективного Запада, так и проведением специальной военной операции, в сумме определяют фабулу межнациональных и межрелигиозных отношений, а также конфигурацию и содержание тенденций и закономерностей в рассматриваемой сфере.

В 2024 г. фиксируется относительная стабильность в межнациональных отношениях, достигнутая благодаря усилиям государства и общественных институтов в сфере гармонизации межнациональных отношений и профилактики социальных конфликтов по этническим и/или религиозным мотивам.

Вместе с тем остаются локальные очаги острой напряженности, особенно в крупных городах с высокой концентрацией иностранных граждан – мигрантов и в субъектах России с этнокультурными особенностями.

Обстановка в межрелигиозной сфере также стабильна, что обеспечивается поддержкой традиционных религий на государственном уровне, сохранением условий межрелигиозного диалога и взаимодействия. При этом диагностируются достаточно высокие риски, связанные с распространением религиозного экстремизма в некоторых российских регионах и попытками радикализации разнообразных сегментов общества по религиозным основаниям, особенно молодежи.

В большинстве регионов страны межнациональные и межрелигиозные отношения остаются стабильными благодаря активной государственной политике и сотрудничеству с этнокультурными и религиозными организациями. Однако локальные очаги напряжённости сохраняются, особенно: в крупных городах с высоким уровнем миграции; в многонациональных регионах Северного Кавказа и Поволжья, где сосредоточены различные этнические группы и религиозные конфессии. Государство активно сотрудничает с представителями традиционных религиозных конфессий, которые играют важную роль в укреплении нравственности и духовного единства общества. При этом ведётся борьба с проявлениями экстремизма и попытками религиозной радикализации. Влияние миграции на этнокультурный баланс остаётся значительным. В последние годы усилился приток мигрантов из стран Центральной Азии и Южного Кавказа, что требует мер по социальной адаптации и интеграции приезжих.

Наблюдаемые тенденции.

Государственная политика по укреплению межнационального согласия. Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. остается центральным инструментом гармонизации межнациональных отношений. Активно развиваются национально-культурные автономии, реализуются образовательные и культурные программы для укрепления единства многонационального российского общества. Наблюдается увеличение интереса к сохранению этнокультурного наследия, языков и традиций народов России, особенно среди молодого поколения. Программы по сохранению языков коренных малочисленных народов получили новый импульс. Растет число фестивалей, культурных и образовательных инициатив, нацеленных на укрепление этнического самосознания.

Интеграция мигрантов и снижение социальной напряжённости.

Власти активно работают над:

- созданием условий для социальной адаптации трудовых мигрантов (курсы русского языка, культурные программы);
- профилактикой конфликтов на этнической почве в крупных городах, где сосредоточены миграционные потоки.

Однако остается проблема нелегальной миграции и ее влияния на рынок труда и социальную инфраструктуру.

Продолжается борьба с экстремизмом, националистическими проявлениями и религиозным радикализмом. Особое внимание уделяется предотвращению распространения экстремистских идей среди молодёжи; контролю за деятельностью деструктивных религиозных группировок; блокировке экстремистского контента в интернете.

Важной тенденцией является активизация межрелигиозного взаимодействия в России. Традиционные религии продолжают совместно реализовывать социальные и культурные проекты; противодействовать религиозному экстремизму и радикализации общества; укреплять духовные и нравственные ценности в обществе.

Межнациональные и межрелигиозные отношения в России в 2024 г. остаются стабильными при сохранении ряда вызовов. Государство продолжает усиливать меры по гармонизации отношений, противодействию экстремизму и адаптации мигрантов. Основные тенденции включают укрепление этнокультурного самосознания, развитие межрелигиозного диалога и активное участие молодежи в проектах по укреплению единства многонационального российского общества.

Вызовы и угрозы межнациональным отношениям в России в 2024 г.

1. Рост миграционных потоков и проблемы адаптации мигрантов.

Увеличение численности трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и Южного Кавказа создаёт напряжение в регионах с высокой концентрацией приезжих, особенно в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Проблемы: недостаточная социальная адаптация мигрантов (слабое знание

русского языка, культурные различия); конкуренция на рынке труда между мигрантами и местным населением; рост нелегальной миграции, что приводит к теневой экономике и росту преступности со стороны мигрантов.

2. Проявления экстремизма и радикализации.

Распространение экстремистских и националистических идеологий остается одним из ключевых вызовов для межнационального мира. Основные проявления: активизация радикальных националистических группировок; попытки религиозной радикализации среди мигрантов и местного населения, особенно среди молодежи; распространение экстремистского контента в интернете и социальных сетях.

3. Социально-экономическое неравенство в многонациональных регионах.

В регионах с многонациональным составом (Северный Кавказ, Поволжье, Дальний Восток) сохраняется социально-экономическое неравенство, что может стать катализатором межнациональных конфликтов. Проблемы: высокий уровень безработицы и бедности среди отдельных этнических групп; ограниченный доступ к образованию и социальной поддержке в отдалённых регионах; недовольство местного населения экономической активностью мигрантов.

4. Межэтнические конфликты на локальном уровне.

Локальные конфликты на этнической почве могут возникать в регионах с многообразным составом населения и высоким уровнем миграции. Причины: недостаточная интеграция мигрантов в местное сообщество; конкуренция за ресурсы (рабочие места, социальные блага); стереотипы и предвзятость в отношении различных этнических групп.

5. Угрозы информационного характера и киберэкстремизм.

Активное распространение в информационном пространстве материалов, направленных на разжигание межнациональной розни и пропаганду экстремистских идей. Формы угроз: фейки и дезинформация, направленные на разжигание вражды между народами России; использование социальных сетей для координации экстремистских и националистических акций; попытки деструктивного внешнего вмешательства в межнациональную обстановку России.

6. Национализм и ксенофобия.

Проявления бытового национализма и ксенофобии среди части населения могут подрывать основы межнационального мира. Факторы риска: экономические трудности, которые нередко связываются с присутствием мигрантов; пропаганда идей национального превосходства со стороны отдельных группировок; усиление этнических стереотипов в общественном сознании; внешние влияния.

7. Углубление религиозных противоречий и межконфессиональная напряженность.

Несмотря на стабильность в межрелигиозной сфере, сохраняются риски обострения межконфессиональных противоречий. Причины: деятельность радикальных религиозных группировок; попытки экспорта религиозного

экстремизма из-за рубежа; конфликты интересов между различными религиозными общинами.

8. Низкая культурная грамотность и толерантность.

Недостаточная осведомленность населения о культуре, традициях и обычаях других народов способствует росту непонимания и предвзятости. Факторы: слабая межкультурная коммуникация; недостаток образовательных программ и просветительской работы по межнациональному диалогу; малоэффективное участие СМИ в формировании толерантного отношения среди населения.

Межнациональные отношения в России в 2024 г. сталкиваются с рядом вызовов, включая рост миграции, экстремизм, социально-экономические проблемы и угрозы информационного характера. Для преодоления этих рисков необходима системная работа государства, религиозных и общественных организаций по:

- социальной адаптации мигрантов;
- борьбе с экстремизмом и ксенофобией;
- укреплению этнокультурного диалога;
- повышению толерантности и культурной грамотности населения.

Успешное преодоление данных вызовов является ключевым условием для сохранения стабильности и гармонии в многонациональном российском обществе.

Оптимальным средством обеспечения безопасности и стабильности в сфере межнациональных отношений в контексте российского политического процесса представляется распознавание структуры, роли и тенденций системообразующих факторов современных этнополитических процессов (внешнеполитического, внутриполитического, социально-экономического, этнокультурного, конфессионального и др.) с последующей усиленной корректировкой их содержания и выработкой мер позитивного политического воздействия. Для поддержания позитивного межнационального климата в современном российском обществе требуется нивелировать предубеждения по отношению к согражданам, как правило, представителям различных этнических сообществ, и, непосредственно полагаясь на демократические институты и принципы, поддерживать высокие стандарты по сохранению и укреплению этнокультурного разнообразия народов России, не допуская дискриминации и ущемления прав российских жителей по этническому, расовому и религиозному основанию.

ЦСПИИТ